1julyclub.org

Три года реформы РАН: неподведенные итоги

МОСКВА 2016

Содержание

Вступительное слово 5

Коллективные обращения Клуба 1 июля 7

1. Открытое письмо членов РАН по поводу ликвидации Российской академии наук 7

2. Заявление ученых Российской академии наук «О законопроекте "О Российской академии наук, реорганизации государственных академий наук и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации"» 8

3. Открытое письмо Председателю Правительства РФ Д.А. Медведеву о ситуации в науке 9

4. Открытое письмо членов клуба 1 июля о фонде «Династия» 10

5. Письмо в Президиум РАН по поводу обсуждения кандидатуры М.Ю. Головнина на пост директора Института экономики РАН 11

6. Заявление Клуба 1 июля по поводу увольнения М.В.Данилова из Института теоретической и экспериментальной физики (ИТЭФ) 12

7. Заявление членов клуба 1 июля 12

Статьи и выступления членов клуба 1 июля 14

Год 2013 14

1. Письмо члена-корреспондента РАН Аскольда Иванчика в адрес Дмитрия Ливанова 14

2. Законопроект о реформе Российской академии наук — это ее ликвидация 15

3. Атака на Академию — атака на фундаментальную науку 17

4. Национальная катастрофа, новость на час 20

5. РАН: реформа против эволюции 24

6. Реформа РАН встряхнула девелоперов. 26

7. Странно требовать «научного аудита» только от институтов РАН 29

8. Нужна ли наука в России? 32

9. «То, что предлагается министерством,— это советизация науки» 34

10. Математика и математики подреформенной России 38

11. Письмо академика РАН В.Е. Захарова президенту Российской Федерации В.В. Путину 45

12. Широким слоям общества эта тема оказалась неинтересна 45

13. О проекте положения о ФАНО 48

14. Почему власть боится Академии наук 49

15. Это не реформа, а все та же ликвидаци. 51

16. Быстрое нарастание энтропии 52

17. «Будем без конца писать бумаги» 61

18. Истина поступка — дело 63

19. Russian science in danger 64

20. «Развитие науки определяет качество народа» 66

21. Реформа в больших кавычках 71

22. Реформа в больших кавычках 75

23. Реформа в кавычках. 80

***Год 2014* 85**

24. Кто их пр осил становиться академиками? 85

25. Обращение председателя оргкомитета Конференци научных работников академика В.Е. Захарова к участника. 90

26. Мы должны быть услышанным. 91

27. Как реформировали Российскую академию наук. 93

28. Письмо академика РАН В.Е. Захарова руководителю ФАНО России М.М. Котюкову. 102

29. «Нас последними встроили в вертикаль» 105

30. Такое впечатление, что при разработке реформы РАН авторы не понимали, к чему стремились и чем это должно закончиться 109

Год 2015 115

31. Выступление на Общем собрании РАН 115

32. Выступление на Общем собрании РАН 116

33. Александр Кулешов: «Много раз падал, много раз вставал» 118

34. Власть «послушных» 123

35. Наука – не только звезды 125

36. Реформа Российской академии наук — что будет дальше? 129

37. Мы сейчас не науку делаем, а индексы зарабатываем 132

38. Государство не формулирует, что ему нужно от науки 138

39. На пороге нового витка реформ 142

40. Наукой должны управлять ученые! 143

41. Как набрать большой индекс цитирования, работая в России? 147

42. Образование стремительно деградирует 149

43. Наука деградирует ежегодно, ежечасно 151

Год 2016 154

44. Бюрократический пресс на науку очень сильно вырос 154

Вступительное слово

27 июня 2013 г. в истории Российской академии наук началась новая эпоха. В этот день состоялось заседание российского правительства, на котором министр образования и науки Д. В. Ливанов представил законопроект о реформе РАН.

Согласно законопроекту, она упразднялась, академические институты частично передавались во вновь создаваемое правительственное «агентство научных институтов Российской академии наук», частично — в другие ведомства, а частично ликвидировались. Вместо прежней академии создавалось новое «общественно-государственное объединение» с тем же названием и неясными функциями. Все его члены получали звание академиков, звание члена-корреспондента упразднялось. Новыми академиками могли стать академики и член-корры ликвидированной РАН, а также двух других упраздняемых академий — Академии медицинских и Академии сельскохозяйственных наук, если они соглашались написать личное заявление о приеме в новую академию. При этом новым академикам устанавливалось денежное содержание в 100 тыс. рублей в месяц (вдвое больше, чем тогдашние выплаты действительным членам РАН).

Законопроект готовился в строжайшей тайне — избранный за месяц до того президент РАН В. Е. Фортов узнал о нем только накануне поздно вечером, а большинство членов правительства, включая ключевых, как министры обороны, внутренних дел, иностранных дел, сельского хозяйства, впервые были о нем проинформированы на самом заседании.

Несмотря на возражения и президента РАН, и этих министров, законопроект был одобрен и на следующий день внесен в Думу.

Публикация в прессе сообщений об этом законопроекте вызвала возмущение научной общественности и внутри академии, и за ее пределами. В тот же день стали публиковаться коллективные и индивидуальные заявления известных ученых — как российских, так и зарубежных — с протестами против планируемого правительством уничтожения Академии.

1 июля 2013 г. прошли заседания Президиума РАН и общих собраний нескольких отделений РАН, в ходе которых ряд членов академии заявил о своем неприятии правительственного законопроекта и отказе вступать в новую академию, если существующая будет распущена. Был составлен очень короткий текст, фиксирующий эту позицию, с предложением присоединяться к нему; текст опубликовали на своих интернет-сайтах издания «Троицкий вариант — Наука» и «Полит.ru», а также Общество научных работников. Сбор подписей взял на себя И. В. Волович. К концу недели, когда законопроект стремительно прошел в Думе первое и второе чтения, более 70 членов РАН объявили о своем желании присоединиться к заявлению; их имена были опубликованы в тех же изданиях.

Подписали это заявление самые разные люди — разного возраста, с разными политическими взглядами и отношением к общественной активности, с разным пониманием задач развития науки. Большинство подписавших даже не были знакомы друг с другом. Объединяло их одно — ощущение того, что в ситуации открытого насилия над российской наукой вообще и над академией в частности невозможно промолчать, а писать заявление о вступлении в новую, созданную насильниками, академию — значит пойти на невозможное унижение и отказаться от самих себя.

Первоначально никто из подписавших заявление от 1 июля не планировал создавать какое-то объединение или клуб. Собственно, о «клубе» заговорили журналисты, они же, похоже, и стали первыми употреблять название «Клуб 1 июля». Впервые оно появляется в прессе, по-видимому, в сообщениях о собрании 8 июля, состоявшемся в ФИАНе. Собрание было неформальным и не ограничивалось подписавшими письмо: было решено собраться, чтобы обсудить, что делать в новой ситуации, сложившейся после стремительного утверждения законопроекта Думой в первом и втором чтении и ожидавшегося его быстрого утверждения и в третьем чтении.

Главным решением, принятом на этом заседании, было решение добиваться созыва общего собрания РАН в сентябре 2013 г., которое вскоре дополнилось решением организовать конференцию научных работников, состоявшуюся в конце августа 2013 г. На собрании 8 июля большинство будущих членов Клуба 1 июля впервые встретились и познакомились. Тогда же они решили, что сложившейся в результате подписания заявления группе единомышленников стоит держаться вместе и что от нее в ближайшем будущем могут потребоваться активные действия. Поэтому было решено согласиться с тем, чтобы называть себя клубом и принять название «Клуба 1 июля». Однако одновременно решили этот клуб никак не формализовать — не вводить специ-

ального членства, не избирать руководства, не формулировать программ и задач. Клуб просто состоит из тех, кто однажды подписал заявление от 1 июля; соответственно, ни выйти из него, ни вступить новым членам невозможно — после отказа от разгона РАН и продолжения ее существования, пусть и в искаженном виде, подписывать заявление стало бессмысленно.

Оставаясь в высшей мере неформальным объединением, клуб за время, прошедшее с июля 2013 г. был все же довольно активен. То, насколько члены клуба участвуют в его деятельности, решают только они сами. Некоторые из них ограничились лишь подписанием заявления 1 июля и от дальнейшей активности воздержались. Другие находятся в постоянном контакте между собой: члены клуба создали google-группу, в рамках которой постоянно обсуждают вопросы, связанные с проблемами реформ и организации науки в России. Несколько раз в год члены клуба встречаются и для очного общения. Эти обсуждения, кроме самостоятельной ценности, дают и практические результаты: так, клуб был одним из инициаторов ряда важных общественных начинаний, прежде всего Комиссии по контролю за реформами в сфере науки и оргкомитета постоянной Конференции научных работников (проведено три сессии). Не будет преувеличением сказать, что члены клуба в этих общественных организациях составляют ядро самых активных членов.

Обстоятельства возникновения Клуба 1 июля объясняют тот факт, что у его членов самые разные, часто противоположные, взгляды и на проблемы развития науки, и на проблемы развития России и мира в целом. Предлагаемый вниманию читателя сборник материалов отражает это разнообразие лишь частично. Мы включили в него лишь те опубликованные в различных СМИ материалы, которые непосредственно связаны с реформой РАН и реформированием науки в России за время, прошедшее с июля 2013 г., при этом старались отобрать те из них, которые лучше отражали ситуацию того или иного периода. Таких материалов накопилось, как оказалось, довольно много, и для сборника пришлось проводить отбор. Полный список публикаций членов Клуба 1 июля по проблемам реформирования науки мы планируем опубликовать на недавно открытом интернет сайте клуба (www.1julyclub.org).

Публикуя этот сборник, мы не только хотим сделать более известными взгляды членов Клуба 1 июля, но и надеемся привлечь к сотрудничеству тех, кому небезразлична судьба Российской академии наук и науки в России. Ведь реформы, начавшиеся в 2013 г., по-всей видимости, еще далеки от завершения, а значит и расслабляться рано.

Аскольд Иванчик
Член-корреспондент РАН

Коллективные обращения Клуба 1 июля

1. Открытое письмо членов РАН по поводу ликвидации Российской академии наук

1 июля 2013 г.

Введение к письму

УВАЖАЕМЫЕ ЧЛЕНЫ РАН!

Многими коллегами выражено категорическое неприятие проекта Федерального закона «О Российской академии наук», направленного в Думу. Согласно этому проекту предполагается ликвидация РАН и создание новой «РАН» в форме «клуба академиков», отделенного от институтов. Ситуация критическая. Риторики недостаточно. С нашей стороны необходимы срочные практические меры противодействия планам по ликвидации РАН.

Президенту РФ В.В.Путину

Председателю Совета Федерации РФ В.И.Матвиенко

Председателю Государственной Думы РФ С.Е.Нарышкину

Председателю правительства РФ Д.А.Медведеву

Выражая категорическое неприятие проекта Федерального закона «О Российской академии наук, реорганизации государственных академий наук и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» 305828-6, направленного в Государственную Думу, заявляем об отказе вступить в новую «РАН», если закон будет принят, так как не считаем ее законной и достойной правопреемницей и заменой существующей Российской академии наук, основанной Петром I.

Академик В.Е. Захаров
Академик А.В. Кряжимский
Академик В.А. Рубаков
Академик Д.В. Ширков
Академик Ю.Л. Ершов
Академик В.М. Котляков
Академик Н.С. Диканский
Академик В.А. Васильев
Академик Л.В. Келдыш
Академик С.М.Стишов
Академик А.А. Старобинский
Академик В.Л. Янин
Академик А.А. Абрикосов
Академик В.Б. Бетелин
Академик Р.И. Нигматулин
Академик В.В. Дмитриев
Академик М.В. Садовский
Академик М.А. Грачев
Академик А.П. Кулешов
Академик В.Б. Тимофеев
Академик В.А. Дыбо
Академик Г.М. Элиашберг
Академик А.В.Чаплик
Академик С.С. Герштейн
Академик Р.З. Сагдеев

Академик А.В. Гапонов-Грехов
Академик Ю.Н. Парийский
Академик Н.С. Кардашев
Академик Р.А. Сурис
Академик Л.Б. Окунь
Член-корр РАН Ю.И. Манин
Член-корр РАН И.В. Волович
Член-корр РАН В.И. Данилов-Данильян
Член-корр РАН А.Ю. Морозов
Член-корр РАН П.И. Арсеев
Член-корр РАН М.И.Высоцкий
Член-корр РАН К.П. Зыбин
Член-корр РАН В.Н. Гаврин
Член-корр РАН И.Б. Хриплович
Член-корр РАН В.Е. Балакин
Член.-корр. РАН О.Н. Соломина
Член-корр РАН Н.Г. Смирнов
Член-корр РАН А.А. Соловьев
Член-корр РАН С.Ю. Немировский
Член-корр РАН А.А. Белавин
Член-корр РАН И.И. Ткачев
Член-корр. РАН М.И. Яландин
Член-корр РАН Е.Л. Ивченко
Член-корр РАН С.В. Иванов

Член-корр РАН Б.Л. Иоффе
Член-корр РАН Н.Н. Сибельдин
Член-корр РАН А.А. Соболев
Член-корр РАН Е.В. Щепин
Член-корр РАН С.К. Гулев
Член-корр РАН Ю.Г. Махлин
Член-корр РАН Е.А. Хазанов
Член-корр РАН А.А. Толстоногов
Член-корр РАН И.А. Панин
Член-корр РАН А.И. Иванчик
Член-корр РАН Д.И. Трубецков
Член-корр РАН Д.В. Трещев
Член-корр РАН Р.Л. Смелянский
Член-корр РАН А.В. Дыбо
Член-корр РАН А.А. Разборов
Член-корр РАН Л.Д. Беклемишев
Член.-корр РАН В.В. Бражкин
Член-корр РАН К.Е. Дегтярев
Член-корр РАН А.М. Сергеев
Член-корр РАН А.Б. Борисов
Член-корр РАН Н.Н. Розанов
Член-корр РАН М.И. Рабинович
Член-корр РАН А.К. Муртазаев
Член-корр РАН А.Е. Аникин

2. Заявление ученых Российской академии наук «О законопроекте "О Российской академии наук, реорганизации государственных академий наук и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации"»

8 июля 2013 г.

Внесенный Правительством законопроект изменен Государственной Думой. Слова о «ликвидации РАН» убраны. Однако фактически предлагается РАН ликвидировать и создать новую организацию под тем же названием. Мы считаем принятый во втором чтении законопроект неприемлемым.

1. Особое беспокойство вызывает судьба институтов и организаций РАН. Законопроект не исключает, что судьба научных коллективов окажется в руках чиновников, а самоуправление научных коллективов будет ликвидировано. Это окажет резко негативное влияние на состояние науки в России.
2. Реформу РАН следует проводить после широкого обсуждения, без спешки и только на основании устава РАН.
3. Призываем Президиум РАН срочно, не позднее первой недели сентября 2013 года, созвать Общее собрание РАН.

Павлов В.П.
внс МИАН, дфмн

Кулешов А.П.
ИППИ РАН, директор, академик

Старобинский А.А.
ИТФ РАН, академик

Кашин Б.С.
МИАН, академик

Конягин С.В.
МИАН, член-корр РАН

Дыбо А.В.
ИЯз РАН, член-корр РАН

Дыбо В.А.
ИнСлав РАН, академик

Гулев С.К.
ИО РАН, член-корр РАН

Волович И.В.
член-корр РАН

Кузнецов Е.А.
ФИАН, член-корр РАН

Погребков А.К.
внс МИАН, дфмн

Подольский В.В.
н.с. МИАН, кфмн

Маршаков А.В.
внс ФИАН, дфмн

Зыбин К.П.
ФИАН, член-корр РАН

Миронов А.Д.
внс ФИАН, дфмн

Сибельдин Н.Н.
ФИАН, член-корр РАН

Попов В.Л.
внс МИАН, дфмн

Хазанов Е.А.
ИПФ РАН, член-корр РАН

Дмитриев В.В.
ИФП РАН, академик

Марченко В.И.
ИФП РАН, дфмн

Ткачев И.И.
ИЯИ РАН, член-корр РАН

Миронова Т.В.
н.с. ФИАН

Заяц В.А.
глав.спец ОФН РАН, кфмн

Романовский М.Ю.
ОФН РАН, дфмн

Пальвелев Р.В.
МИАН, кфмн

Рубаков В.А.
ИЯИ РАН, академик РАН

Захаров В.Е.
ФИАН РАН, академик РАН

Мойко С.О.
снс ФИАН, кфмн

Полухина Н.Г.
завлаб ФИАН, дфмн

Арсеев П.И.
ФИАН, член-корр РАН

Самохин А.А.
гнс ФИАН, дфмн

Андрюшечкин Б.В.
зав. лаб ФИАН, кфмн

Ельцов К.Н.
зав. отд. ФИАН, дфмн

Литинский Л.Б.
зав. сектора НИИСИ РАН, кфмн

Крыжановский Б.В.
НИИСИ РАН, член-корр РАН

Васильев В.А.
МИАН, академик

Принято на собрании «Клуба 1 июля» в ФИАН

3. Открытое письмо Председателю Правительства РФ Д.А. Медведеву о ситуации в науке

6 мая 2015 г.

Уважаемый Дмитрий Анатольевич!

«Реформа» Российской академии наук нанесла сокрушительный удар по отечественной науке и образованию, едва начавшим приходить в себя после кризиса 90-х годов. Под угрозой уничтожения оказались ведущие российские научные центры и научные школы, резко изменилось настроение научной молодежи, не видящей более для себя возможности работать на Родине.
К сожалению, это является результатом деятельности и отдельных членов Вашего Правительства.

Вместе с тем, Ваше недавнее выступление на Общем собрании РАН показало, что Вы лично настроены иначе и готовы поддержать объявленный Президентом РФ курс, направленный не на разрушение, а на сохранение и возрождение фундаментальных и прикладных научных исследований в России, постепенное восстановление наших позиций в мировой науке. Вы говорили о возможности корректировки «самых разных вопросов, если это отвечает интересам науки и если это отвечает интересам Российской Федерации». Сейчас это необходимо, как никогда.
В этой связи мы полагаем, что научное сообщество приветствовало бы следующие серьезные шаги, которые Вы могли бы сделать ему навстречу:

1) Отложить утверждение подготовленных Минобрнауки РФ и ФАНО РФ документов:

- Проект распоряжения Правительства Российской Федерации «Об утверждении Программы фундаментальных научных исследований в Российской Федерации на долгосрочный период» (ID проекта на сайте regulation.gov.ru: 00/04–24029/03–15/58–13–12);
- Проект ведомственного приказа «Об утверждении методических рекомендаций по распределению субсидий, предоставляемых федеральным государственным учреждениям, выполняющим государственные работы в сфере научной (научно-исследовательской) и научно-технической деятельности» (ID проекта: 00/04–24988/04–15/58–14–5);
- Проект плана реструктуризации научных организаций (выставлен для обсуждения на сайте fano.crowdexpert.ru).

2) Принять личное участие в работе третьей сессии постоянной конференции научных работников, которая состоится 29 мая в Москве.

3) Рассмотреть в качестве приоритетных подготовленные в ходе этой работы альтернативные концепции развития фундаментальных исследований в России, приемлемые для научного сообщества.

Наша настоятельная просьба не принимать скоропалительных и непродуманных решений, предлагаемых Минобрнауки и ФАНО, основана на убеждении, что России абсолютно необходима полная триада:

а) наличие во всех регионах страны научных центров, в совокупности охватывающих самый широкий спектр областей знания и являющихся не только инструментом получения научных результатов, но и источником национальной культуры и основой общего образования, а также базой для понимания процессов, происходящих в той или иной области знания, которая всегда может внезапно выдвинуться на первый план, в том числе в технике и в экономике;

б) развитие центров науки и научного образования высшего мирового класса, создание таких центров (в том числе функционирующих по всемирно признанной системе институтов перспективных исследований) — в областях, где мы еще имеем или способны быстро воссоздать соответствующие научные школы;

в) поддержка прикладных исследований и инноваций, восстановление отраслевой науки, научно-инженерного и высшего профессионального образования.

Элементы этой триады решают разные задачи, требуют разной системы управления, критериев оценки и финансирования. Но в условиях нашей страны, в том числе с учетом ее низкой инвестиционной и иммиграционной привлекательности в сфере высоких технологий, нам жизненно необходимо развитие во всех этих трех направлениях.

Для возрождения науки и повышения инженерно-технологического уровня страны необходимо кропотливое восстановление самой научно-технической среды, начиная от школьников и студентов. Эту среду невозможно купить, завезти и пересадить на отечественную почву, как нельзя рассчитывать и на массовое возвращение из-за рубежа ученых-соотечественников.

Именно забота о научной среде, о сохранении и развитии интеллекта и культуры в обществе и должна была бы являться основой любой государственной концепции развития науки и образования.

Этому прямо противоречит господствующая сейчас стратегия перевода всей науки исключительно на конкурсное финансирование. Такая стратегия отстаивается чиновниками Минобрнауки во многом из-за непонимания того, как функционирует наука, какова роль научной среды и общественного просвещения. Наука — не спортивное состязание и не совокупность конкурирующих бизнес-проектов. Пытаться оставить только «самые лучшие» коллективы, руководствуясь принципами мифической «эффективности» — гибельно. Такие коллективы, как разбросанные головешки костра, все равно погаснут, произойдет их деградация. Опыт, в том числе международный, показывает, что качественная фундаментальная наука может развиваться только в условиях регулярного «базового» финансирования, позволяющего вести исследовательскую работу достаточно широкому слою научных сотрудников, а не только отдельным «выдающимся ученым». Грантовое же финансирование является дополнением, решающим очень важные, но вспомогательные задачи дополнительной поддержки ученых и коллективов, выделяющихся на общем фоне. Если в нашей стране не станет «просто» ученых, то не будет и «выдающихся». Хуже того: не будет образования, не будет культуры, а скоро не будет и «человеческого капитала» — одного из основных конкурентных преимуществ страны.

Мы уверены, что, как и Президент РФ, Вы готовы вникнуть в реальные жизненные проблемы отечественной науки. Надеемся на Ваше положительное решение и на плодотворное сотрудничество.

По поручению Клуба 1 июля
и Оргкомитета постоянно действующей конференции научных работников

В.Е. Захаров, В.П. Калинушкин, А.П. Кулешов, В.А. Рубаков, С.М. Стишов, А.А. Щербина

4. Открытое письмо членов клуба 1 июля о фонде «Династия»

12 мая 2015 г.

Министру юстиции
Российской Федерации
А. В. Коновалову

Уважаемый Александр Владимирович!

Члены Клуба 1 Июля, академики и члены-корреспонденты Российской академии наук, выражают свой протест по поводу предполагаемого занесения фонда Д.Б. Зимина «Династия» в реестр иностранных агентов.

«Династия» известна в России как единственный оставшийся частный благотворительный фонд, оказывающий существенную поддержку науке и образованию в нашей стране. В этом качестве он оказывает неоценимую помощь и государству.

Недавно Д.Б. Зимину была присуждена премия Министерства образования и науки РФ «За покровительство российской науке».

Сегодня, спустя три месяца, делается попытка внести фонд «Династия» в реестр так называемых «иностранных агентов». Эта идея абсурдна, поскольку деятельность фонда полностью открыта и общеизвестна, она не имеет ничего общего с отстаиванием интересов иностранных государств и финансируется за счет частных средств Д.Б. Зимина, пусть даже и находящихся на зарубежных счетах. Объявление фонда «Династия» «иностранным агентом» с вытекающими отсюда юридическими и политическими последствиями нанесет серьезный удар по российским ученым и резко осложнит их работу по укреплению конкурентоспособности и престижа российской науки на мировом уровне.

Мы убедительно просим Вас взять эту ситуацию под личный контроль и не допустить включения фонда в реестр «иностранных агентов».

Академики РАН

В. А. Васильев
В. А. Дыбо
В. Е. Захаров
Н. С. Кардашев
Л. В. Келдыш
А. П. Кулешов
В. А. Рубаков
А. А. Старобинский
С. М. Стишов
Р. А. Сурис
А. В. Чаплик

Члены-корреспонденты РАН

А. Е. Аникин
П. И. Арсеев
Л. Д. Беклемишев
А. А. Белавин
В. В. Бражкин
И. В. Волович
С. К. Гулев
А. В. Дыбо
С. В. Иванов
А. И. Иванчик
Е. Л. Ивченко
А. Ю. Морозов
А. К. Муртазаев
С. Ю. Немировский
Н. Н. Розанов
М. И. Рабинович
Н. Н. Сибельдин
А. В. Соболев
О. Н. Соломина
Е. А. Хазанов

5. Письмо в Президиум РАН по поводу обсуждения кандидатуры М.Ю. Головнина на пост директора Института экономики РАН

29 октября 2015 г.

В Президиум РАН
В Отделение общественных наук РАН

Мы, нижеподписавшиеся члены Клуба 1 июля, считаем стиль и формат обсуждения в Президиуме РАН кандидатуры М.Ю. Головнина на пост директора Института экономики РАН абсолютно неприемлемыми и выражаем свою крайнюю обеспокоенность этим фактом. Рекомендация Президиума РАН бюро Отделения общественных наук пересмотреть список кандидатур является морально неприемлемым решением и создает опасный прецедент нарушения установленной процедуры выборов. Ситуация, когда Президиум РАН демонстрирует пренебрежительное отношение к принятым правилам и процедурам, которые регламентируют работу институтов, произвольно меняя их по ходу дела, не способствует сохранению престижа Российской Академии наук и ее руководства. Мы считаем также выступление С.Ю. Глазьева по обсуждаемому вопросу совершенно недопустимым в научном сообществе, т.к. оно соответствует худшим образцам травли ученых по политическим мотивам, известным из нашей истории. Президиум РАН в принципе не должен допускать появления подобных выступлений и, тем более, принимать на их основе решения. Вызывает удивление и то, что бюро Отделения общественных наук изменило свое решение под откровенным внешним давлением.

Академики РАН

В.А.Васильев
Н.С.Кардашев
А.А.Старобинский
С.М.Стишов
А.В.Чаплик

Члены-корреспонденты РАН

А.Е.Аникин
П.И.Арсеев
А.А.Белавин
А.В.Дыбо
А.И.Иванчик
А.Ю.Морозов
С.Ю.Немировский
Н.Н. Розанов
Н.Н.Сибельдин
О.Н.Соломина
А.В.Соболев
Е.А.Хазанов

Комментарий академика В.М.Полтеровича:

Использование политических обвинений в академической дискуссии может иметь разрушительные последствия для Российской академии наук и в особенности для наук общественных. Очень важно, что члены Клуба 1 июля, пользующегося высоким авторитетом в российском академическом сообществе, заявили о своем резко негативном отношении к подобным методам полемики. Меня крайне огорчает уверенность некоторых членов нашей Академии в том, что "экономики без политики не бывает". Именно так мотивировали свою точку зрения Н. П. Лаверов, В. Е. Фортов и еще ряд академиков, выступавших на заседании Президиума. Смею заверить, что бывает. Достаточно полистать ведущие западные экономические журналы — Econometrica, American Economic Review, Journal of Political Economy, etc. Да и лучшие российские экономические журналы при принятии решений о публикации исходят из новизны и доказательности научных результатов, а не из идеологических пристрастий авторов. Другое дело, что статьи некоторых российских (гораздо реже — западных) экономистов густо замешаны на политике, а принятым в экономике стандартам академического исследования не удовлетворяют; о них в основном и пишут газеты.

В. М. Полтерович
академик РАН

6. Заявление Клуба 1 июля по поводу увольнения М.В.Данилова из Института теоретической и экспериментальной физики (ИТЭФ)

7 ноября 2015 г.

Считаем, что решение руководства Института теоретической и экспериментальной физики об увольнении члена- корреспондента РАН М. В. Данилова — выдающегося российского физика, одного из наиболее известных и уважаемых в мире отечественных ученых, замечательного экспериментатора, педагога и организатора науки — это очередной шаг на пути уничтожения научного центра высшего мирового уровня, которым еще недавно был созданный А. И. Алихановым ИТЭФ. Верхом цинизма является выбранная формулировка увольнения: «в связи с отсутствием в институте позиций, отвечающих квалификации» М. В. Данилова. Увольнение М. В. Данилова, продолжающее гонения наиболее уважаемых ученых, уже ставшие привычными в НИЦ «Курчатовский институт», и массовое назначение директорами исследовательских учреждений некомпетентных администраторов представляют собой опасную тенденцию, ведущую к разрушению российской науки.

Государство должно сделать выбор между высоким уровнем науки, способствующей прогрессу России, и набором пустых парадных реляций, сопровождаемых небывалым ростом бумаготворчества. Мы призываем государство сделать выбор в пользу науки, обуздать зарвавшихся администраторов и потребовать от них проведения кадровойполитики в интересах науки и ученых.

7. Заявление членов клуба 1 июля

18 января 2016 г.

Прошедшие два с половиной года "научной реформы", изначально нацеленной на уничтожение Российской академии наук, не принесли никаких положительных результатов.

К явно отрицательным относятся: падение авторитета науки в обществе, а российской науки — в мире, демотивация и деморализация активно работающих ученых, развал научных коллективов и дальнейшая атомизация научного сообщества, снижение уровня жизни научных работников, новая волна научной эмиграции, особенно среди молодежи, резкая активизация бюрократов и проходимцев от науки, подмена научных критериев оценки бессмысленной формалистикой, расцвет лженауки и псевдонаучного прожектерства, уменьшение доли качественных отечествен-

ных публикаций в мировой науке. В результате мы стоим на грани окончательной ликвидации конкурентоспособной научной отрасли — одной из традиционных опор российской государственности.

В этой связи мы считаем, что Государственной Думе и Правительству необходимо признать допущенные ошибки и внести существенные коррективы в программу научных реформ. Главными из них должны стать признание науки как самостоятельной и самоценной области деятельности, включение ее развития в список государственных приоритетов, восстановление единства системы научных институтов и основополагающего принципа самоуправления науки.

Первыми шагами на этом пути могли бы быть следующие решения:

1. Включение фундаментальной науки в число приоритетных направлений научной политики РФ.
2. Переподчинение ФАНО Российской Академии Наук (это технически простейшее решение, не требующее новой перерегистрации институтов).
3. Отказ от механического слияния академической науки и ВУЗов, сохранение независимой от преподавательской деятельности профессии ученого и соответствующей современным требованиям системы научных институтов.
4. Полный вывод науки из-под юрисдикции МОН — либо кардинальный пересмотр приоритетов и принципов работы этого министерства.
5. Воссоздание из соответствующих отделений РАН независимых государственных Академий медицинских и сельскохозяйственных наук, исключение их из процесса выборов членов и руководящих органов РАН.
6. Внесение соответствующих изменений в «Закон о реформе РАН».
7. Проведение аудита научных учреждений и отдельных лабораторий учеными, на основе методики, предложенной Конференцией научных работников. Задачей аудита должно стать не уничтожение институтов и целых научных направлений, а выработка действенных мер по активизации их научной деятельности.
8. Восстановление связей РАН и высшего образования, полное воссоздание в системе РАН научной аспирантуры, нацеленной на воспитание ученых, передача РАН контроля над ВАК.
9. Кратное увеличение финансирования академической науки, возврат к прежнему ориентиру 4%-го (по отношению к ВВП) финансирования научных исследований.
10. Упрощение создания новых научных лабораторий, в том числе молодыми исследователями, существенное омоложение руководящего состава РАН.
11. Прекращение поддержки изоляционистских тенденций в российской науке, ведущих к ускоренной деградации отечественного интеллектуального и экономического потенциала.
12. Реальное включение активно работающих ученых, пользующихся доверием научного сообщества и мировым признанием, в систему государственного управления наукой и запрет на выработку решений в этой сфере без их участия и явного одобрения.

После принятия этих неотложных мер необходимо приступить к подлинному реформированию научных институций в России, в котором они, несомненно, нуждаются. Эта реформа должна разрабатываться и проводиться не вопреки, а вместе с научным сообществом и в его интересах, опираться на основополагающие принципы самоуправления ученых и обеспечения свободы научного творчества.

Члены Клуба 1 июля

Академики РАН:

В.А. Дыбо, Ю.Л. Ершов, Н.С. Кардашёв, А.П. Кулешов, В.А. Рубаков, М.В. Садовский, А.А. Старобинский, С.М. Стишов, Р.А. Сурис А.В. Чаплик

Члены-корреспонденты РАН:

А.Е. Аникин, П.И. Арсеев, А.А. Белавин, В.В. Бражкин, И.В. Волович, В.Н. Гаврин, С.К. Гулев, А.В. Дыбо, А.И. Иванчик, Е.Л. Ивченко, А.Ю. Морозов, Н.Н. Розанов, Н.Н. Сибельдин, О.Н. Соломина, Е.А. Хазанов

Статьи и выступления членов клуба 1 июля

Год 2013

1. Письмо члена-корреспондента РАН Аскольда Иванчика в адрес Дмитрия Ливанова

3 июля 2013

Открытое письмо заместителя главы Совета по науке при Минобрнауки чл.-корр. РАН Аскольда Игоревича Иванчика в адрес Д.В. Ливанова

Министру образования и науки Российской федерации Д.В. Ливанову

Уважаемый Дмитрий Викторович,

Я всегда считал избрание в Российскую Академию наук высшим в нашей стране признанием заслуг ученого. Когда меня избрали членом-корреспондентом в 2003 году, я с трудом поверил в этот успех, тем более, что мне было только 38 лет и я был (да и сейчас остаюсь) самым молодым членом Отделения историко-филологических наук и одним из самых молодых во всей Академии.

Быть избранным в действительные члены РАН для меня было бы огромной честью. До прошлой недели у меня не возникало сомнений в том, что путь в академики единственный: избрание на выборах, проведенных в соответствии с действующим уставом РАН. Однако сейчас Вы, вице-премьер Голодец и премьер-министр Медведев предлагаете мне и другим членам- корреспондентам иной путь: быть повышенными в звании приказом начальства, как в армии, с двойным (или даже четырехкратным) увеличением денежного содержания. Условие одно: подать заявление, означающее согласие с уничтожением той Академии, в которую я был избран, в которой работал все годы после окончания Университета и в которой всю жизнь работали мои родители. Сам факт такого предложения я считаю оскорбительным и для себя лично, и для других членов Академии. Разумеется, такого заявления я подавать не буду.

Ликвидацию Российской Академии наук и создание на ее месте некой имитации, «Российской академии наук», название которой ее создатели справедливо решили заключить в кавычки, я считаю незаконными как по сути, так и по процедуре принятия решения. Это мое мнение не изменится и в случае принятия соответствующего закона парламентом и утверждения его президентом.

Лишить меня звания избираемого пожизненно члена-корреспондента настоящей Российской академии наук даже и после ее незаконного уничтожения, не сможет никто, и я буду продолжать с гордостью носить его.

А.И. Иванчик

Член-корреспондент РАН, д.и.н., научный руководитель Отдела сравнительного изучения древних цивилизаций, главный научный сотрудник Института всеобщей истории РАН, главный редактор журнала «Вестник древней истории», председатель Российской ассоциации антиковедов, зам. председателя Совета по науке Министерства образования и науки РФ

Полит.ру
http://polit.ru/article/2013/07/03/ivanchik/

2. Законопроект о реформе Российской академии наук — это ее ликвидация

3 июля 2013

Роберт Нигматулин,
Академик РАН
Интервью сайту **Infox.ru**

Госдума рассмотрит в первом чтении законопроект о реформе Российской академии наук. Депутаты оставили его в повестке заседания, несмотря на возражения фракций «Справедливая Россия» и КПРФ, множества экспертов и учёных. Напомним, 27 июня глава Минобрнауки Дмитрий Ливанов сообщил о подготовке законопроекта, который предполагает слияние РАН с академиями медицинских наук и сельскохозяйственных наук, а также создание специального финансового регулирующего исполнительного органа власти — Агентства научных институтов РАН. Президиум РАН выступил категорически против правительственного законопроекта о реформировании академии.

О новой реформе, ее возможных последствиях корреспонденту Infox.ru рассказал академик, член Президиума РАН, директор Института океанологии им. П.П. Ширшова РАН Роберт Искандерович Нигматулин.

— Роберт Искандерович, как Вы считаете, к чему приведет реорганизация РАН, которую предписывает новый законопроект?

По сути -это ликвидация Российской академии наук. А затем ее воссоздание в другом виде. Причем, в законопроекте не прописано, что новая академия будет правопреемником старой. При этом она будет иметь совершенно непонятный статус общественно-государственного объединения. Ликвидация РАН, в частности, выражается еще и в том, что я, например, перестаю быть академиком, а чтобы меня приняли в новую академию, необходимо будет написать заявление. Я знаю, что многие ученые говорят, что не будут этого делать. Что касается наших иностранных коллег, которые являются членами РАН, то они говорят, что выйдут из этой новой структуры. Но, на самом деле, они ведь автоматически лишаются прежнего статуса, получается, что и членами новой академии они не будут являться, если не напишут соответствующее заявление.

— В законопроекте говорится, что в состав новой РАН вольются РАМН и Россельхозакадемия, что это будет означать?

Это означает ликвидацию в нынешнем виде Медицинской академии и Сельскохозяйственной. Совершенно непонятно, зачем это нужно делать. Например, Медицинская академия существует уже 70 лет и это настоящий бренд.

— Что Вы думаете по поводу других нововведений: лишения РАН самоуправления, упразднения звания членакорреспондента РАН?

Лишение РАН самоуправления нецелесообразно. Я не могу утверждать, что у меня в институте накопилось множество материально-технических проблем, которые невозможно решить. Если возникают какие-то трудности, то возможны разные пути их решения. А звание члена-корреспондента РАН существует уже сотни лет. Например, Дмитрий Иванович Менделеев носил звание члена-корреспондента Академии наук, к сожалению, его не избрали академиком. Но всегда в любой корпорации бывают несправедливые решения, все структуры неидеальны. Еще одно совершенно непонятное решение -три года моратория на выборы. У нас объявлен конкурс на конец этого года. Почему?

— Что Вы могли бы сказать о степени подготовки этого законопроекта?

За всю историю существования РАН подобных реформ не было. У меня есть экспертное заключение, которое было подготовлено директором Института государства и права РАН академиком Андреем Лисицыным-Светлановым. В нем говорится, что этот законопроект как результат работы

чиновников является продуктом самого низкого качества и содержания. При этом, кто автор этого проекта — непонятно.

— Одна из основных идей законопроекта состоит в том, что новой РАН будут руководить чиновники. Как Вы к этому относитесь?

Получается, что все решения будут приниматься так называемой новой структурой -общественно-государственным объединением. То есть все решения будут приниматься агентством, состоящим из чиновников. В том числе, и решения по управлению собственностью РАН. Почему считается, что чиновники будут лучше руководить этой структурой? Существует хоть один проект, где чиновники делают что-то разумное? Мы видим, что получилось из хорошо всем известного проекта «Оборонсервис». Мы видим, какой уровень коррупции в среде чиновников. У нас в РАН тоже все не идеально, но сказать, что мы ведем дела кардинально плохо -нельзя. А чиновники ведут дела кардинально плохо, мы же видим, какое множество чиновников связано с коррупционными делами. Почему чиновники считают, что наша система неэффективна? Я считаю, сначала необходимо сделать эффективной государственную систему, чтобы у нас росла экономика, чтобы не было коррупции. Другой пример — сравните зарплату чиновников и зарплату профессоров. Они ведь несопоставимы. В связи с этим, я считаю, что чиновники не имеют право нас осуждать и навязывать какие-то решения. Все их рассуждения о неэффективности науки или неэффективности использования нашей собственности должны опираться на расследования. Да, нас проверяет Счетная палата. Бывают проблемы с Росимуществом (управление имуществом РАН передали в это ведомство), бывают судебные разбирательства. Но наш институт все суды выигрывал. Я признаю, что в Академии есть серьезные проблемы, и у нас много несовершенств. Но, если нас критикуют, то я внимательно отношусь к критике. Надо признать, что нам было необходимо самим начать реформирование системы управления РАН. Теперь мы беззащитны. При этом я сам несколько раз очень критически выступал по поводу состояния РАН, пытался встретиться с Ливановым. Правда, безуспешно. При этом министр ни разу не пришел в Академию наук и не высказал свои претензии.

— Какие основные проблемы можно выделить в структуре РАН?

У нас много тяжелых проблем с материально-техническим обеспечением, другая острая проблема -возраст сотрудников. Что касается зарплат, то, действительно, они выросли в 2008 году в 5–6 раз, но при этом на 20% произошло сокращение числа сотрудников. А, увеличив финансирование, увеличили долю в нем зарплаты,, в результате мы сейчас не может купить оборудование. В моем институте 75% фонда уходит на заработную плату, мы не можем купить приборы, а здание содержать стало еще тяжелее. Мне известно, что годовой бюджет РАН на сегодняшний момент составляет 60 млрд. рублей (это составляет 20% от госбюджета на науку). Мой институт из этих 60 млрд. рублей получает около 500 млн. рублей (в институте работает 1300 сотрудников). Остальные 500 млн. мы зарабатываем грантами, хоздоговорами, мы вынуждены сдавать в аренду наши научноисследовательские суда. Институт получает финансирование экспедиционных работ такое, что на каждое из пяти судов хватает на неделю в год. А что делать остальное время? Мы вынуждены сдавать суда в аренду и попутно проводить исследования. Естественно, мы не хотим этого делать, но другого пути нет. Многие наши проблемы происходят от ничтожного финансирования.

— С чего, по Вашему мнению, необходимо начать реформирование РАН?

Я в прошлом году предлагал проект реформирования системы управления РАН. Действительно, проблема возраста существует — у нас 546 академиков, из них только 146 — моложе 70-ти лет. В связи с этим, я предлагал не ликвидировать звание члена-корреспондента, а дать этим людям больше прав, привлечь и докторов наук к выборам новых членов академии. При этом сделать выборы многоэтапными, дать права научным советам и в участии в выборах, и в проведении экспертизы работ по программам фундаментальных наук РАН, дать права проводить конкурсы на соответствующие гранты. Мое предложение состояло в том, чтобы выборы проводить сначала на научном совете, потом в секции, затем по отделениям, при этом важно, чтобы голоса докторов наук тоже звучали. Тогда состав будет моложе.

— Сейчас, какие действия планируются в Вашем институте, чтобы донести свое мнение до людей, которые будут работать с этим законопроектом?

Во всех институтах люди возмущены, во многих институтах проходят собрания. Все институты РАН будут протестовать. Говорят, что проходят митинги. Но, я думаю, ученые, это не те люди, которые массово выйдут на митинги. Сегодня в Институте океанологии сотрудники провели конференцию. Я не ожидал, что столько сотрудников соберется, по собственной инициативе. Результатом стало открытое письмо — обращение ученых РАН против рассмотрения Госдумой законопроекта по реорганизации РАН. Резолюцию работы этой конференции мы направим Владимиру Путину, в Госдуму, Совет Федерации, главам фракций, мы будем собирать и подписные листы, чтобы отозвать принятие этого законопроекта.

http://www.infox.ru/authority/state/2013/07/03/Robyert_Nigmatulin__.phtml

3. Атака на Академию — атака на фундаментальную науку

09 июля 2013

Аскольд Иванчик
член-корреспондент РАН
Интервью с Натальей Зотовой
Colta.ru

«Блицкриг» по ликвидации Российской Академии наук удалось остановить во многом благодаря стойкости академического сообщества. Среди членов Академии, подписавших протестное письмо, увы, не так много гуманитариев. Но они есть, и их гражданская позиция особенно ценна. Отказ от вступления в «бутафорскую РАН» выразили выдающиеся ученые-академики: историк и археолог Валерий Лаврентьевич Янин, лингвист Владимир Антонович Дыбо, географ Владимир Михайлович Котляков. Среди ученых нового поколения, поддержавших своих учителей, перешагнувших 80-летний рубеж,— крупнейший историк-скифолог, член-корреспондент РАН, главный научный сотрудник Института всеобщей истории РАН Аскольд Игоревич Иванчик. Публикуем интервью с ним Наталии Зотовой.

— Благодаря реформе РАН вы станете академиком автоматически. Что в этом плохого?

Во всех академиях мира, заслуживающих этого названия, академиками становятся в результате выборов. Именно поэтому членство в академиях ценится и им гордятся — это знак признания твоих заслуг со стороны тех людей, которые сами пользуются общим признанием в научном мире. А быть назначенным академиком в результате чиновничьего переворота — это все равно что пробраться в дом незваным через черный ход. Гордиться здесь нечем, и само звание теряет всякий смысл. Это, как если бы всех приехавших на Олимпиаду спортсменов еще до соревнований назначили олимпийскими чемпионами. Не думаю, что им бы это понравилось. Кроме того, членам-корреспондентам РАН вовсе не предлагается стать академиками автоматически. В проекте закона было прямо сказано, что для этого требуется написать заявление о принятии в новую академию. Написание такого заявления означает согласие с ликвидацией сегодняшней РАН и признание легитимности новой. Это, конечно, сделано не случайно: авторам проекта явно хотелось унизить членов академии. Для пущего унижения за этот акт «целования злодею ручки» обещали в четыре раза повысить ежемесячное денежное содержание. При этом на иностранных членов это требование не распространялось: они, очевидно, были признаны академиками «первого сорта» и зачислялись в новую академию автоматически. После второго чтения закона формулировки изменились на более мягкие: академия не ликвидируется, а сливается с двумя «малыми» академиями (медицинских и сельскохозяйственных наук), разница между российскими и иностранными членами устраняется: и те, и другие теперь «могут стать академиками». Что скрывается за последней формулировкой, однако, неясно — она намеренно расплывчатая и подразумевает возможность возвращения к обязательному «целованию ручки». Есть еще и вопрос о том, академиком какой академии ты становишься в результате этих процедур. В реформированной академии будет больше двух тысяч членов (в нынешней около 500 академиков и около

700 членов-корреспондентов), причем половина из них попадет туда без всяких выборов из академий медицинских и сельскохозяйственных наук, уровень которых несравним с уровнем РАН. Возникнет чудовищный тематический перекос: реформированную академию, по словам одного из моих коллег, было бы правильно называть Российской академией медицинских, сельскохозяйственных и прочих наук. Так что и уровень новой академии резко падет.

— Попрошу вас объяснить читателям, далеким от науки: что вообще такое Российская академия наук для научного мира России?

Академия наук — старейшее научное учреждение России, основанное в 1724 году. За время ее существования характер академии существенно менялся, а свой современный облик она приобрела в 20-е годы XX века, то есть и в нынешнем своем виде существует уже примерно 90 лет. Главная особенность РАН — в обязанности ее сотрудников не входит преподавание, институты РАН занимаются научными исследованиями. В настоящее время фундаментальные исследования в нашей стране сконцентрированы именно в РАН. Вузовская наука играет здесь гораздо меньшую роль, главным образом потому, что университетские преподаватели перегружены: у нас считается нормой, когда у доцента или профессора 20 часов преподавания в неделю, в западных университетах норма — от четырех до шести часов. Естественно, при такой нагрузке преподавателям некогда заниматься исследованиями. То есть атака на академию — это атака на фундаментальную науку. Впрочем, противопоставление академической и вузовской науки — один из мифов противников академии. И в советское время многие крупные ученые из академии преподавали в университетах, а сейчас это общая практика. Очень важная особенность академии — ее автономия и самоуправляемость. Необходимое условие успешного развития науки — свобода научного поиска. Никто не может предписывать ученому, какой тематикой ему заниматься и какие методы использовать, иначе толку не будет. Результаты этих свободных исследований может квалифицированно оценить только само научное сообщество. Такая свобода в академии обеспечивается лучше, чем в других известных мне российских институциях. Условие этой свободы — административная самостоятельность. Например, директора исследовательских институтов избираются. Право выдвижения принадлежит выборному Ученому совету института, или трем членам (академикам или членам-корреспондентам) соответствующего отделения. Все выдвинутые кандидатуры обсуждаются на общем собрании сотрудников института, и по ним проводится тайное голосование. Окончательные выборы проводятся на общем собрании отделения, в котором участвуют члены отделения и представители всех его научных институтов; при этом уровень поддержки коллектива института играет решающую роль. Автономию академии не решался уничтожить даже коммунистический режим, несмотря даже на то, что она изредка проявлялась и в политической сфере. Так, несмотря на давление сверху, академия отказалась исключить из своих рядов Сахарова. В последнее десятилетие РАН также не раз проявляла свою независимость; думаю, это и стало одной из причин расправы с ней.

— Образование, которое возникнет на месте нынешней РАН, вы в своем письме называете имитацией. Почему? Что изменится?

Я уже говорил об этом. Но важнее другое. Главное содержание реформы — передача управления наукой от ученых чиновникам. Институты выводятся из подчинения РАН и передаются некой непонятной структуре, подчиняющейся правительству. Распределение ресурсов на исследования и их администрирование передается людям, науке чуждым и плохо представляющим себе ее нужды. РАН лишается самостоятельности, даже директора институтов будут назначаться извне. Практически никаких рычагов влияния на научную политику у новой «РАН» не остается.

— Вы согласны с мнением, что РАН в нынешнем ее виде нуждается в реформировании?

Конечно, РАН не идеальна, и о необходимости ее реформирования говорят все. Но проблема в том, что ничего лучшего или даже сравнимого с ней в области фундаментальных исследований в стране сейчас нет. Если даже согласиться с теми, кто считает, что академию надо уничтожить, то, прежде чем это делать, было бы разумно создать рядом с ней параллельную структуру, которая могла бы взять на себя ее роль. Как сказала одна моя коллега, если вы решили, что у вашего водопровода пора менять трубы, вы, наверное, сначала проложите новый водопровод, а потом демонтируете старый, а не поступите наоборот. Сам я считаю, что научные структуры, подобные РАН, в которых сотрудники заняты фундаментальными исследованиями и не обязаны преподавать, полезны для развития науки. При реформировании РАН я бы считал правильным

использовать опыт сходных европейских научных институций, прежде всего Национального центра научных исследований Франции, а также немецких Общества Макса Планка, Объединения Гельмгольца и академий. Американская модель в силу многих причин для России — по крайней мере, в нынешних условиях — не подходит. Очень разумная программа реформирования академии была предложена недавно избранным президентом РАН Фортовым.

— В рейтинге журнала Nature РАН находится на 193-м месте из 200. Все действительно так плохо или у них рейтинг какой-то неправильный?

Вопрос о разнообразных рейтингах и наукометрии в целом довольно сложный. Сам я гуманитарий, и, конечно, мне проще судить о моей области. Так вот, в гуманитарных науках пока не создан ни один работающий рейтинг. Среди прочего это связано с тем, что существующие рейтинговые агентства, такие, как Web of Science, Scopus и другие, ориентированы только на англоязычные публикации. Даже самые крупные и авторитетные издания, публикующие статьи на немецком, французском, итальянском, не говоря уже о русском, в этих базах данных не индексируются. В то же время в гуманитарных науках по-прежнему публикации на этих языках играют не меньшую роль, а согласно этим базам их как бы вообще не существует. Раньше я думал, что эти рейтинги неплохо работают в точных науках, однако из общения с некоторыми коллегами в Совете по науке МОН выяснил, что это не всегда так. К рейтингам весьма скептически относятся многие математики. Еще в 2009 году был случай, когда самой цитируемой в мире статьей по математике стала публикация одного китайского ученого, состоящая из почти бессмысленного набора слов. Цитируемость ее была специально накручена, что сделать оказалось очень легко. Когда наукометрические показатели превращаются в главный критерий оценки труда ученых, как это было в Китае и, возможно, будет у нас, злоупотребления становятся неизбежными и массовыми: накрутить показатели гораздо проще, чем написать даже среднюю статью. Вообще наукометрические показатели оказались очень уязвимы к подтасовкам, недаром рейтинговые агентства ежегодно исключают из своих списков десятки журналов, уличенных в искусственном накручивании импакт-факторов, цитируемости и т.д. По этой причине даже в США (а именно под американскую науку рейтинги изначально были «заточены») все больше осознают неполноценность импакт-фактора, индекса цитируемости и других наукометрических показателей и отказываются от опоры на них при принятии административных и финансовых решений. Что касается рейтинга Nature, это лишь один из множества внутренних рейтингов, значение которого не стоит преувеличивать. Я не хочу сказать, что наукометрические показатели не следует учитывать вовсе, но к ним следует относиться очень осторожно и понимать, что они отражают не столько качество научных исследований, сколько умение эти исследования рекламировать и продвигать.

— Как отразится реформа на конкретных ученых? Садовничий, например, уже говорит, что реформа сделает науку более комфортной для отдельного ученого.

Категорически не согласен. Подчинение ученых чиновникам неизбежно приведет к тому, что резко возрастет — и будет возрастать бесконечно — бюрократическая нагрузка, усложнится отчетность, будет труднее использовать гранты… Успешные ученые из такой системы будут вытесняться.

— Ждете какого-то ответа от Ливанова на ваше письмо? На какую обратную связь рассчитываете?

Конечно, никакого прямого ответа я не жду. На письма такого жанра ответов не бывает. В понедельник (интервью было взято в воскресенье, 7 июля.— Ред.) я буду участвовать в совместном заседании Совета по науке и Общественного совета МОН, где впервые увижу Ливанова лично. Возможно, там и удастся наладить нечто вроде обратной связи, не со мной, конечно, а с Советами, в частности, с Советом по науке, который создан всего три месяца назад, но которому этой обратной связи очень не хватает.

— Что лично вы намерены теперь делать? Уходить из РАН вовсе? Принимать правила игры?

Почему же я должен уходить из РАН? Я планирую оставаться сотрудником Института всеобщей истории, продолжать заниматься наукой и редактировать «Вестник древней истории». Разумеется, если не уволят. Но такой вариант мне трудно представить.

— Да, и еще: к ученым, которые от отчаяния вышли на улицы, почти никто не присоединился, на митинге было полторы тысячи человек, это много для круга ученых, но мало в масштабах страны. Реформа РАН как-то заденет людей, которые наукой не занимаются?

Конечно, заденет, потому что работать в науке станет еще труднее и неприятнее. Это приведет к дальнейшему падению уровня и объема научных исследований в России и к усилению «утечки мозгов». Результаты почувствуют все, даже те, кто считает, что в их жизни от науки ничего не зависит. У нас общество вообще очень атомизировано. В последние дни в блогах раздаются голоса, в том числе оппозиционно настроенных журналистов: академики и академия, мол, сами виноваты в том, что их беды никого не интересуют, и так им и надо. Ведь они не заступались за вузы, которые были признаны неэффективными, за Гуриева, который вынужден был уехать, не боролись с мракобесием и прочее. Эти голоса поражают даже не столько своей злорадностью, сколько невежеством и смешением совершенно разных событий в одну кучу. Я уж не говорю о том, что сотрудники РАН участвовали в разных протестных акциях не в меньшей (а я думаю, что в процентном отношении и в большей) степени, чем представители других профессиональных сообществ. В гуманитарной сфере, пожалуй, самым скандальным случаем признания неэффективным вуза был РГГУ. По этому поводу Отделение историко-филологических наук приняло специальное постановление и использовало разные менее публичные (они в нашей стране, как известно, эффективнее) способы поддержки РГГУ. В результате вскоре после признания университета неэффективным министерской комиссией сам министр Ливанов в телеинтервью с Познером перечислил ВШЭ, РЭШ и — сюрприз — РГГУ как гордость отечественного образования и будущие аналоги Кембриджа и Гарварда. Что касается борьбы с мракобесием, то, я думаю, никто не сделал больше для этого, чем академическая Комиссия по борьбе с лженаукой. Достаточно вспомнить о «деле Петрика», когда академия вступила в прямую конфронтацию со спикером Думы Грызловым. Что-то я не припомню других российских институций, которые бы отваживались на это. А вот российские журналисты, в первую очередь телевизионные, немало делают для распространения суеверий, мракобесия и лженаук в российском обществе — какой канал ни возьми, включая почтенную «Культуру», там будут передачи или о живой воде, или о цивилизации великанов, или о «новой хронологии» Фоменко. Насчет судьбы Гуриева упрек и вовсе удивителен: Гуриев был встроен во власть и несет ответственность за многие ее действия; конфликт с ним и его отъезд — конфликт внутри властной верхушки, вроде дела против Сердюкова. Можно, конечно, ему сочувствовать, можно призывать к его защите. Но странно требовать этого именно от РАН. Гуриев был одним из вдохновителей и идеологов нынешнего уничтожения РАН и ее открытым врагом. Тем не менее, когда он уехал, никто в РАН не радовался и не высказывался, во всяком случае официально, в духе «туда ему и дорога». Это куда достойнее, чем злорадные высказывания по поводу академии, которые мы слышим в последние дни от его окружения из РЭШ и ВШЭ. Вообще подобные реплики мне напоминают реакцию некоторых людей на посадку знакомого по политической статье в 70-е годы. Они сразу вспоминали, что этот знакомый был плохой ученый, бил жену и вообще взял как-то три рубля в долг и не отдал, так что, в общем, не зря его посадили.

http://www.colta.ru/docs/27090

4. Национальная катастрофа, новость на час

29 Июля 2013

Петр Арсеев
Член-корреспондент РАН
«Совершенно секретно»

В сообщениях о реорганизации академий неизменно повторяется примерно одна и та же фраза: «Реформа российской науки вообще и РАН в частности, безусловно, напрашивается». А почему она безусловно напрашивается? От бесконечного повторения этот тезис кажется вам совершенно очевидным? Тогда посмотрите вокруг себя — разве не очевидно, что Земля, безусловно, плоская? Попробуйте объяснить, что Земля круглая, человеку, который никогда об этом не слышал и снимков из космоса не видел. А ведь это поняли и радиус Земли измерили без всяких снимков из космоса. Для этого надо разбить большой кусок поверхности Земли на треугольники и тщательно измерять углы треугольников в этой сетке. И вы увидите, по сумме углов треугольников, что эта сетка может быть нарисована только на шаре, а не на плоскости. Для того чтобы понять, что это доказательство того, что Земля круглая, надо все-таки знать геометрию. Для того, чтобы понять, что нужно менять в России в науке, надо хоть немного наукой заниматься. Любая реформа, казалось бы, должна заключаться в том, чтобы сделать что-то лучше. Не надо, конечно, идеализировать работу РАН, но в академической системе было много преимуществ, прежде всего

то, что она позволяла расти очень сильным ученым. Десятилетиями складывались научные школы, и эти школы были хорошо известны за рубежом. На Западе знали: наши доктора наук — это в большинстве случаев люди довольно высокого уровня. Да и не доктора наук устраивались за границей, как правило, легко. Так обстояло дело в математике, физике, да и в других естественных науках. А вот дипломы и степени наших юристов и экономистов на Западе не котировались. И, удивительное дело, теперь именно эти люди занимаются реформированием всей науки, включая физику и математику.

У журналистов и большей части населения, видимо, сложилось такое впечатление, что Академия наук настолько отстала и замшела, что пользуется приборами XIX века, что сотрудники академических институтов не могут работать на современном западном оборудовании. Но, например, первые образцы графена (за который Андрей Гейм и Константин Новоселов получили Нобелевскую премию) были сделаны в Институте физики твердого тела РАН в Черноголовке, а вовсе не на Западе, как, видимо, многие считают.

И академики — не все поголовно чиновники-администраторы, как принято повторять. Есть настоящие ученые, которые, однако, совершенно не интересны ни публике, ни журналистам: ведут себя тихо, чем занимаются — поди пойми. Есть много людей, искренне болеющих за науку и науку защищающих. Именно академики Эдуард Кругляков, Евгений Александров, Владимир Захаров в результате многолетней борьбы остановили такого деятеля, как Петрик. РАН представляла собой вполне жизнеспособную систему для занятия наукой, в которой обучались и работали профессиональные сильные ученые. Хотя бы часть членов Академии (скажем, половина) выбирались не за административные посты, а за их достижения и научный уровень. И среди директоров институтов было много людей дельных, грамотных, хоть и не имеющих собственных научных достижений, но способных делать самолеты, ракеты, реакторы и многое другое.

Российские чиновники любят попрекать отечественных ученых-«бездельников» достижениями современной западной науки. Посмотрим, что у них? Вот открывают высокотемпературные сверхпроводники (ВТСП). Сотни, тысячи научных групп, даже те, кто никогда не занимался сверхпроводимостью, бросаются наперегонки что-то в них мерить. Появляется графен — опять все бегут им заниматься, как ненормальные. Это больше напоминает борьбу за спортивные достижения — очки, голы, секунды.

В массе своей современная западная наука, которой любят восхищаться наши чиновники — это давно уже не наука, а бизнес на слове «наука», занимаются там только тем, что модно. И почему-то мало кому приходит в голову, что эта активность показывает на самом деле, какое на Западе количество бездельников в науке. Вся эта работа наперегонки по модным направлениям означает, что у всех этих людей нет своей тематики, нет своих идей, нет своего интереса. Это и есть люди без своего дела в науке.

И с индексом цитирования не все так просто. Да, на какие-то работы есть много ссылок, и это заслуженный результат, потому что это хорошие работы, содержащие новые идеи. А бывает по-другому. Например, электронный спектр графена был описан давным-давно, еще когда исследовали свойства графита. Недавно, на «графеновой волне», этот спектр воспроизводится еще раз в нескольких работах. Потом во всех современных статьях пишут: «как известно, спектр графена имеет вид…» — и ссылки на все работы, где этот спектр переписан. Поскольку статей о графене сотни и эта обойма ссылок кочует из статьи в статью, набирается огромный индекс цитирования у работ, в которых не сделано абсолютно ничего нового.

ВТСП были открыты в 1986 году. Написаны тысячи статей, индекс цитирования многих теоретических работ огромный. А ведь объяснения-то явлению ВТСП нет, теории на самом деле нет. Зачем же было выпущено это огромное число работ и что же означает их высокий индекс цитирования? Все так славно друг на друга поссылались, работа кипела — а что толку?! Для оценки какой-либо публикации человеку, знающему свою науку, совершенно не нужно знать индекс цитирования ее авторов. Молодой человек, имеющий низкий уровень цитирования, может написать хорошую статью. Наоборот, человек с огромным индексом может написать проходную, необязательную статью, которую непонятно зачем печатать. Эксперт может и должен разбираться в сути дела, а не в формальных показателях. А вот чиновник может судить только по придуманным формальным показателям, суть его не интересует.

Постоянно приводится такой печальный аргумент в пользу необходимости реформирования РАН: «В научных учреждениях РАН наблюдается «кадровая катастрофа»: более 40 процентов сотрудников научных учреждений — пенсионного возраста». Но это ведь не Академия наук десятилетиями не платила зарплату сотрудникам, не РАН сделала невозможным покупку жилья молоды-

ми людьми, не РАН заставляет уезжать ученых с плохим здоровьем, потому что на Западе они получат помощь, а здесь — нет, не РАН принимает законы, по которым почти невозможно купить на Западе оборудование, образцы, реактивы. Отъезд за границу определялся и определяется не злостным желанием руководства РАН истребить работающих сотрудников, а общей ситуацией в стране.

В институтах РАН почти 400 базовых кафедр, многие сотрудники преподают в различных институтах. Мы постоянно пытаемся обучать молодых людей для того, чтобы они оставались в науке. Но стипендия аспиранта — 3 тысячи рублей, зарплата младшего научного сотрудника — 12 тысяч. И они уходят. Уходят от бедности в банки, уезжают за границу от жизни в России — это что, все вина «замшелой Академии»?! После принятия нынешнего плана реформ уедут почти все толковые выпускники вузов.

Распространены также аргументы о «неэффективном способе распределения ограниченных ресурсов» и «неэффективном использовании собственности». Вот стоит институт, сидят люди, работают. В чем может заключаться повышение эффективности использования имущества? Всех выгнать, помещения сдать под офисы, магазины, банки?! Очень эффективно. На опытных полях и в заповедниках построить коттеджи — еще более эффективно! Посчитаем. РАН получила в 2012 году около 60 миллиардов рублей. Научных сотрудников — 50 тысяч человек. По 1 миллиону 200 тысяч на человека в год. На все. Коммунальные платежи, аренда, ремонт — как минимум половина. Остается 600 тысяч на человека в год «грязными». Если даже все их пустить на зарплату — за вычетом налогов получится около 34 тысяч в месяц «чистыми». Как на эти деньги еще покупать оборудование, дорогие реактивы? Уже давным-давно денег еле хватает на небогатые зарплаты научных сотрудников.

Значит, речь идет о неэффективном распоряжении копейками в масштабе общих денег «на науку». Копейками, потому что всего «на науку» было выделено больше 600 миллиардов рублей, как сообщил Владимир Путин на собрании РАН в прошлом году. На науку «гражданского назначения» — около 300 миллиардов. Но эти деньги потрачены Министерством науки и образования на работы, символом которых стал лот 2012 года на 90 миллионов рублей (!) по теме «Разработка технологии глубокой переработки тыквы для получения продуктов пищевого назначения», который выиграло нужное ЗАО. Все могут найти в сети, если только захотят, как проходят столь «эффективные» конкурсы Минобрнауки, какие дикие появляются лоты, увидят все эти непонятные ООО, ОАО и ЗАО, в которые в основном уходят деньги, выделенные «на науку». Но даже при нищем финансировании новые современные установки в РАН покупались и используются для работы. А если бы те же деньги и льготы, которыми пользовалось «Сколково» (где не сделано практически ничего своего), шли в академические институты — вот тогда, в честной борьбе, мы бы и посмотрели, кто «эффективней».

Существует экспериментальный факт: там, где Михаилом Ковальчуком (директором Курчатовского центра, братом Юрия Ковальчука, товарища Владимира Путина по Санкт-Петербургу) было внедрено «новое» управление — в Курчатовском институте, Санкт-Петербургском институте ядерной физики, Институте теоретической и экспериментальной физики,— везде научная работа была остановлена, сотрудники бегут, количество состоятельных научных публикаций резко сократилось. Отказ Отделения физических наук РАН избрать Михаила Ковальчука директором Института кристаллографии РАН стал протестом против дальнейшего внедрения этих методов «эффективного управления». Ковальчук, очевидно, обиделся, и теперь эта модель насильно распространяется на всех. «Освобождение ученых от забот о ЖКХ» — еще более смехотворная идея: какие проблемы с ЖКХ, если есть деньги на оплату коммунальных платежей?! Что этот пункт означает: согласитесь на реформу — будут деньги на ремонт канализации, будете упрямиться — денег не дадим? Вообще, обещание избавить от забот об имуществе — это все равно, что отрезать ноги, чтобы избавить от забот об обуви.

Понимаете, стоит старый сад. Его давно не поливали, засохшие сучья не обрубали, все несколько запущено. Но сад посажен на хорошей почве, до сих пор еще что-то цветет, растут какие-то ягоды и фрукты. Вместо того, чтобы этот сад привести в порядок, хотя бы полить (когда поливают серной кислотой в течение 20 лет трудно не начать сохнуть), посадить новые саженцы, весь сад, который выращивался десятилетиями, срубается под корень. Зато начинают сажать новый сад — на солончаке. За колоссальные деньги везут туда землю, тащат воду, а уж, сколько платят за саженцы — молчу. И не растет, дохнет. Почва не та. Тогда на сухие ветки саженцев крепят ярко раскрашенные плоды из папье-маше (тоже за бешеные деньги) и объявляют: вот какой у нас современный сад, не то, что у вас, ретроградов! Это Сколково, это мегагранты, это все проекты Ковальчука. Еще одна абстрактная идея, возникшая в умах начальства, состоит в том, что наука должна делаться в университетах. Почему надо обезьянничать с не самой лучшей

американской системы — никто объяснить не удосужился. В последние годы вливались колоссальные (по академическим меркам) деньги в программы типа «Наука в образовательных учреждениях». В результате многомиллионное оборудование стоит во многих местах нераспакованным или неотлаженным, а там, где оно условно работает, посадили на него студентов-аспирантов, которые зачастую не могут ничего толкового на нем сделать, в лучшем случае проводят рядовые неинтересные измерения. Тем, кто мог действительно по делу использовать современные установки,— не дали. Потому что они по большей части из РАН, а это противоречит руководящей идее. Недавно в МГУ объявили о 30-процентном сокращении научных сотрудников. Это, видимо, шаг на пути к небывалому расцвету науки в вузах?

Дмитрий Ливанов заявил: «за последние годы государство увеличило ассигнования на фундаментальную науку примерно в 10 раз, но отдачи это, например, в росте числа публикаций научных статей не принесло. Публикаций больше не стало, выходит, стоимость публикаций выросла в 10 раз». Вице-премьер России Ольга Голодец приводит такие цифры: на содержание бюрократического аппарата РАН ежегодно выделяется порядка 6 миллиардов рублей, а в целом на исследования ежегодно тратится около 120 миллиардов рублей.

И министр Дмитрий Ливанов и вице-премьер Ольга Голодец, мягко говоря, лгут и это можно доказать цифрами. Журналисты, к сожалению, не дают себе труда разобраться в реальном положении дел и повторяют эти бессмысленные лозунги за ними вслед, приучая население воспринимать такие заявления как факт. Финансирование РАН слегка росло примерно до середины прошлого десятилетия, но последние лет пять –шесть финансирование не увеличивалось, в какие-то моменты падало. Максимальное финансирование составляет 60 млрд. в год, никакими 120 млрд. и не пахнет. Эти цифры можно проверить, поэтому смелость Ливанова и Голодец вызывает восхищение.

А может быть, не надо гнаться за тупым увеличением числа публикаций? Может быть, много больше их пока и не надо? Может, государство платило нам в сто раз меньше, чем надо, а теперь, если, по словам министра Ливанова, стоимость возросла в десять раз, государство платит нам всего в десять раз меньше, чем нужно? Задача: если профессор в Германии, получая 4 тысячи евро в месяц (не самая высокая зарплата), пишет 6 статей в год, а наш заведующий лабораторией, доктор наук пишет 2 статьи, получая 18 тысяч рублей (420 евро), у кого меньше стоимость одной публикации и выше эффективность? Чиновник понимает только формальные показатели, суть дела ему совершенно неинтересна. А эта гонка за увеличением числа публикаций вообще совершенно бессмысленна. Скажите, 5 статей в год лучше, чем 2? А 20 вместо 5 — еще лучше? А 100 вместо 20 — безумно талантливый ученый? Кажется, даже человек, далекий от науки, должен сообразить, что 100 статей — это перебор. Да даже 10 статей в год — чушь. Если статьи штампуются одна за другой, если публикация обдумывается человеком, потом что-то решается или меряется, написан текст и послан в печать всего за месяц — это статья ни о чем, ее можно и не писать.

И несмотря на это все, количество публикаций сотрудников РАН все равно составляет больше половины всех научных публикаций в России. Причем если оценивать «по валу», то по всем наукам доля публикаций из России составляет 2 процента от мирового числа публикаций, а по физике — 6 процентов! Но именно по физике и придётся основной удар «реформ».

Министр Ливанов заявил, что в задачи государства входит повышение престижа и оплаты профессии ученого, чтобы молодые люди видели перспективу своей работы в науке. Молодые люди теперь прекрасно видят, как относится государство к науке. В любой момент тебе могут плюнуть в лицо и лишить возможности работать. Какой престиж, какое уважение, когда такое радикальное решение, как реформа РАН, готовилось в тайне от всех ученых, даже от членов Совета по науке при правительстве. Если, по словам Ливанова, Академия (ее научное сообщество) должна брать на себя экспертную роль в делах науки, то почему же в таком важном деле, как полная реформа науки в стране, об это «экспертное сообщество» просто вытерли ноги?

То, что здесь сказано в защиту академической организации науки, не означает, что в РАН не надо ничего модернизировать. Конечно, многие люди в руководстве Академии ведут себя часто не лучшим образом, и, прямо скажем, последнюю рубашку никто из президиума не отдаст, чтобы заплатить зарплату сотрудникам или купить оборудование. Но сейчас речь идет о замене не самой лучшей системы управления на абсолютно провальную. Это похороны всего, что удавалось сохранять все эти годы, в чем я абсолютно уверен. Ясно, что речь идет именно о захвате зданий и территорий Академии, все остальное — вранье для прикрытия.

Исключительная подлость состоит в том, что реформа была запланирована и проведена, как военная операция против врага. Со стороны это выглядит так: 50 тысяч научных сотрудников

рассматриваются как неприятель, которого надо разбить во что бы то ни стало. Выбрано время, когда многие уезжают на конференции за границу и уходят в отпуск, соблюдена абсолютная секретность подготовки, не оставлено времени для обсуждения. И трогательный штрих — первоначальное предложение купить всех членов Академии 100 тысячами зарплаты, чтобы не дергались, чтобы лишних сил не тратить. Искреннее убеждение, что, кроме личного благополучия, больше никого ничего и не волнует. (Приходится сказать, зная Академию, что купленных людей будет много. Но все-таки среди членов Академии до сих пор не все думают только о своих доходах.) То, что буквально одним-двумя-тремя людьми в 140-миллионной стране практически тайно принимается решение о ликвидации Академии наук с трехсотлетней историей,— символ уничтожения всяких остатков здравого смысла в России. Фактически уничтожение науки и образования — это выбор пути: принято решение о том, что страна надолго остается сырьевой колонией, страной второстепенного, а то и третьестепенного значения.

Это национальная катастрофа, которая для журналистов и населения становится всего лишь новостью на час.

http://www.sovsekretno.ru/articles/id/3731/

5. РАН: реформа против эволюции

30 июля 2013

Виктор Васильев
Академик РАН
Полит.ру

*В продолжение дискуссии о реформе науки «Полит.ру» обратился к академику РАН, профессору факультета математики НИУВШЭ, главному научному сотруднику Математического института РАН, президенту Московского математического общества **Виктору Васильеву** с предложением прокомментировать тезисы, высказанные биологом **Константином Северинovым** в его интервью. Публикуем его комментарий. Напомним, что Виктор Анатольевич одним из первых членов РАН заявил о том, что в случае ликвидации Академии наук по внесенному в Госдуму законопроекту, он не войдет в новую структуру.*

[В рассуждениях К. Северинова о реформе РАН] имеется следующая схема:

1) Нынешняя структура РАН плоха и не способна самостоятельно исправиться.

2) Поэтому надо приветствовать любую ее странную и (по-прежнему неизвестно кем) в общих чертах сформулированную радикальную реформу, в надежде, что она утрясется к чему-то хорошему.

3) А почему вы, почти ничего конкретно не зная про то, как эта реформа будет исполняться и наполняться конкретикой, заранее считаете, что это будет неудачно?

Не буду спорить с первым тезисом, тем более что сам дословно говорил про необходимость «внешнего пинка». Однако в случае решительных реформ действует презумпция виновности: инициатор-конструктор должен доказать, что это будет хорошо (и что он представляет себе, как это будет работать), а не наоборот.

Российская империя тоже была с гнильцой, однако же, как мы видим, ее удалось-таки «отреформировать» так здорово, что лучше бы обойтись без этого – хотя бы потому, что пока пациент жив, то остается надежда и на то, что жизнь заставит его лечиться и исправляться. Но автор именно что ходит кругами, на каждый вопрос, о том, не будет ли в результате данногопрожекта еще хуже, раз за разом логично и впопад отвечая, что нет, оно все-таки сейчас плохо.

Для качества реформы и ее восприятия очень важен процедурный вопрос — в частности, предварительное обсуждение. Если продолжать аналогию с политикой, то я старше интервьюера и резко не хочу назад в СССР, однако же могу вообразить себе такой поворот событий, при котором нам всем туда захочется. Поэтому правильно, чтобы политики представляли

избирателям свои подробные программы, а также рекомендации от уважаемых людей, биографию и справку из психдиспансера. А когда просыпаешься от грохота танков и из телевизора

узнаешь о начале замечательного (хотя и туманного) нового порядка, введенного неизвестными отцами и призванного покончить с проклятым прошлым, то естественно заподозрить худшее.

Существование Совета по науке воспринималось обществом как гарантия от таких сюрпризов в научно-организационной сфере. Теперь нам говорят, что этих гарантий явно никто не давал. С формальной точки зрения верно, а, по сути ± издевательство, а для членов Совета, использованных в таком качестве и воспринявших это как должное,— безусловное несмытое оскорбление.

Физики (и математики) напуганы тем, что происходит в ИТЭФ. Возможно, и по этому поводу где-то в верхах произносятся красивые лукавые слова, тем не менее, это — еще один яркий пример преобразований, без которых лучше бы обойтись. Есть опасность, что реформировать академию собираются похожим образом и похожие люди. И опять-таки, это не тот случай, когда надо требовать подтверждения этих опасений: это случай, когда нужны гарантии, что они неверны. Если вы едете в байдарочный поход и высаживаетесь на станции NN, неправильно требовать от скептиков доказательства, что там нет реки: надо требовать от организаторов доказательства, что река там есть.

И какие еще проекты сравнимого с РАН масштаба могут внушить оптимизм своей меньшей неэффективностью? Может быть, нынешний Курчатовский институт? Сколково? Региональные университеты?

Зависеть от ПРАНовских чиновников довольно противно, но там, по крайней мере, понятно кому жаловаться, и в начальстве хватает людей, которые являются или хотя бы когда-то были настоящими учеными, признают логику и объективную истину, и постыдятся нести заведомый бред, глядя тебе в глаза. Опыт общения с МОН в этом смысле куда более пессимистичен.

Правда, есть очень неоднородные общественно-научные секции РАН, некоторые представители которых создают специфическое впечатление обо всей академии, в частности среди экономистов. Есть и совсем тухлые сферы, например, описанная в статье «Прозрачный омут Академинторга». Но многое — в частности, молчание об этом очень вкусном компромате в дискуссиях последнего времени — как бы намекает на то, что тут работают такие внешние связи и крыши, что эта дрянь переживет любые реформы и агентства, и, может быть, одна только и останется на руинах.

Если автор объявляет себя эволюционистом, то естественно и стремиться к улучшению эволюционным путем. Создайте (или хотя бы поддержите) сами что-то хорошее, покажите, что оно жизнеспособно, продемонстрируйте его преимущества, и народ сам потечет туда из РАН (если она так плоха) в ходе естественной конкуренции (честные и прозрачные принципы которой тоже надо обеспечить), а оставшихся это заставит пошевеливаться.

Я вижу перед собой один такой пример: математический факультет ВШЭ, на который я сам все больше «перетекаю», и работаю на нем уже больше, чем во всех академических структурах. И я разделяю идею университетской науки как светлой, но в глобальном масштабе пока еще неблизкой цели. Однако идти к этой цели методом «разрушим до основанья, а затем посмотрим, вдруг на обломках удастся что-то построить» — это крайне…неэволюционно.

Параллельно с этим: если в Академии наук есть финансовые нарушения (на которые последнее время как-то туманно намекается) — что мешает действовать строго по закону?

Наконец, по мелочам (которых много: уж очень хитрый текст).

1. Коробят слова об идущем «переговорном процессе» и о достигаемом при этом улучшении: все-таки, это «переговоры» кошки с мышкой.

2. Претензия к «отказникам», что они раньше не выходили из академии и плохо критиковали начальство. Пассаж «не заявляли о выходе — значит, были согласны», конечно, рассчитан на людей вовсе без логики. Можно продолжить: «работаете в системе РАН — значит, согласны», «не эмигрируете — значит, согласны», «до сих пор не удавился — значит, согласен», ведь в этом мире всегда что-нибудь да не так, где-то волки зайчиков жуют. Задача ведь в том, чтобы принести как можно больше пользы при имеющемся ресурсе. Влиять на улучшение обстановки вокруг себя можно по-разному: когдато годится любезная сердцу любого истинного эволюциониста теория малых дел, а когда-то без обострения не обойтись. Неужели это надо объяснять взрослому человеку?

3. Вот, к слову, академические выборы, о которых автор пишет, что «за счет каких-то договоренностей получается черт-те что и научные достижения играют малую роль в конечном результа-

те». Я не в стопроцентном восторге от последних выборов (например, не прошли оба кандидата в академики, которых в том числе выдвигал я — С.К. Смирнов и В.М. Бухштабер), но все же вот список выбранных по нашей секции, на который я мог реально влиять: в академики -Б.С. Кашин, А.Н. Паршин, А.Н. Ширяев, И.А. Тайманов, в членкоры -М.И. Зеликин, С.В. Конягин, Е.В. Щепин, С.В. Иванов, Д.О. Орлов. Хотелось бы узнать конкретно, кто их этих девяти человек «черт-те что» и не соответствует мировому уровню? И более того, какие пять человек, раз уж автор утверждает, что таких — больше половины? А если кто-то скажет, что эти результаты были предрешены до голосования, то это будут враки. Думаю, что физики могли бы написать примерно то же самое про свои выборы. Справедливости ради: результаты выборов в соседней секции прикладной математики мне гораздо менее понятны, впрочем, я не специалист в их полузакрытой науке. Поэтому хочется, чтобы в высказываниях точно расставлялись кванторы, например (если это верно), «существует N секций РАН, в которых выборы происходят так-то, а недостойные кандидаты составляют более 50% вновь избранных». Можно также прямо указать такие секции. Но без этого получается утверждение обо всех вообще, то есть вранье и сплетни

4. Автор не видит плохого в объединении трех академий, а я вижу. Оно (помимо многого прочего) — в возникающей из этого послушности и управляемости. Государству необходима независимая экспертиза, например, на тот случай, что оно (государство) опять захочет развернуть сибирские реки, или засеять Заполярье кукурузой, или назначить в лидеры и корифеи науки человека с дурной научной репутацией. Иногда эта независимость бывает неприятна, но она необходима. Да, академия справляется с этим с трудом-с (например, в казусе Петрика пришлось бороться и с внутренним противником), но кто кроме-то (не считая замечательной научной общественности, не имеющей, увы, никакого формального статуса)? Может быть, на это способно Минобрнауки? Или будет способна объединенная академия? И не непростительной ли своей независимости и чувству собственного достоинства (невеликими, но все же показавшимися чрезмерными на общем фоне) обязана РАН выдачей лицензии на нынешний форс-мажор?

5. Принципиальный вопрос, метафорически сформулированный как «нужно ли в стране два министерства науки», не очевиден. Примерно с такой же натяжкой можно подкопаться под независимое судопроизводство и адвокатуру, спросив, нужны ли два МВД. Во всяком случае, у ученых должны быть хоть какие-то властные инструменты, чтобы ставить на место чиновников, если тем захочется покуражиться, злоупотребить положением и покомандовать наукой без совета с грамотными людьми (или советуясь лишь с теми, кого они по своему разумению назначат в грамотные). Видимо, при новом порядке такой противовес исчезнет, что очень плохо.

6. Упрек в адрес академика В.Е. Захарова вовсе несправедлив: например, на прошлых (2008) выборах президента он на Общем собрании РАН при всем народе настоятельно просил Ю.С. Осипова уйти. Я же в последовательные критики академического руководства действительно не гожусь (тут интервьюер мне польстила), скандаля только по конкретным поводам…

7. Да, знание авторства закона важно — в частности, знание того, что автор не боится назвать себя. А в данном случае — и в еще большей степени — красноречива информация, что — боится.

http://polit.ru/article/2013/07/30/vassiliev_about_ras/

6. Реформа РАН встряхнула девелоперов

21 августа 2013

Валерий Рубаков
Академик РАН
Газета.ru

Один из самых цитируемых российских ученых академик РАН Валерий Рубаков в интервью «Газете.Ru» рассказал о том, какие поправки от Академии наук могут сделать скандальный законопроект о реформе РАН приемлемым для научного сообщества, и частично поддержал Андрея Гейма в его предложении провести экспертную оценку институтов академии. Беседу вели Николай Подорванюк и Александра Борисова

— *Нобелевский лауреат Андрей Гейм неделю назад дал интервью «Газете.Ru», посвященное реформе РАН. Можете его прокомментировать? Какие у вас ощущения от этого интервью?*

Ощущения двойственные. С одной стороны, в интервью есть правильные вещи. С другой стороны, он говорит, что сам законопроект не читал. И я думаю, что если бы Гейм его прочитал, особенно первоначальный вариант, то он бы другого мнения придерживался. Тогда он бы не стал вести разговоры о том, что Ливанов, мол, молодец, всколыхнул общественность. Потому что из законопроекта торчали уши, зачем все это делается. А делается это вовсе не из соображений, чтобы ученым лучше жилось. Из первого текста законопроекта все видно замечательно. Поэтому та часть интервью, где Гейм говорит, что с законопроектом все хорошо и правильно, не относится к делу. А та часть, где говорится о необходимости академии современно работать,— там есть правильные вещи. То есть, если не привязываться к законопроекту, в интервью Гейма много правильных вещей.

— А как вы относитесь к идее аудита академии?

Положительно. Только слово «аудит» мне не нравится.

— Самому Гейму такой перевод тоже не нравится, он употребил английской термин peer-reviewing.

Да, это скорее экспертиза. Внешняя экспертиза той или иной лаборатории и, в конечном итоге, института. Он правильно говорит о том, что основная единица организации науки — это лаборатория. Надо сделать экспертную комиссию, группу, которая бы приехала, получила бы соответствующие материалы. Заметную часть этой группы должны были бы составлять иностранцы, но должны быть и свои. Не из этого конкретного института, но специалисты в данной области науки. Самое главное — это то, что нужно экспертное мнение, ни в коем случае нельзя основываться только на формальных показателях. Наука настолько многообразна и настолько по-разному делается в разных областях, что одними критериями ее оценивать неправильно. Вот пример. Питер Хиггс имеет всего девять работ, но две из них попали в точку, и бозон назван его именем. Остальные работы — малозаметны. Но есть другая крайность, когда люди пишут по 100 статей в год, но 99 процентов из них — мусор, в этом нет ничего хорошего.

— Возможно ли сейчас сделать экспертизу членкоров и академиков, подобную той, о которой говорит Гейм?

Я думаю, этого не нужно. Зачем? Сказать: «Положи на стол свое членкорское удостоверение»? В любом сообществе есть разные уровни, сомнительные люди. Но таких единицы — никакая не четверть, как считает Гейм. Я лично готов побеседовать с любой экспертной комиссией. Но я думаю, что ни один приличный человек просто не согласится оценивать, хороший академик или плохой.

— Можете прокомментировать высказывание Гейма о том, что РАН «потеряла свою репутацию»?

Насколько я могу судить, это не так. Может, из Англии это видится так. Я разговариваю с разными людьми и у нас, и по всему миру, особенно сейчас. То, что в институтах академии есть много проблем, это факт. Но так, чтобы репутационные потери…

— А как насчет комиссии Сергея Михайловича Алдошина, которая приезжала к Петрику? А ведь Алдошин сейчас вицепрезидент…

Вот тут согласен, это — репутационная потеря. На тему того, что он сейчас вице-президент РАН, я судить не берусь. У него свои задачи, не относящиеся к Петрику и чему-то такому. С Петриком была ошибка, я не очень понимаю, из чего они исходили. Но на эту тему сама же академия и академики выступали.

— А как вы относитесь к точке зрения, что задача законопроекта о реформе РАН заключалась в том, чтобы встряхнуть научное сообщество «сверху»?

Нет! Не знаю, была ли сверху хоть какая-то задача, но этот законопроект в первом варианте — жуткое дело. И поведение людей, которые этот законопроект пропихивали, ни в какие ворота не лезет. Тут не во встряске дело.

— Вы имеете в виду, например, то, что на рассмотрении законопроекта в Госдуме в первом чтении глава Минобрнауки Дмитрий Ливанов не сказал ни слова, а говорила в основном вице-премьер Ольга Голодец?

На самом деле почти сразу в разгар этих событий на сайтах девелоперов уже пошел разговор о том, как принятие этого законопроекта повлияет на стоимость элитного жилья, какие институты РАН можно переделать под элитное жилье… Такое было, и понятно, что люди, специалисты по этому делу, встряхнулись.

— Какие у вас прогнозы на развитие событий? 29–30 августа в РАН состоится конференция российских научных сотрудников. Есть проект резолюции по итогам этой конференции, в которой выдвигается требование к правительству отозвать законопроект.

Я считаю, что надо его отодвигать в первое чтение.

— А если этого не произойдет?

Если будет принято то, что есть, в третьем чтении? Это будет катастрофа. Но я надеюсь, что до этого не дойдет. Все-таки разум должен восторжествовать.

— В Академии наук была создана специальная комиссия по разработке поправок к законопроекту. Эти поправки уже были переданы в Госдуму. Можете рассказать подробнее, в чем суть этих поправок?

Если эти поправки пройдут, то это будет уже совсем другой закон. Самое важное в том, что Академия наук не изничтожается, не создается новая структура. Из этого следует еще одна важнейшая вещь: положение о том, что институты академии остаются в ведении Академии наук. В исходном тексте законопроекта они передавались в ведение вот этого самого федерального органа исполнительной власти, агентства, о котором ничего в законопроекте не написано — что оно такое, какие у него полномочия, возможности и так далее. По-видимому, в первом варианте имелось в виду, что у него будут все полномочия. Читай — «передел собственности». В нынешнем тексте законопроекта передача институтов агентству тоже есть, но поправки, если их примут, это исключат.

Дальше есть еще много принципиальных вещей, но, на мой взгляд, статус институтов — самое главное. Из других поправок важно то, что региональные отделения остаются юридическими лицами и прямыми бюджетополучателями, так же, как и сама академия. Вопрос объединения академий предлагается решать отдельным актом. Должно быть не механическое слияние. То, в какой форме это будет осуществляться, должно обсуждаться отдельно. Предлагается ограничить функции этого органа исполнительной власти, вот этого агентства, управлением имуществом, не связанным прямо с научными исследованиями. Если есть, к примеру, ускоритель, то, я так понимаю, он в ведение агентства не передается. А здание, в котором он находится, и земля, где это здание стоит,— передается, судя по всему. Я не думаю, что это очень дальновидное решение — создавать такое агентство с такими функциями.

Но авторы поправок — я в эту группу не входил — с созданием этого агентства соглашаются. Это не смертельно, оно в любом случае должно работать вместе с Росимуществом, а если это агентство по положению возглавляет президент РАН, то сильно страшного ничего не будет.

— То есть если эти поправки будут учтены, то…

…то это будет совсем другой разговор. По такому законопроекту уже можно жить, пусть, может, это будет не самый лучший способ существования.

— То есть не будет такого протеста, в том числе и с вашей стороны, со стороны «Клуба 1 июля»?

Протест пока будет, потому что пока эти поправки не приняты. То, что поправки переданы депутатам Госдумы, не означает даже, что поправки будут внесены.

— Несколько вопросов не про реформу РАН. Можете рассказать, насколько взаимодействие науки с государством в лице СМИ или государственной экспертизы в советские времена отличалось от того, что есть сейчас?

Про СМИ я вряд ли что-то могу сказать, так как в 80-е годы я был сравнительно молодым человеком, не очень опытным и не очень видимым. Но у меня был персональный опыт работы с властью в лице ГКНТ — Государственного комитета по науке и технике. С ним я взаимодействовал очень плотно, так как я был замдиректора нашего института, с 1987 по 1994 год. С ГКНТ было очень конструктивное взаимодействие. Это то, что пропало, начиная, по существу, с середины

90-х годов. Тогда это было плотное взаимодействие, стороны друг друга уважали. Чиновник — тоже, как говорится, человек, а хороший чиновник — хороший человек, важная составляющая нашего общества. Тогда мы друг друга понимали: они обучались тому, что такое наука, как она живет, а ученые, и я в частности, обучались тому, как работает государственный аппарат. Было нормальное конструктивное взаимодействие. К сожалению, сейчас его нет, и это очень плохо для науки. Это то, чего нам сильно не хватает. Должны быть нормальные чиновники. Потому что фундаментальная наука, так или иначе, все равно кормится от государства. Все равно серьезные решения должны приниматься не самими учеными, а учеными вместе с администраторами, чиновниками в интересах государства.

— Откуда же взяться таким хорошим чиновникам?

Ну откуда-то же они появлялись. Многие были из научной среды. Были из партийной среды. Были люди, которые уходили из науки и становились чиновниками.

— О чем вы друг друга спрашивали на таких заседаниях ГКНТ?

В 1987 году на уровне Политбюро ЦК и Совета министров была принята программа развития физики высоких энергий. Предложение изначально было от нескольких выдающихся ученых. Потом дело пошло в сторону принятия или непринятия решений. И в процессе подготовки этих решений было тесное взаимодействие. Им надо было понять, что это, зачем, на каком уровне находится по сравнению с американцами, нашими основными соперниками тогда, что даст народному хозяйству. Все это надо было объяснять. Потом — конкретные вещи, почему это стоит столько-то, а не столько-то. Потом в ГКНТ спрашивали, как идут дела, стучали кулаком по столу, если что-то не двигалось, помогали какие-то коррективы вводить. Я там бывал раз в неделю как минимум. И сделали тогда какие-то вещи очень нетривиальные. Там, где успели, получили отличные результаты. Например, закончили строительство галлий-германиевого телескопа на Баксанской нейтринной обсерватории нашего института, довели его до ума, получили выдающиеся результаты по физике и астрофизике нейтрино. Будь здоров сооружение в глубине горы. Руководителя эксперимента Владимира Гаврина на Нобелевскую премию выдвигали, был бы американец — дали бы, наверное.

— Тогда в связи с этим последний вопрос. Что вы можете сказать про современную работу Академии наук по популяризации открытий, которые делаются в РАН?

Сейчас она никуда не годится, и это надо менять. Надо создавать современную пресс-службу, чтобы она играла ту роль, которую должна пресс-служба играть. Чтобы были пресс-релизы раз в несколько дней, пресс-конференции, организовывались выступления в СМИ ученых об открытиях. Пресс-служба должна иметь рабочие контакты с институтами, интересоваться тем, какие новые результаты в институтах, подавать результаты в обществе. Новое руководство академии это, кажется, понимает.

http://www.gazeta.ru/science/2013/08/21_a_5600337.shtml

7. Странно требовать «научного аудита» только от институтов РАН

23 августа 2013

Аскольд Иванчик
член-корреспондент РАН
Газета.ru

На прошлой неделе «Газета.ru» опубликовала интервью с Андреем Геймом, в котором он впервые довольно подробно изложил свои взгляды на реформирование науки в России. Гейм — один из крупнейших современных ученых, лауреат Нобелевской премии, знающий по своему опыту систему организации науки в разных западноевропейских странах, где работает в последние десятилетия, и в СССР, где получил образование и защитил диссертацию. Все это заставляет отнестись к его словам с величайшим вниманием. Ряд предложений Гейма кажутся мне вполне

разумными и правильными. Они во многом совпадают с проектами, разрабатываемыми сейчас независимо друг от друга несколькими рабочими группами, в одной из которых (Общественного совета и Совета по науке МОН.— «Газета.Ru») я имею честь состоять совместно с Геймом. Эти предложения следующие:

1. Наука должна быть организована на основе самоуправления и демократии, а не управления чиновниками. Это касается и реформирования РАН: ее реформу нельзя доверять министерству, академия должна измениться в результате самореформирования, а не навязанных сверху преобразований. Чтобы это стало возможным, необходимо исполнение некоторых предварительных условий. То, каковы эти условия, можно обсуждать: конкретное предложение Гейма мне не кажется удачным, но об этом ниже.

2. Внутри академии центр тяжести должен быть перенесен с институтов на лаборатории и их заведующих. Лаборатории должны получить большую самостоятельность, и финансирование исследований должно вестись именно на этом уровне.

3. Необходимо проводить настоящую, а не имитационную оценку научной деятельности институтов, лабораторий и ученых (peer-reviewing, «научный аудит»), причем проводиться она должна с иностранным участием.

4. Необходимо активно заниматься популяризацией науки в обществе.

Правда, предложенный в интервью механизм реализации третьего (и отчасти первого) пункта — оценка членами иностранной академии того, насколько достоин каждый член РАН своего звания,— не представляется мне ни эффективным, ни реализуемым на практике, ни этичным. Гейм прав, что такой «аудит» может быть осуществлен только на добровольной основе. Однако хорошие ученые, которым такой проверки бояться нечего, не согласятся на нее из-за унизительности процедуры, а плохие — из опасений не выдержать «экзамена». Для того чтобы на такую проверку добровольно согласиться, надо обладать поистине монашеским смирением, однако эта добродетель крайне редко встречается у успешных ученых — я думаю, Гейм это знает по себе. С другой стороны, полагаю, что большинство членов иностранных академий откажется участвовать в такой невиданной проверке коллег из РАН из этических соображений — тем более что они знают, лично или по работам, лучших членов РАН, и именно по ним судят обо всей академии (это, кстати, одно из объяснений того, почему престиж РАН за рубежом выше, чем в России).

Наконец, на роль такого проверяющего необходимо найти некую безупречную иностранную академию, лишенную недостатков РАН, ни про одного из членов которой никто не сможет сказать, что они недостойны своего звания — и, соответственно, задать вопрос: «А судьи кто?» Боюсь, что в реальном мире эта задача невыполнима, тем более что неясно и то, кто будет выбирать эту идеальную академию из множества реальных. Если же такая академия все же найдется, почему надо остановиться на РАН, а не возложить на нее миссию аттестации всех остальных академий мира, в любой из которых найдутся недостойные члены? К счастью, в такой процедуре, на мой взгляд, нет необходимости. Кто в академии настоящий академик, а кто нет, всем коллегам известно и без проверок, а формализовать это знание — задача, на мой взгляд, второстепенная и не стоящая связанных с такой формализацией издержек. Тем более что и сам Гейм ожидает, что недостойных окажется четверть или треть членов РАН. Кстати, эта пропорция вполне соответствует пропорции, существовавшей в советской академии эпохи ее расцвета, если верить известному изречению М.В. Келдыша: по его подсчетам, члены АН СССР делились на три равные группы: тех, кого по научным заслугам надо было обязательно избрать, тех, кого можно было выбрать, а можно и не выбирать, и тех, кого безусловно не следовало выбирать. По его мнению, академия выполняет свои задачи, пока эта пропорция сохраняется, и последняя группа не превышает одной трети. Предполагаю, что схожий состав членов характерен не только для нашей, но и для иностранных академий; во всяком случае представители последней категории мне известны и в их составе.

Гораздо важнее, чем выяснение того, кто настоящий академик, а кто — нет, «научный аудит», причем не одноразовый, а регулярный, институтов и лабораторий.

Такая практика широко распространена во всем мире: для проверки каждого института, проводимой, например, раз в пять лет, формируется комиссия из авторитетных ученых, прошедших отбор по принципу не только научного уровня, но и отсутствия конфликта интересов, причем для большей объективности состоящая наполовину из иностранных ученых.

Такая комиссия сможет проводить настоящую проверку, а не то издевательство над здравым смыслом, в которое выродилась работа известной комиссии академика Алдошина по внутренней

проверке институтов РАН. При этом странно было бы требовать такого «научного аудита» только от институтов РАН, получающей менее 20% финансирования на науку: все получатели бюджетного финансирования, работающие в научной сфере, должны подвергаться peer-reviewing на равных условиях. Тогда и выяснится, какая из структур — РАН, Сколково, Курчатовский институт, вузы — эффективнее использует получаемые средства. Столь же строгой и тоже международной должна быть и оценка научного уровня ученых, претендующих на руководящие научные посты (начиная от зав. отдела или лаборатории), и вообще на постоянную работу в системе науки,— и тем строже, чем выше пост. Касаться она должна и академиков, и не академиков. И если в ходе этой оценки будет признано, что тот или иной член академии не соответствует уровню того поста, на который претендует, он не должен его получать. Это гораздо важнее, чем вопрос о соответствии уже избранных академиков их званию.

В интервью есть и высказывания, с которыми трудно согласиться и которые свидетельствуют о неполном понимании ситуации в России или о слабой информированности. Неверно то, что перестройка конца 80-х и начала 90-х годов никак не отразилась на академии и что изменилось в ней лишь название. В действительности довольно важное продвижение к самоуправлению и демократизации произошло именно в тот период. Прежде всего, изменилась процедура назначения директоров институтов РАН. В советской академии они избирались отделениями без учета мнения сотрудников институтов. После 1992 года в РАН директора избираются в результате двухступенчатых выборов: сначала проводится гласное обсуждение всех кандидатов на общем собрании научных сотрудников института, за которым следует тайное голосование. Затем эти кандидатуры рассматриваются отделением РАН, которое после выступлений кандидатов, их обсуждения и с учетом мнения коллектива выбирает директора тайным голосованием. Отделение не обязано следовать мнению научного коллектива института, но результаты его голосования всегда служат очень весомым аргументом за или против кандидата. При этом в голосовании участвуют не только члены РАН, но и избранные представители всех институтов отделения, которые часто составляют половину членов собрания. Процедура, таким образом, достаточно демократичная.

Другим важным изменением по сравнению с советской системой было участие в общем собрании РАН, ее высшем органе, представителей институтов, выбранных по квоте, соответствующей количеству сотрудников. Они обладают таким же правом голоса, как и члены РАН, по всем вопросам, кроме избрания членов РАН. Это обеспечивает доступ сотрудников институтов РАН к управлению академией, невиданный в советский период.

Еще одно существенное изменение постсоветской эпохи — передача РАН управления собственностью, закрепленной за ней. В советскую эпоху собственностью распоряжалось управление делами, начальник которого назначался напрямую правительством и президиуму АН СССР не подчинялся.

Наконец, в уставе РАН 1992 года была зафиксирована норма о том, что члены академии избираются пожизненно, что сделало их более независимыми и устойчивыми к внешнему давлению. Многие не знают о том, что во всех уставах АН СССР начиная с 1927 года, в том числе в последнем уставе 1963 года, действовавшем до падения СССР (статья 35), была предусмотрена возможность исключения за деятельность, направленную во вред СССР. В 1979 году эта статья была дополнена нормой о том, что члены академии выбывают из нее, утратив гражданство. В 30-е годы академиков исключали часто, в позднесоветское время — редко, но такие случаи известны: например, в 1978 году из АН СССР были исключены члены-корреспонденты С.М. Поликанов и В.Г. Левич.

Изменения эпохи перестройки могут показаться недостаточными, но в любом случае неверно, что никаких изменений не было вообще, и очевидно, что это было развитие в правильном направлении. Нетрудно заметить, что ливановская реформа все эти изменения отменяет: и возможность сотрудников институтов влиять на решения общего собрания РАН и отделений, и выборность директоров, и пожизненный статус избранных членов академии; даже управление имуществом РАН переходит по советской модели агентству, подчиненному напрямую правительству. Таким образом, речь идет о контрреформе, о новой советизации академии, а вовсе не о запоздалой перестройке.

Довольно наивно выглядят рассуждения Гейма о том, что Ливанов и власть в целом в России являются проводниками общественного мнения. Что касается справедливости этого утверждения в широком смысле, то это вопрос оценки характера нынешней власти, справедливости и честности проводившихся в стране выборов и т.д., то есть вопрос политический. Вряд ли даже самые убежденные сторонники этой власти будут настаивать на том, что ответ на него столь однозначен, как даваемый Геймом. Но это в конце концов вопрос политических пристрастий, и спорить о нем здесь не место. В том же, что касается ситуации в академии, беспрецедентное единение всего научного сообщества против ливановской реформы, и исключительная редкость голосов

в ее поддержку как внутри, так и за пределами этого сообщества достаточно ясно свидетельствует о том, что предложение правительства общественного мнения не отражает.

Невозможно согласиться и с оценкой законопроекта как пробного камня, который якобы рассчитан на то, что с него начнутся консультации с РАН и «всеми учеными». Пробные камни не пытаются продавить через Думу сразу в трех чтениях с тем, чтобы не дать реформируемым возможности опомниться и хоть как-то отреагировать. Авторы проекта пытались провести его молниеносно, поставить научную общественность перед фактом и сделать любое обсуждение невозможным. Добиться отсрочки третьего чтения (в котором все равно можно править только стилистику и запятые) стоило большого труда, и это решение, как и внесение в законопроект небольших изменений во втором чтении, вызвало у Дмитрия Ливанова явное разочарование: во всяком случае, он публично заявил, что после внесения поправок закон ухудшился. Впрочем, в своем более раннем интервью «Я ожидал, что Ливанов и Медведев окажутся умнее» Андрей Гейм дал гораздо более трезвую оценку законопроекту.

Наконец, и оценка «оставшихся в России и успешно продолжающих работать» ученых как исключения мне представляется несправедливой — по моему впечатлению, российская наука заслуживает более высокой оценки. К тому же Гейм здесь противоречит сам себе: если из членов РАН «золотого клейма» качества достойны две трети или даже три четверти — это уже трудно назвать исключением. А то, что совсем не все «успешно работающие» в России ученые имеют звание академиков или членкоров, я думаю, очевидно любому.

Андрей Гейм говорит, что «в детали законопроекта не вникал и не хотел вникать». Это объясняет тот парадоксальный факт, что он положительно оценивает законопроект, который прямо противоречит сформулированным им же самим правильным предложениям, в частности, подчиняя ученых чуждым науке чиновникам, уничтожая имевшиеся в РАН элементы самоуправления и демократии и вообще советизируя ее. При этом законопроект игнорирует другие задачи — повышение роли лабораторий, международный научный аудит и т.д. Рассуждать о любой теме, не дав себе труда разобраться в ее деталях, довольно странно для ученого, а если речь идет о преобразованиях, которые могут иметь катастрофические последствия для науки,— это еще и верх безответственности. Можно представить себе реакцию Гейма, если бы на его статью пришел отрицательный отзыв, начинающийся словами «в детали аргументации автора я не вникал и не хотел вникать». Мне кажется, нобелевский лауреат должен понимать, какой вес в обществе имеют его слова, и не относиться к ним так легкомысленно.

http://www.gazeta.ru/science/2013/08/23_a_5602001.shtml

8. Нужна ли наука в России?

27 августа 2013

Александр Кулешов
Академик РАН
ТрВ-Наука

О том, почему в России нужны фундаментальные научные исследования, размышляет докт. физ.— мат. наук, академик РАН, директор Института проблем передачи информации им. А.А. Харкевича РАН **Александр Кулешов**.

Ни у кого, наверное, не возникает вопрос, нужна ли наука в принципе. Весь мир, в котором мы сейчас живем,— результат фундаментальных научных исследований и технологий, возникших как следствие этих исследований. А вот ответ на другой вопрос: а почему она нужна именно в России — уже менее очевиден. В велосипедном пелотоне ведущий тратит на 30% больше усилий, а приходит на полсекунды раньше второго, на несколько секунд раньше остальных. Так может мы всё купим (?!), благо «труба» пока позволяет, и с не очень заметным запозданием получим все те же самые технологические блага, но без капитальных затрат?

Конечно, если бы, например, плодами изобретения электричества пользовалась только Британия, то такой вопрос даже возникнуть бы не мог… Однако все мы знаем, что это не так: американские ученые У. Шокли, Дж. Бардин и У. Браттейн с коллегами придумали транзистор, однако мобильными телефонами и компьютерами, прямыми плодами этого научного открытия, пользу-

ется весь мир, в том числе, и наша страна. Впрочем, такие же примеры, и в немалом количестве, можно привести и в отношении научных достижений СССР, положенных в основу технологий, широко используемых в настоящее время во всем мире (например, изобретение лазера — Ч. Таунс, Н. Г. Басов и А. М. Прохоров, Нобелевская премия по физике 1964 года, гетерогенные структуры — Ж.И Алферов, Нобелевская премия 2001 года).

И эти соображения могли бы показаться вполне правдоподобными, если бы не нужды национальной безопасности и обороны, в которых, как все понимают, не приходится рассчитывать на продажу не только технологий, но даже и готовых продуктов современного уровня. Но и этот аргумент в пользу развития фундаментальной науки в наших условиях, к сожалению, не работает, поскольку существовавшая ранее теснейшая, почти генетическая связь между оборонной индустрией и академическими институтами на сегодняшний день практически потеряна, а есть только единичные случаи успешного сотрудничества.

Вообще, подавляющее большинство людей сталкиваются в жизни напрямую не с наукой, а с ее результатами — высокими технологиями и продуктами, произведенными на базе этих технологий. При этом наука по природе своей открыта и интернациональна, а вот технологии не только имеют национальную принадлежность, но и, как правило, связаны с экспортными ограничениями. Взглянем, например, на один замечательный документ: Export Administration Rules, свод ограничений на экспорт товаров и технологий, применяемый в США. EAR — это несколько тысяч страниц. Легче ответить на вопрос чего там нет, чем что там есть. Формально, конечно, это не запретительный перечень, а перечень технологий и товаров, экспорт которых нуждается в специальном разрешении уполномоченных органов правительства США. Однако это формальная трактовка, а по существу — это список того, что Россия на международном рынке купить не может, а если и покупает, то с существенными ограничениями, согласием на инспекции и прочими неоколониальными радостями. При этом речь идет не только об оборонной промышленности.

Пример: высококачественное композитное волокно, необходимое сегодня для современной гражданской авиационной промышленности, в Россию не продается. Почему? Ответ: это волокно может быть использовано и для производства военных самолетов (что правда, но нам от этого не легче). То же самое с электроникой, то же самое со многими материалами, примеров не счесть. То есть мировую науку мы развиваем (в том числе и финансируем) совместными усилиями, а «табачок — врозь». Конечно, существует банальный и, отчасти, правильный ответ: а вы сами развивайте нужные вам технологии и не будете ни от кого зависеть. Знаем, плавали. Но в масштабах СССР это сегодня делать и невозможно, и не нужно, а развивать по крайней мере некоторые, по настоящему критические для страны, собственные технологии, базирующиеся на фундаментальной науке, нам необходимо.

В этом смысле взятый в настоящее время курс на поддержку исключительно научных групп и лабораторий, атомизирующий по существу научную среду России и растворяющий ее в международном научном сообществе, следует признать совершенно ошибочным. Прошу понять меня правильно: от антизападничества я лично нахожусь дальше, чем от планеты Марс, и ни секунды не сомневаюсь, что наша дорога — это развитие международного сотрудничества и совместная работа с западными и восточными коллегами. Но, как известно, из ста зайцев не сделаешь одного слона, и убогость избранной Минобрнауки стратегии состоит вовсе не в ориентации на международное сотрудничество, а в де-факто ликвидации крупных научных и научно-прикладных институтов. Без них у нас не остается никаких шансов на то, что наука, наконец, вновь всерьез понадобится нашей стране. Распространившееся в последние годы убеждение, что современные технологии могут создаваться независимо от фундаментальной науки, проиллюстрирую одним забавным примером из практики нашего института.

Один наш завлаб, хорошо известный в мире специалист в теории кодирования, написал в некую очень высокую инстанцию письмо примерно следующего содержания: вот до 1990-х в нашей области, теории кодирования, работало более ста высококвалифицированных ученых, хорошо знакомых друг с другом по статьям, конференциям, совместным работам. Часть этих специалистов, по понятным причинам о своей работе много не говоривших, работали по темам, так или иначе связанным с оборонной тематикой, но, тем не менее, даже в советское время публиковались за рубежом и, в том числе, нередко оказывались в своей области в роли лидеров и первооткрывателей. А вот теперь в нашей специальности всего активно работающих в России специалистов примерно человек 20, мы их по-прежнему всех знаем, но сейчас никто из них не работает на оборонных заказах, не участвует в проектах, связанных с национальной безопасностью. Вопрос письма: не причиняет ли, дескать, такое положение дел вреда интересам страны. Человека пригласили в инстанцию, очень хорошо поговорили, немного посмеялись над его наивностью

и ответили, что нет, не причиняет такое положение никакого вреда национальной безопасности, потому что мы статьи читаем, в том числе, и на импортных языках.

Хоккею на льду тоже, наверное, можно учиться по учебникам, но, видимо, на льду, вместе с коллегами и тренерами, это получается более эффективно. То же и с технологиями: можно попытаться развивать их в «заочной» форме, но проку от этого будет мало. Технологии в отрыве от фундаментальной науки могут развиваться только на очень коротком временном горизонте. К сожалению, люди, сегодня принимающие решения по развитию науки в нашей стране, эти закономерности, видимо, не понимают.

Есть и другой, на самом деле может быть даже более важный, аргумент для развития в стране фундаментальных исследований — в стране пока еще сохраняется человеческий потенциал для этого. При правильном использовании этих возможностей наука становится самым мощным экономическим фактором в развитии страны. Так, в марте сего года президент США Б. Обама известил о начале нового научного проекта «Brain Activity Map» и одновременно подвел итоги предыдущего мега-проекта по генетике. Публично объявленный экономический результат этого проекта — 140 $, пришедших в экономику США на каждый вложенный в проект доллар.

Но нам уже следует брать пример не с Соединенных Штатов, а с Китая. Китай начинал как промышленный аутлет — заводы по лицензиям, производство простейших товаров. Одновременно учились со страшной скоростью, восприняли и реализовали все лучшие мировые практики: у нас взяли за образец Академию наук (но уже сильно модернизировали ее по сравнению с советским образцом), у американцев — модель организации университетского образования, и теперь уже нам нужно учиться у китайцев и перенимать их практики. Небольшой личный опыт: в январе 2013 года на Хайнане (в китайском Сочи) видел только что открывшийся, уже четвертый по счету математический центр Китайской академии наук, 30 000 кв. метров. Там на науку денег не жалеют.

Но и у нас есть еще шанс. Несмотря на все перипетии последних десятилетий, мы всё еще сохраняем самое важное — человеческий капитал в науке. Но очередное глупое решение может его безвозвратно уничтожить.

http://trv-science.ru/2013/08/27/nuzhna-li-nauka-v-rossii/

9. «То, что предлагается министерством,— это советизация науки». Организаторы конференции научных сотрудников Российской академии наук совсем не так представляют себе реформу РАН

28 августа 2013

Владмирир Захаров, Александр Кулешов, Роберт Нигматулин, Валерий Рубаков,
Академики РАН,
Сергей Гулев, Аскольд Иванчик,
Члены-корреспонденты РАН,
Аалександр Сафонов,
с.н.с ИППИ РАН.
Интервью с Андреем Колесниковым

Новая газета

29—30 августа в Москве пройдет чрезвычайная конференция научных сотрудников РАН «Настоящее и будущее науки в России. Место и роль Российской академии наук». На конференцию зарегистрировались представители всех 450 институтов РАН со всей страны, более 2000 человек, представляющих весь срез академической науки, — от молодых ученых до академиков. Эта конференция почти уникальна. В первый и единственный раз нечто подобное происходило 22 года назад, в конце 1991 года, когда распад СССР и бурная демократизация общества потребовали от

академических ученых выработать новые правила организации и функционирования академии. Сейчас академия хочет показать власти и обществу, что она жива, работает и готова к реформе. Только к реформе разумной, не навязанной сверху без учета мнения самих ученых, дающей возможность фундаментальной науке развиваться.

Мы встретились с инициаторами созыва конференции. И увидели вовсе не глуховатых ученых старцев, которые озабочены только тем, как повыгоднее сдать институтские площади в аренду, и вспоминающих с ностальгией славные советские времена. Напротив, мы увидели современных, динамичных и блестящих ученых — с мировыми именами, с высокими рейтингами цитирования, с опытом преподавания в ведущих мировых университетах, готовых при этом обсуждать конкретные предложения по реформе науки и академии. Но именно обсуждать, а не подчиняться чьим-то принятым келейно унизительным и необдуманным решениям.

А. К.: Все понимают, что глубокие реформы науке необходимы. Но общественное мнение совершенно неправильно ориентировано в отношении тех процессов, которые происходят внутри академии и в отношении той роли, которую Российская академия наук играет и в России, и в мире.

В любом гаджете содержится множество научных изобретений. Но люди, пользующиеся этими гаджетами, сталкиваются не с фундаментальной наукой, а с технологиями, даже просто с продуктами этих технологий, и именно по ним судят о том, что такое наука. Что предлагают правительство и Минобрнауки? Надо заниматься прикладными вещами, технологиями. Но технологии без фундаментальной науки не растут. Поэтому разрушение фундаментальной науки неминуемо приводит и к разрушению технологий.

Вот указ президента России от мая прошлого года. Он постановил: доля наших публикаций в Web of Science (WoS) — реферативной базе научных публикаций, должна быть 2,44%. На самом деле 2,44% — это полные пустяки. Потому что, например, в ядерной физике уже сейчас процент 6,5. В математике он — 6%. Но в целом по больнице натягивается 2%. Хотя вы прекрасно понимаете, что такое Академия наук. В нее входят историки, экономисты, масса разных направлений и специальностей, где неприменимы метрики, используемые в естественных науках.

А. И.: Существует предубеждение, что Академия наук — это единственный институт, который в эпоху перестройки не изменился, это такой советский реликт. И нынешняя реформа толкуется как попытка академию реформировать в направлении более современном. На самом деле это неправда. В начале 90-х произошло движение в сторону самоуправления. Раньше директора избирались отделениями академии, то есть академиками и членкорами. Начиная с 92-го года процедура двухступенчатая, учитывается мнение научного коллектива, и дальше, с учетом его мнения, отделение выбирает директора.

Дальше. Впервые возникло представительство научных сотрудников, не являющихся членами академии, и в отделениях, и на общем собрании академии. Была введена грантовая система, которая в корне изменила атмосферу научных исследований.

Что касается управления имуществом, как раз в советское время существовала модель, при которой имущество академии управлялось Управлением делами, а оно, в свою очередь, подчинялась не президенту академии, а напрямую правительству. То, что сейчас предлагается министерством, это вовсе не модернизация, а настоящая контрреформа и советизация академии. Ключевая для них часть реформы — передача имущества опять в структуру, выведенную из академии.

Для нас же самое главное — утрата самоуправления; о нем и об участии научных сотрудников в управлении институтами академии речь в этом законе вообще не идет. Директора институтов будут назначаться, по первому проекту, агентством, а по второму — агентством при согласовании с президиумом РАН.

В. З.: Во всех пяти Уставах АН СССР был пункт о лишении членов Академии звания в случае, «если деятельность их направлена во вред Союзу ССР». То есть за уголовное преступление, не связанное с политикой, исключить из Академии было нельзя. Когда в 91-м году была создана Российская академия наук, то этот пункт из Устава был, естественно, выкинут. Не было пункта об исключении и в последующих вариантах Устава (1992, 2001, 2009). Теперь предлагается его ввести с формулировкой «за ненадлежащее исполнение обязанностей». Заметьте, что не за преступление, не за антигосударственную деятельность, а за ненадлежащее исполнение обязанностей. Кто будет это определять и проверять?

А. К.: В нашей стране такого рода законы принимаются на крохотном интервале времени только в том случае, если на каждом уровне бюрократии все векторы интересов, даже если они разные, выстроились и совпали, как парад планет.

С. Г.: Это интересы групп людей, которые никогда, ни при каких условиях в других ситуациях ни по какому другому вопросу договориться бы не смогли. Я готов поверить, что эти люди заблуждаются, может быть, искренне заблуждаются. Например, министру и его советчикам может казаться, что науку лучше организовать не так, как она всегда была организована в нашей стране, а взять и переместить всю науку, допустим, в университеты. Все бы ничего, но в России, к сожалению, нет широкой практики и культуры производства науки в университетах. И не вина здесь ни Брежнева, ни Ельцина, никого. Это вина или заслуга, если хотите углубляться в историю, еще Александра Третьего, который начал создавать первые лаборатории. Потом все это Сталин усилил в значительной степени.

В чем проблемы современной российской вузовской науки? Это бешеная педагогическая нагрузка. Вот представьте себе: 22 сотрудника пришли на 43 квадратных метра кафедры — и как они будут заниматься наукой? Это как учительская в школе…Поэтому вся действительно «большая» наука сконцентрирована в РАН. Конечно, в том же МГУ есть блестящие научные группы, например, в проблемных лабораториях и институтах, которые по сути своей — академические институты, но это — практика 4—5 ведущих университетов. Кроме того, в этих лабораториях значительная часть серьезных исследований делается учеными из академии. Я знаю, что МГУ и другие ведущие университеты, например, Новосибирский, высоко ценят свой уже существующий симбиоз с академией, по-другому и не представляют развития науки, а мы в академических институтах не представляем, как можно не участвовать в подготовке студентов, поскольку нам потом их в аспирантуру и на работу брать. Так что никакого конфликта здесь нет и не было.

А. К.: Предыдущим министром Андреем Фурсенко была затеяна программа федеральных университетов, она с треском провалилась, ее результат — это просто чистый ноль. В чем проблема? А людей нет, и взять их неоткуда. Мы объявили, например, федеральный университет в Ростове. Ребята, какие в Ростове университеты?!

Новая газета — Но смотрите: есть опыт Высшей школы экономики, где взяли курс на соединение исследований и преподавания. И у них это на ряде факультетов получается. Тот же самый пресловутый индекс цитируемости экономистов очень высокий.

А. К.: Я сам выпускник мехмата МГУ, но, признаю, матфак там сделали лучше, чем мехмат. Мы им помогли и в принципе довольны. Больше скажу. У академии, которую сейчас обвиняют в каком-то отрыве от образования, на самом деле масса базовых кафедр в вузах. Вот в нашем Институте проблем передачи информации — пять базовых кафедр. Я сам преподаю в Высшей школе экономики. У нас на биофаке МГУ два профессора. В Физтехе у нас две кафедры и т.д.

А. С.: Мне 30 лет, я кандидат наук. Учился в Физтехе. Пришел в Институт проблем передачи информации только потому, что здесь была кафедра Физтеха. Сейчас в нашем институте несколько кафедр: в Физтехе, Высшей школе экономики и научный центр МГУ. Интеграция науки и образования у нас — это просто естественный процесс. Еще одна важная задача, которую мы решаем в нашем институте, — это создание академических стартапов. Не все, кто приходит к нам в институт, хотят всю жизнь заниматься фундаментальной наукой. И некоторые студенты и аспиранты уходят в наши же стартапы. Мы создаем те самые рабочие места в высокотехнологичных секторах экономики, о необходимости создания которых говорят первые лица нашей страны.

Новая газета — Действующая модель, а можно ли ее тиражировать?

А. С.: Мы бы с удовольствием это делали.

В. Р.: Давайте будем честными: все это правильно, но это далеко не везде так. Хорошо работающие институты действительно тесно связаны с высшей школой, с университетами. Но это не институционализировано, нет такого ни в уставе академии, ни в уставах институтов, нет такой обязанности у ученого — преподавать. Мы часто это делаем скорее вопреки, чем благодаря политике университетов и некоторых академических институтов. Нормальная рабочая вещь — сделать необходимым, выгодным для научного сотрудника участвовать в образовательном процессе. Не обязательно лекции читать, но надо вести научные работы студентов, курсовые и дипломные, аспирантами заниматься. А реальных стимулов к этому в Академии наук нет. Эту систему надо создавать.

А. И.: Но политика Министерства образования и науки приводит к тому, что, во-первых, количество совместителей в вузах сокращается — а именно совместители связывают университеты и академию и часто являются на кафедрах ведущими учеными. Во-вторых, нагрузка на имеющихся преподавателей увеличивается. Таким образом, под разговоры о развитии университетской науки в реальности условия для научной работы в университетах становятся хуже.

А. К. Я приведу пример. Мы все с огромным уважением относимся к Физтеху. Это лучший учебный бренд. Но, по сути, Физтех — это даже не бакалавриат, это половинка бакалавриата. Мы берем ребят с третьего курса и дальше учим сами. Физтех — это селекция и начальное преподавание. А дальше — базовые кафедры.

Р. Н.: Россия тратит на науку от мировых затрат примерно два процента. И два процента в среднем — доля российских публикаций и цитирования. Но из этих двух процентов денег на Российскую академию наук приходится лишь одна пятая, то есть 0,4% мировых затрат. А доля РАН в цитировании и публикациях российского происхождения — половина, то есть в мировом масштабе — один процент. Таким образом, по публикациям и цитированию мы в России самая малозатратная организация. Если хотим всю науку переместить в университеты, то надо иметь в виду, что тогда на науку нужно затратить примерно в десять раз больше денег. Бюджет крупного американского университета — около двух миллиардов долларов. И вся Российская академия — два миллиарда долларов.

Вот мы с Сергеем Гулевым представляем Институт океанологии. У нас шесть судов неограниченного плавания. Выделяемого финансирования на экспедиции нам хватает на одну неделю в год. И вот начинаем исхитряться. У нас, например, два судна пассажирского класса, мы их вынужденно сдаем туристической компании на неделю, на 10 дней. Это дает нам возможность ежегодно проводить две экспедиции около Антарктиды, пролива Дрейка и по 60-му градусу между Гренландией и Шотландией. И теперь нам еще будут говорить, что мы не эффективны. Вообще, знаете, законопроект, он и полезен. Полезен, потому что…

Новая газета — …начали, наконец, обсуждать реформу РАН всерьез?

Р. Н.: Да. Есть такой анекдот. Один другому продает осла. Говорит: купи, он будет тебя слушаться и выполнять любую твою команду. Купил. На следующее утро хочет его вытащить. Тот уперся, никуда не выходит. Тогда он зовет его хозяина: ты меня обманул. Хозяин приходит и что-то шепчет ослу. Осел все равно уперся. Тогда он берет лопату и ему по голове бьет. И осел стал слушаться. Вот и Академия наук получила удар лопатой по голове. Тут нет худа без добра. Хотя, конечно, ужасно, что наша власть может за два дня принять закон без всякого обсуждения.

Новая газета — От удара лопатой можно и откинуться.

Р. Н.: Но не откинулись. Поэтому мы и собрались здесь, те, кто считает, что да, в академии нужно проводить реформы. И, в частности, один из главных смыслов реформы — решение проблемы возраста научных сотрудников. Нужно понимать, что если человек уж очень пожилой, то нельзя от него многого требовать. И поэтому докторский корпус, который моложе, чем академики и членкоры, нужно более активно привлекать к самоуправлению РАН.

А. К.: Кстати, сейчас главная проблема практически во всех институтах РАН — это не недостаток молодежи, а отсутствие среднего возраста. 20—30-летние и старше 50 есть. А 40-летних нет. То есть нет тех, кто должен был бы стать сегодня директорами институтов.

Новая газета — Это уехавшие или ушедшие в бизнес?

А. К.: Уехавшие и не пришедшие в академию.

А. С.: На сегодня молодых научных сотрудников, то есть тех, кому до 35 лет, в академии 25 процентов, а вот среднего возраста действительно очень мало.

Новая газета — Все-таки что надо делать с академией для того, чтобы она лучше работала, а не была уничтожена?

С. Г.: Мы избрали нового президента Владимира Фортова и поверили ему. Не всё мне лично в его программе было близко, но нам абсолютно ясно, что надо менять в академии в принципе. Все финансы академии должны быть прозрачны. Это раз.

Второе. Мы все считаем, что сообщество академиков и членкоров должно привлечь к управлению РАН докторский корпус. Есть разные предложения, в том числе и радикальные — чтобы они

выбирали членкоров и академиков. Есть и более сдержанные — чтобы они участвовали в принятии решений по управлению институтами, и планами институтов, и распределением финансов. Но, так или иначе, должна быть бесшовная структура, которая идет от президента академии, академиков до докторов наук, кандидатов, аспирантов.

Проблема возраста. Жонглируют цифрой, 72 года, и говорят, что это средний возраст РАН. Но это средний возраст членов академии. А средний возраст сотрудников академии значительно меньше.

В. Р.: Здесь, конечно, проблема в том, что в лабораториях, а это все-таки основная единица в институтах, как правило, довольно много есть людей, которым за 70, и они руководят при этом лабораторией в течение многих лет. Эту проблему тоже надо решать. Но опять же, это нужно сделать не потому, что так захотел директор института или ученый совет, — нужно единообразие, правило, согласно которому человек старше определенного возраста не может занимать определенные посты.

А. К.: Мы отмечали недавно 100-летие Израиля Моисеевича Гельфанда, великого ученого-математика, он умер в 96 лет. Я спросил у его сына Сергея: «Скажи, а когда Израиль Моисеевич опубликовал последнюю статью?» — это было сразу после его смерти; он сказал: «Ха, последняя статья еще в редакции».

С. Г.: У каждого нормального института должен быть механизм сторонней независимой экспертизы, то, что называется external advisory board. Мы в своем институте вообще хотим все сделать из иностранцев, можно сделать наполовину из иностранцев, наполовину из наших граждан, допустим, не работающих в академии. Но их решения должны быть практически обязательными.
Я сам член таких структур в двух немецких институтах, наши решения обязательны для дирекции.

Новая газета — Когда возникла идея собрать эту большую конференцию научных сотрудников РАН, какую цель вы перед собой ставили?

А. С.: Вот вы спросили, а что делать дальше. Ответить вам сейчас за пять минут мы, разумеется, не сможем. Но мы для того конференцию и делаем. Одна из тем конференции — это, собственно, альтернативные проекты реформирования. На сегодняшний день, кроме проекта номер ноль, который предложил господин Ливанов, есть несколько уже опубликованных больших проектов. Есть еще проекты, сделанные совсем снизу, то есть группами энтузиастов. Есть проекты рабочих групп отделений РАН. Есть проекты, представленные официально уполномоченными Советами при Министерстве образования и науки.

А. К.: Цель — это демонстрация способности научного сообщества к самоорганизации. Если бы общество умело самоорганизовываться, мы бы через десять лет жили в другой стране.

http://www.novayagazeta.ru/politics/59706.html

10. Математика и математики подреформенной России

10 сентября 2013

Виктор Васильев
Академик РАН
Полит.ру

*Публикуем авторскую, переработанную и дополненную версию выступления академика РАН, доктора физико-математических наук, главного научного сотрудника МИАН, профессора факультета математики ВШЭ **Виктора Васильева** на Конференции научных работников РАН, 29 августа 2013 года. Курсивом автор указал на те разделы, которые из-за недостатка времени ему не удалось произнести даже фрагментарно.*

Меня попросили рассказать о нынешней ситуации в российском математическом сообществе, прежде всего в его академической части, в контексте правительственного проекта реформ.

На научной карте России имеется примерно десяток мест, где заметное количество людей занимаются или до недавнего времени занимались математикой на мировом уровне или близко к нему. Четыре академических института (МИАН, ИППИ, ПОМИ, Математический институт СО РАН в Новосибирске); неразрывно связанные между собой Независимый московский университет (НМУ) и математический факультет НИУ-ВШЭ; Институт теоретической и экспериментальной физики (ИТЭФ); кроме того, есть сильные люди на математических факультетах МГУ и СПГУ, в институте Теоретической Физики им. Ландау. Еще в нескольких местах есть первоклассные исследовательские группы по какой-то области, например, по теории чисел в Хабаровске, по динамическим системам в Нижнем Новгороде и другие, прошу прощения у всех, кого не назвал. Всего это, вероятно, около тысячи человек, а исследователи, заметные на мировом уровне, составляют их явно меньшую часть. (Не берусь говорить о прикладной и вычислительной математике, потому что это особый мир, к тому же полузакрытый).

Хотя в контексте наших реформ вроде бы надо говорить раздельно об институтах РАН и о других организациях, такое деление получается несуразным, потому что сообщество математиков достаточно едино и взаимосвязано, и удар по любой его части (например, то, что было в ИТЭФ) болезненно воспринимается всеми. Кроме того, все зависит от личности начальства и ярких ученых гораздо больше, чем от ведомственной принадлежности. Например, какой-нибудь отдел ИППИ может оказаться больше похож на лабораторию НМУ или кафедру ВШЭ, чем на подразделение МИАН, и никто не понимает, где кончается мегагрантная лаборатория алгебраической геометрии НИУ-ВШЭ и начинается одноименный отдел МИАН.

История

В 1960-е — 70-е годы наша математическая школа была на замечательной высоте, входя в большую мировую тройку вместе с США и Францией. Причин тому несколько (и не обо всех из них хочется сожалеть). Во-первых, у физикоматематических наук была большая государственная поддержка, связанная с интересами научно-технического развития и военной отрасли; соответственно, имелся значительный общественный престиж.

При этом занятие математикой и теоретической физикой было едва ли не единственной областью, в которой можно было значительно продвинуться и реализоваться, не вступая в партию, не мараясь ее сомнительными делишками и одновременно не вступая в конфликт с властью. Это привлекало людей с повышенным самоуважением, которое хорошо коррелирует с добросовестностью и дееспособностью.

В-третьих, был железный занавес, не позволявший, в крайнем случае, уехать на поиски других вариантов. В том числе, в нашем загоне со времен Российской империи оставалось много евреев, которых очень много среди первоклассных ученых. (Про этот фактор не принято говорить, что, по-моему, лицемерие, потому что все думают про это, обсуждая эти темы).

Когда советская власть обанкротилась, эти факторы естественным образом исчезли или сильно ослабли. Появилась какая-никакая свобода и много новых способов самореализации. Рухнули границы, и очень многие люди, не отучившиеся делать какое-то полезное дело (а не только демонстрировать верноподданичество в обмен на крохи с барского стола) уехали в места, где это делать легче и безопасней. Удивительно, насколько много осталось — вероятно, отчасти и потому, что самоуважение непостижимым для политиков образом коррелирует не только с дееспособностью и добросовестностью, но и с желанием отдавать больше, чем получать. Однако в научной жизни очень важна высокая концентрация экспертов, которая была потеряна. Евреев к тому же эффективно распугали партийно-государственные антисемиты, среди которых почетное место принадлежит организаторам вступительных экзаменов в некоторые ведущие вузы. (К 1990-му году эту гадость пришлось прекращать, но последствия невосполнимы и до сих пор очень болезненны).

Наконец, значительная государственно-финансовая поддержка науки в катастрофической ситуации начала 90-х годов была невозможна, впоследствии же, в условиях нашей сырьевой клептономики, серьезная наука стала не востребована, а государственные инициативы по ее поддержанию часто оказываются чисто декларативными и проигрывают при прямом столкновении с конкретными материальными и политическими интересами сильных мира сего.

Потом было десятилетие (точнее, лет 12) выживания: достаточных для жизни денег в научной отрасли (прежде всего, в РАН) не платили, однако конвертируемость нашей квалификации была намного выше конвертируемости рубля, что и позволяло существовать. Например, я каждый год ездил на несколько недель (иногда месяцев) читать лекции или участвовать в какой-нибудь программе за рубеж, привозил от одной до трех тысяч долларов, что и позволяло жить вместе

с семьей остаток года; примерно то же самое с небольшими вариациями может вспомнить большинство математиков нашего поколения, оставшихся в России.

Яркое впечатление тех времен — поразительный уровень дружеского и очень действенного участия наших коллег со всего мира. Американцы, немцы, французы, голландцы, организующие фонды, гранты, программы помощи русским братьям по разуму. Первым ударило в колокол Американское математическое общество, к нему присоединились другие, включая фонд Сороса, и первые годы мы пережили, а потом как-то приспособились, и стало несколько легче.

Очень важное явление этого времени — создание Независимого московского университета, старающегося восполнить систему высокого мехматовского образования, крайне ослабшую после отъезда многих ведущих ученых. Занимаясь по вечерам, в неотапливаемых школьных помещениях, в которые нас пускали по знакомству, НМУ в критические 5 лет вопреки всем законам экономики не дал порваться связи поколений.

Но всё же это время больших потерь. Возможно, главная из них — поколение 1965–1973-го года рождения: люди, которые сейчас должны были стать ведущими профессорами и лидерами научных групп. В любое время и практически в любом месте рождаются люди с искрой Божьей, которым дано стать замечательными учеными. Упустить их, не дать развиться,— преступление. Традиции математического образования высокого уровня не прекращались у нас в самое трудное время, поэтому многие из этих детей не оставались незамеченными и получали возможность до поры до времени развиваться почти в полном соответствии со своими способностями. Но в 90-е годы тем из них, кому было немного за 20, практически не нашлось места в научной России: ни в РАН, ни где-то еще, и почти все оказались на Западе или были потеряны для науки.

Жить здесь на академическую зарплату научного сотрудника было невозможно, купить жилье — тем более, а для челночного существования нужно было уже иметь имя, которое молодому человеку надо было только создавать. Теперь кто-то из них возвращается, но в основном не в академические институты; в частности, многих притянул математический факультет НИУ-ВШЭ. Надо сказать, что эти люди, активные и повидавшие, как строится наука в мире, очень ценны, и их разумный взгляд на вещи часто помогает в практических делах. В последнее время молодые люди тоже уезжали, но не так массово и радикально, и чаще возвращаются. Но что будет теперь? Тут есть и другая сторона. Это было время окончательного врастания российского математического сообщества в мировое. Хотя математика всегда была интернациональна, а американский или японский трудяга, мучающийся над теми же задачами, всегда был душевно ближе доморощенного комсомольского проходимца, до поры до времени была четкая граница, отделявшая «нас» от «них», а также оставшихся от уехавших. В результате пертурбаций 90-х годов в среде настоящих математиков грани размылись. Все со всеми перезнакомились и увидели человеческие лица друг друга; люди уезжают, возвращаются, нанимаются на временные позиции, на ставки с полугодичным присутствием, на регулярное чтение лекций, на совместную работу, на школы и конференции; удаленно пишут совместные работы… Да и те, кто уехал на постоянную позицию, все равно никуда не делись — они совсем рядом на нашем стремительно уменьшившемся шарике после возникновения электронной почты, Интернета, Скайпа и электронных архивов. Подавляющее большинство из них остаются людьми одного круга, и нет принципиальной разницы — запросить о консультации или сотрудничестве нашего человека в Питере, Торонто или Ливерпуле.

С этого времени заметно улучшилось международное признание наших выпускников. До 1990-го года включительно советские математики получили только три Филдсовские медали, причем Филдсовский комитет «обошел», например, В.И. Арнольда и М.Л. Громова, явно превосходивших средний уровень медалиста. По-видимому, чтобы оценить человека по достоинству, все-таки очень важно теснее пообщаться с ним непосредственно и увидеть, какой он замечательный. После 1990-го года на каждом Международном Математическом конгрессе (проходящем каждый 4-й год) хотя бы одну из 4-х медалей вручали ученым, получившим у нас образование и свои первые результаты. При этом в случае медалистов до 2000-го года их звездные работы, принесшие награду, были сделаны еще в СССР, а после, как правило, наши медалисты (из того самого поколения 1965–70 годов) делали эти работы уже там. Надо ли это засчитывать в плюс или в минус российскому математическому сообществу, считать доказательством его дееспособности или наоборот? Один известный журналист сравнивает количество отличий, полученных здешними и отъехавшими математиками, с отношением забитых и пропущенных голов, хотя, очевидно, если уж пользоваться футбольным сравнением, то это — отношение голов и голевых передач. То, что от них зависит, ученые делали, а что касается достойной работы, социальных и гражданских гарантий, стабильности, благосостояния, общественного признания, безопасности, экологии, медицины и прочих жизненных факторов, влияющих на выбор места жительства, то это ведь вопросы не к ним, а скорее в точности к тем же людям, что инициировали данный проект реформ?

Вряд ли много смысла в разборе ведомственной принадлежности наших лауреатов до отъезда, хотя, например, Максим Концевич и Андрей Окуньков до сих пор числят себя в штате ИППИ РАН, сохраняют наилучшие отношения и месяц назад выступали (как и еще два медалиста, С.П. Новиков и Станислав Смирнов) на замечательной конференции к столетию И.М. Гельфанда. Кстати, М. Концевич, один из ведущих ученых современности и лауреат почти всех основных математических премий, прислал свое письмо Председателю Государственной думы, где пишет просто и ясно:

«Уважаемый Сергей Евгеньевич, я являюсь одним из представителей российской научной диаспоры. Беспрецедентное предложение российского правительства провести коренную перестройку и фактически уничтожение Российской академии наук без малейших попыток согласования с научным сообществом является абсолютно шокирующим и, прямо говоря, преступным. Я очень надеюсь, что депутаты Думы примут разумное и взвешенное решение по этому поводу. (…)»

Одновременно письма поддержки и солидарности прислали сэр Майкл Атья, Жан-Пьер Серр и Пьер Делинь, вместе с Концевичем составляющие верхушку мировой математической элиты; о своей глубокой озабоченности пишут руководители основных международных математических организаций, в том числе Президент Международного математического союза И. Добеши (I. Daubechies), а Андрей Окуньков принимал живое участие в информировании и организации.

То есть в данном конфликте нет сомнений в точке зрения и симпатиях (по крайней мере, в части математики) мирового научного сообщества вообще и российской диаспоры в частности. В этом контексте можно вспомнить идею «международного аудита». Только хорошо бы начать его с международной оценки научных достоинств г-на Ковальчука, и чтобы делали это не безымянные научные бюрократы, а ученые, дорожащие своим именем. Или еще лучше: давайте начнем с аудита Министерства образования и науки, найдя способ получить искреннее (а не дипломатическое) мнение нескольких стран с признанно хорошей образовательной системой, скажем, Южной Кореи, Франции и Японии.

Другой популярный показатель научного признания высшего уровня — число приглашенных докладов на Международных Конгрессах математиков, которые по идее должны представлять важнейшие достижения предыдущих четырех лет. Доклады бывают пленарные, их каждый раз всего около 20, и секционные — их порядка 170. Если брать только докладчиков, постоянно работающих в России, то в 2010 году их было 5, в том числе 1 пленарный (А.Н. Паршин, С.В. Иванов, Д.Б. Каледин, С.К. Ландо, И.В. Ященко, из них трое — сотрудники РАН). На прежних конгрессах цифры были такие: 2006 (Мадрид) — 2(0), 2002 (Пекин) — 6(1), 1998 (Берлин) — 3(0), 1994 (Цюрих) — 6(1), так что колебание кажется стабилизирующимся.

Что теперь?

В результате всех потрясений, сейчас на место в большой математической тройке мира претендовать уже не приходится, однако Россия входит в официальную первую десятку членов Международного математического союза, и находится не в самом ее хвосте, сохраняя очень сильных исследователей по большинству разделов современной математики и работая в тесном сотрудничестве со всем миром.

Число и концентрация их заметно уменьшились, например, прекратили работу потрясающие семинары Арнольда и Гельфанда (и нет уже их руководителей и достойной замены им). Значительно бледнее стала математическая жизнь на мехмате МГУ. С другой стороны, по-прежнему очень активно и продуктивно работает семинар по алгебраической геометрии МИАН, а также семинар С.П. Новикова (проходящий две трети года в отсутствие руководителя), возникло несколько новых сильных семинаров, прежде всего на математическом факультете НИУ-ВШЭ (прошу прощения у всех, кого не упомянул).

В последние лет шесть, после начала т.н. «пилотного проекта», дела в институтах РАН стали улучшаться. Самое главное — появилась возможность брать прекрасных молодых людей, и это активно делается — прежде всего, в ИППИ (где в какой-то степени удавалось это делать и раньше). В Новосибирском математическом институте им. Соболева из 39 научных сотрудников моложе 35 лет 36 приняты за последние 6 лет (при этом общее число научных сотрудников около 300). В самом маленьком институте — ПОМИ — при общем штате около 90 научных сотрудников за последние 5 лет принято 18 молодых сотрудников. В МИАН из 120 научных сотрудников 28 моложе 40 лет, большинство из них также приняты за последние несколько лет, когда появилась какая-то перспектива. Они выполняют самые яркие работы, достойные самого высокого признания, в нескольких случаях я бы сказал — восторга. (Но при этом стипендии аспирантов все еще не позволяют им заниматься только наукой без серьезной подработки, что очень плохо).

Это маленькие цифры, но еще 10 лет назад все было существенно хуже, и за последние годы в институтах стало гораздо больше жизни.

Вернулось несколько блестящих ученых среднего возраста, имевших постоянные позиции на Западе (двух из них я уже вижу в списке «отказников»). В секции чистой математики РАН на последних двух выборах практически не избирали непонятных людей, и появилась было реальная возможность, что чисто эволюционным путем люди, занимающиеся самой современной математикой неотделимо от мирового сообщества, заполнят эту секцию и будут определять ее развитие.

Незаслуженно кратко упомяну еще три очень важных положительных события последнего десятилетия: конкурс Пьера Делиня для молодых математиков СНГ, основанный великим математиком современности за счет своей Бальцановской премии; многогранная поддержка российских математиков со стороны фонда Дмитрия Зимина «Династия» (в частности, создавшего свой конкурс, продолживший конкурс Делиня, когда у того кончились премиальные деньги); государственная система мегагрантов. Кроме того, ведь и математический факультет НИУВШЭ был создан именно в это время.

Проблемы и опасности

Главная объективная проблема, по-прежнему — слабая востребованность академической математики (как и всей фундаментальной науки) в условиях сырьевой экономики. В этих условиях она (за исключением нескольких особых прикладных областей) существует в режиме резервации для людей, способных именно к этой деятельности, в ожидании то ли момента, когда конструктивная часть высокотехнологичного бизнеса сама дорастет до достаточных высот, то ли когда обвалятся цены на нефть и газ и стране волей-неволей придется что-то создавать.

Разогнать ее за нынешнюю невостребованность или сделать ее существование невозможным столь же разумно, как распустить армию (раз уж страна в данный момент не воюет), а когда клюнет жареный петух, то пытаться быстробыстро собрать ее заново. Естественно, существование в режиме резервации не способствует развитию, и многие ветераны занимаются очередными обобщениями науки времен своей молодости, которые сейчас уже не очень интересны.

Но что делать? Если согласиться, что структура Академии наук — действительно не самый эффективный способ воспроизводства экспертов, то, наверное, надо создать достаточное количество более эффективных структур, и мирно побороть ее методом честной конкуренции. Например, мне по многим причинам больше нравится схема университетской науки (добросовестной, а не фиктивной) — в частности, своею большей гибкостью (когда ослабление творчества можно компенсировать увеличением преподавания) и форсированно более тесным общением с молодежью. Но в реальной жизни такая система пока не создана в достаточных масштабах и качестве, чтобы обеспечить массовую эффективную и честную конкуренцию с академическими институтами и возможность перехода туда хороших ученых на достойных условиях.

Впрочем, большая часть академических математиков где-то преподает. Например, в Новосибирске совмещение работы в Математическом институте и в университете является массовым. На математическом факультете НИУ-ВШЭ есть базовые кафедры МИАН и ИППИ. В МИАН с 2005 года работает Научно-образовательный центр, в котором читаются курсы по продвинутой математике, за последние 6 лет прочитано 122 курса. Научно-образовательный центр ПОМИ включает «ПОМИ-поток», работающий с особой группой студентов на матмехе СПбГУ, и регулярные лектории «Физматклуба» и «Computer Science клуба». Многие сотрудники МИАН преподавали также на полставки на мехмате МГУ, читая спецкурсы и давая студентам возможность знакомиться с современной математикой.

Однако тут МОН тоже подсуетилось, затеяв «оптимизацию» вузов и издав такие нормативы оценки их качества, ориентируясь на которые мехмат сейчас увольняет полуставочников и тем самым, несомненно, очень существенно обеднит своих студентов.

Оценка работы математиков

Ночной кошмар ученого — глупый и беспардонный министерский чиновник, вооруженный индексом Хирша, который всех проранжирует, определит подлежащих увольнению, и не будет слушать никаких рациональных соображений, ссылаясь на «объективность» фаллометрической информации. У меня уже был опыт общения с министерскими тетями, вооруженными формулой под названием «надежность», из которой непреложно следовало, что вариант ЕГЭ обязательно должен состоять из огромного количества однотипных задач с выбором ответа.

Кроме того, имеется и опыт общения с чиновниками, считающими, что простота и универсальность индекса важнее его адекватности. Дополнительная проблема в том, что математики проигрывают по этим показателям просто в силу разницы жанров публикации в разных науках. Это не тема для нынешнего выступления, но несомненный факт, что публикации в разных науках — это совершенно разные вещи, и ученые примерно одного уровня из разных наук имеют несравнимые индексы. Не учитывать это ради простоты подсчета — последнее головотяпство: ведь даже Министерство культуры не оценивает архитекторов и фельетонистов по одному параметру «количество произведений». Даже в рамках одной и той же математики специалисты одного класса, работающие в разных ее разделах (например, в математической логике и оптимальном управлении или статистике), могут иметь цитируемость, различающуюся более чем в десять раз. В этих показателях цитируемости иногда есть некоторый смысл, однако практикуемое чиновниками их использование в качестве способа самостоятельно сравнивать и судить о работах в областях, в которых они ничего не понимают, является недобросовестным и должно жестоко шельмоваться.

Конечно, другой кошмарный сон — крепостническая система наподобие созданной в ИТЭФ, когда научный сотрудник имеет фиксированную зарплату около 6000 рублей, а остальное полностью зависит от благорасположения неквалифицированного начальника и его клевретов.

Заключение

Я никак не могу перейти к обещанному «контексту реформ», видимо просто потому, что это совсем другой литературный жанр и даже другая реальность. Выше я попытался безыскусно рассказать о том, что было и что есть в действительности, не выходя из рамок реализма, тогда как вся история этой реформы — полный постмодерн. С этим неизвестно кем написанным законом с арифметическими ошибками в обосновании. С выступлением вицепремьера Голодец, патетически произносящей слова, смысла которых она не понимает, с индексом Хирша 25 000. С несчастным министром, пытающимся сохранить лицо и говорящим, что не писал закона, а через три дня вдруг «вспоминающим», что очень даже писал. С этой игрой в общественные советы, которые потом можно поставить перед фактом, как и всё остальное общество, и при этом глядя людям в глаза говорить, что проект обсуждался с учеными (с какими же тогда, если не с собственным общественным советом?). С явно выпирающими из текста личными комплексами и амбициями, недопустимыми в государственных делах. Со специально прописанным в законе пунктом, что члены академии должны писать прошение о включении в ее новый состав — точно в стилистике дворовой шпаны, для которой мало разбить очки противному умнику, но надо еще заставить его перед собой поунижаться. С непонятным и необъясненным объединением трех академий… Видимо, это стандартная для политики и гениально описанная Кафкой схема, когда идет поток несомненного абсурда, приводящий в изумление, на который почти невозможно всерьез отвечать, но потом этот процесс вырывается из области бреда и претворяется в реальность самым материальным и фатальным образом.

Еще в обоснование этого закона заговорили о нарушениях с арендой в академических институтах, и, по слухам, к осенним слушаниям готовится сюжет на телевидении про пресловутый Академинторг с закупками оборудования по завышенным ценам. Спохватились! Научная общественность, журналисты, блогеры уже который год про это криком кричат, а толка никакого, и это при том, что и за арендой и особенно за внешнеторговой деятельностью у нас следит разных контролирующих органов, разных недреманых очей — выше крыши (пардон за каламбур). Всех результатов — что человек, который начал скандал с Академинторгом, Алексей Крушельницкий, потерял работу в Академии. Ну что же, Академия наук — часть общества, при этом часть большая и разнообразная, и общие правила нашего существования на нее влияют. И вот получается, что правила эти такие, что пока сохраняешь покорность, то можно безобразничать, только все где-то записывается, чтобы прищучить, как только проявишь строптивость. Когда я услышал про этот сюжет, то на секунду почувствовал злорадство, что может быть хоть на этой волне разберутся с нашими прохвостами. Только сдается мне, что прохвосты сумеют договориться с любым новым контролирующим органом так же хорошо, как и со всеми прежними, а накажут за их грешки нас с вами.

Теперь про «строптивость». Часто звучит аргумент, что академию создал Петр I, и разрушить ее — значит вписать себя в историю в той же графе, но с обратным знаком. На это возражают, что академия уже не та, и не петровская, а скорее сталинская. Только ведь прошлый раз этот аргумент сработал, когда Хрущев собирался разогнать академию, обидевшую поддерживаемого им Т.Д. Лысенко, что было воспринято как непочтение к власти. Никита Сергеевич, конечно, был авторитарный руководитель, но разруливать разнообразные кризисы все-таки умел.

Так вот интересно, как это Академия ухитрилась превратиться из петровской в сталинскую за время, прошедшее после Хрущева? А если серьезно, то имеется давно уже тлеющий конфликт между учеными и властью, связанный с несомненным стремлением последней поставить М.В. Ковальчука начальником над всей российской наукой. Разумно ли это?

У ученых, работающих в точных науках, создается естественная и объективная иерархия: кто-то умеет решать задачи, а кто-то не умеет решать те же самые задачи, и если при этом он изображает из себя корифея и принуждает других это поддерживать, то народ начинает смеяться, и авторитет умножается на ноль. Есть два варианта эффективного куратора науки: либо выдающийся ученый, либо человек вообще лишенный научных амбиций (или забывший о них ради дела), подбирающий себе в помощники и консультанты лучших ученых (а не изживающий, напротив, из своего окружения и администрации тех, кто сильнее его).

В нашем случае, как видно из опыта Курчатовского института и особенно подведомственного ему ИТЭФ, не заметно ни того варианта, ни другого. Так что неприятие этого кадрового решения научным сообществом — вещь абсолютно закономерная, а не зависящая от чьей-то злой воли, и обижаться на это — как наказать стол или шкаф, ушибившись об него по неосторожности. Эта ситуация видна и понятна, и в случае чего нынешний казус именно под этим соусом навсегда и останется в истории России.

Чтобы два раза не вставать: предложения к возможным будущим реформам

Вероятно, на конференции будет высказано много соображений о том, что и как на самом деле надо реформировать в академии, и я хочу добавить несколько своих по частным вопросам.

Что делать с академиками и их привилегиями? Во-первых, надо избавляться от пресловутых академических «стипендий», а не размножать их: я просто не вижу приличных вариантов будущего, в котором они сохранятся. Эти средства лучше употребить на какой-то вариант почетной пенсии и отступного при отходе от дел (не только для академиков), вроде позиций эмеритус профессоров в американских университетах.

Вообще, тот факт, что людям свойственно стареть и терять дееспособность, не осознавая этого, но требовать к себе повышенного внимания — проблема общечеловеческая. И некоторое расслабление, часто сопровождающее избрание в академики, тоже не наша специфика: например, те же американцы, получая постоянную профессорскую позицию своего потолочного уровня, часто также сбавляют обороты. Специфически наша проблема — что академики сохраняют чрезвычайное неотчуждаемое влияние в любом возрасте и состоянии рассудка. Связано это с тем, что академиками становиться до сих пор очень приятно (так что кое-кто совершенно теряет человеческий облик в погоне за этим), и зависит это исключительно от воли остальных академиков, которых поэтому всячески ублажают. По-моему, именно **пожизненное право выбирать себе подобных является критическим пороком, и именно его надо ограничить каким-то не очень большим возрастом.** После этого и способность засиживаться на руководящих должностях сильно сократится (и сохранится только у тех, кто реально хорошо руководит), да и привлекательность этого звания войдет в более разумные рамки.

А что касается научной эффективности и административной деятельности институтов, то тут критически важны прозрачность и полная информация, прежде всего на сайтах институтов и в блогах руководителей, чтобы на все неприятные вопросы давался содержательный прямой ответ на человеческом языке. Дрянные сайты — та же мутная водица. Конечно, важнее всего — чтобы люди не теряли совесть и меньше врали, но этого добиться очень трудно, а все-таки врать на человеческом языке гораздо труднее, чем на языке официальных бумаг и отчетов.

http://polit.ru/article/2013/09/10/vassiliev_math_conf_ras/

11. Письмо академика РАН В.Е. Захарова президенту Российской Федерации В.В. Путину

21 сентября 2013

Глубокоуважаемый Владимир Владимирович!

Вы, несомненно, знаете, сколь негативную реакцию у научного сообщества вызвал пресловутый законопроект о реорганизации РАН. Возмущение ученых было столь велико, что удалось, проявляя чудеса самоорганизации, в срок меньше месяца собрать авторитетную всероссийскую Конференцию научных сотрудников общим числом в две с половиной тысячи участников. На Конференции в равной степени были представлены и ветераны Академии, и академическая молодежь. Мнение участников Конференции было единодушным, оно зафиксировано в ее резолюции. Все хотят, чтобы академические Институты остались в подчинении Академии. Предполагалось, что возникнет правительственное агентство, которое будет в централизованном порядке распоряжаться недвижимостью институтов -землей, зданиями, то есть играть роль «коллективного завхоза».

4 сентября Вы сделали публичное заявление, которое все научное сообщество с огромным облегчением восприняло как поддержку Вами этой позиции.

Однако, вчера Дума приняла Закон совершенно другого свойства. По этому закону научные институты полностью изымаются из Академии и целиком переходят под управление Агентства. Мы все не можем представить себе, чтобы Вы за столь короткий срок смогли так кардинально изменить свою точку зрения, да еще, не поставив при этом никого в известность. Из этого я заключаю, что члены Думы действовали по собственной инициативе и действовали вопреки Вашей воле.

Ситуация еще поправима. Судьба закона в Ваших руках. Вы можете наложить на него вето, и я призываю Вас поступить именно так.

С искренним уважением, Академик РАН В.Е. Захаров

http://echo.msk.ru/blog/serguei_parkhomenko/1161722-echo/

12. Широким слоям общества эта тема оказалась неинтересна

27 сентября 2013 г.

Валерий Рубаков
Академик РАН
Интервью с Юлианой Лизер
Русская планета

Один из самых цитируемых российских ученых физик Валерий Рубаков — о скандальной реформе РАН и не слишком успешных попытках научного сообщества сопротивляться ей В среду Совет федерации одобрил скандальный законопроект о реформе РАН; документ направлен на подпись президенту. Один из инициаторов «Клуба 1 июля» — неформальной группы академиков, заявлявших о намерении бойкотировать РАН в случае принятия закона,— физик Валерий Рубаков в разговоре с «Русской планетой» подвел итоги борьбы научного сообщества за сохранение академии.

— Вы могли бы еще раз обозначить основные проблемы реформы РАН?

Основная проблема — это передача институтов и организаций Академии наук в ведение специального агентства. В первую очередь, здесь беспокоят научные институты. То, что в реформе

написано про проведение Академией наук научных исследований — это смех. Если у Академии нет институтов, то как и кто будет эти исследования проводить? Будет клуб ученых, который иногда будут просить какие-то экспертизы провести, рекомендации дать или еще что-нибудь. Если раньше РАН вела научные исследования и отвечала за них, то теперь она ни за что отвечать не будет. Агентство будет управлять институтами и финансово, и организационно. Сейчас идет речь о том, чтобы научное руководство оставить за академией, но как вы можете осуществлять научное руководство тем, кто к вам не относится? Это все равно, что мне дать полномочия осуществлять научное руководство каким-нибудь американским университетом. Он меня пошлет, да и все. Главная проблема — в передаче агентству институтов как коллективов со всеми своими мозгами и умениями. Имущество — это, в конце концов, дело наживное, а люди — дело необратимое.

— Вам что-нибудь известно о положении, регламентирующем полномочия этого агентства?

На эту тему я знаю ровно столько же, сколько и вы. Думаю, что сейчас готовится как минимум два документа параллельно: один в Минобрнауки, другой в Академии наук. Но это мои догадки.

— Почему принципиально важным было то, чтобы агентство подчинялось не Минобрнауки, а напрямую правительству? В чем разница?

Одно дело, когда вы находитесь в структуре Министерства образования и науки, которое мы знаем, как работает. Известны истории и с аттестацией вузов, и скандалы с ЕГЭ, и так далее — это все из одной оперы. А другое дело — независимая структура при правительстве, это совсем другой уровень и другой уровень ответственности. И другие возможности. Если там правильный человек находится, то вреда будет меньше.

— Правильный человек в правительстве или агентстве?

Руководитель агентства. Было обещано, что это будет Фортов (академик Владимир Фортов, 29 мая избранный президентом РАН.— РП), но поживем увидим.

— Что, на ваш взгляд, теперь ждет региональные отделения РАН?

Сейчас институты, которые находятся в европейской части России, непосредственно подчиняются президиуму Академии наук. А институты, находящиеся на Урале, в Сибири и на Дальнем Востоке подчиняются соответствующим региональным отделениям РАН. Эти отделения являются юридическими лицами и главными получателями кредитных средств, они непосредственно из бюджета получают деньги для своих институтов и финансируют их. Организационные вопросы решаются на местах — в Екатеринбурге, Новосибирске или Владивостоке. Конечно, они отчитываются перед президиумом РАН. То есть они самостоятельны финансово и организационно, но входят в Академию наук и работают все вместе. Это всех устраивало.

Теперь же, исходя из реформы, институты региональных отделений РАН также переводятся в ведение агентства. То есть региональные отделения РАН превращаются в региональные клубы ученых. Они остаются юридическими лицами, но институтов у них нет. Получается один большой клуб, и в нем еще три региональных клуба.

— А что насчет слияния «большой» академии с РАМН и РАСХН?

Будет такой клуб, будет сякой клуб. Будет он из тех, кто сейчас в академии, или он будет с добавлением академиков сельхоз-и медицинских наук, для меня непринципиально. Ничего хорошего в этом, конечно, нет, потому что это люди из разных плоскостей, сами понимаете. Сельхознаука и физика — очень далекие области, и то, что там будет академиков сельхознаук существенно больше, чем физиков,— это как-то криво. И никаких реальных полномочий у президиума этой академии не остается, кроме согласования директоров институтов. Посмотрим, что они пропишут в положении об агентстве по части научного руководства. Разговоры о том, чтобы РАН осуществляла научное руководство, ходят, но это тоже, как говорится, бантик.

— Как, на ваш взгляд, реформа РАН проявит себя в ближайшее время? Начнутся сокращения?

Начнутся. Может быть, не мгновенно, но, несомненно, начнутся. Я уже не говорю о социальных организациях. У академии же есть больница, поликлиника, у кого-то лагеря детские. Эта сфера

первой окажется под ударом. Я уверен, что будут сокращения в институтах. Начнется жесткое ранжирование от ученых до институтов. Кто окажется чуть слабее, тех, соответственно, к ногтю. В частности, сокращения могут коснуться регионов. Чего греха таить, институт физики в Махачкале и ФИАН в Москве — это все-таки институты разного уровня. Надо это понимать, хоть в регионах и есть хорошие, нормальные ученые. Здесь еще важно понимать, что региональные центры играют для регионов значительную роль не только в научном отношении, но и как культурные центры кристаллизации. Поэтому, если там будут происходить такие вот тектонические сдвиги, то это будет сильный удар. Думаю, что заметная часть имущества, зданий и земли пойдет с молотка. Точнее, не с молотка, а в правильные карманы. Это точно будет заметная часть, и она уйдет из-под институтов. Будет проведена такая инвентаризация, будут говорить: «Как так, у вас территория плохо используется!» И — чик! А если у нас была мечта на этом месте ускоритель построить, то никаких ускорителей. Хоп, и все. Я думаю, это произойдет обязательно. Неприятного будет много.

— В журналистских кругах ходят слухи, что реформа РАН — своего рода месть обиженного Михаила Ковальчука за то, что его не избрали академиком и не утвердили на пост директора Института кристаллографии РАН. Тут подразумевается, что его брат Юрий Ковальчук, основатель банка «Россия»,— очень влиятельный человек.

Это слухи, конечно. Во всяком случае, я никогда не разговаривал с Ковальчуком на эту тему и поэтому как-либо квалифицировать это не берусь. Я все-таки предпочитаю иметь дело с фактами, а не со слухами. Я думаю, что есть целый ряд факторов, которые выстроились, и вот такой удар произошел. Даже если это правда, то это не единственный вектор. Ну и еще один момент. Его не выбрали в академики, а удар пришелся по институтам. Логики я тут не вижу. Это немножко странновато, ведь академики как были академиками, так и остались, и как получали свои 50 тысяч академической стипендии, так и будут получать.

— Раньше вы говорили, что откажетесь вступать в новую Академию наук, если закон будет принят. Каковы будут ваши дальнейшие действия?

Ну, я еще подумаю. Но если будет подписан такой закон, я думаю, что выйду из академии. То, что я академик,— это почетная вещь, я могу участвовать в органах управления академией и прочее. Но когда это будет клуб… Захотят они меня пригласить в свои органы управления — буду думать, может, и соглашусь. Для этого же не обязательно быть академиком. Буду заниматься наукой, буду преподавать, студентов учить, аспирантов.

*— А другие члены **«Клуба 1 июля»**?*

Люди сейчас решают заново для себя, кто останется, кто нет. Летом было иначе — люди говорили, что не будут входить в новую академию, то есть писать заявления. В первом варианте законопроекта вообще хамство было написано: что члены академии должны писать заявление во вновь создаваемую академию наук. Ну что это такое? Сейчас ситуация другая. Академия наук формально не ликвидируется, членство в ней не ликвидируется, и никаких заявлений поэтому писать не надо. Теперь ученые будут осмысливать, хотят они или не хотят оставаться членами этого клуба. Не написать заявление с просьбой пустить — это одно, а написать заявление с просьбой исключить — это другое. Это добровольное дело, и никто ни на кого не будет обижаться, это абсолютно исключено. Я думаю, что немногие напишут заявления о выходе. Но я ни с кем на эту тему не разговаривал, потому что это очень интимное дело. Каждый должен подумать и, не афишируя, принять то или иное решение.

— Вы были в среду на акции протеста у Совета федерации. Как можете оценить происходящее — это победа или поражение?

Это, конечно, поражение. Но «пораженья от победы ты сам не должен отличать». Будем продолжать борьбу за то, чтобы хоть как-то минимизировать потери.

— Как вы оцениваете попытки научного сообщества сопротивляться реформе?

Наверное, что-то сделали не так. Я не политик и не знаю, как делать правильно, я не могу это оценивать. В сослагательном наклонении говорить трудно. Мне кажется, что было мало общественного резонанса на эту тему. Наверное, были и промашки, и неправильная организация

всего этого протестного движения. Но видно, что широким слоям общества эта тема оказалась неинтересна в результате. Конечно, многие как-то поддерживают нас и сочувствуют, но нельзя сказать, что это всколыхнуло всю страну. И на митингах у нас было не безумно много людей. Профсоюз собрал чуть больше 120 тысяч подписей. Это, конечно, немало, но это не миллион. Если бы это действительно стало делом или ощущением беды для многих людей в стране, независимо от того, где они работают, может быть, был бы совсем другой эффект. По большому счету, власть нас не услышала. Вообще, занятное дело — была конференция в конце августа, и на нее пригласили людей из всех властных структур. И из правительства, и Ливанова (министр образования и науки.— РП), и Голодец (вице-премьер, курирующий социальный блок правительства.— РП), и из администрации президента людей, которые занимаются наукой, Фурсенко (экс-министр образования.— РП), людей из профильных комитетов Госдумы и Совета федерации. Никто не пришел, кроме коммунистов.

— В итоге только они и выступали против реформы.

Я понимаю, но можно же было прийти и, как говорится, объясниться. Но власти не слышат. Был какой-то диалог у руководства академии, у Фортова и людей, близких к нему,— вице-президента, главного ученого секретаря. Какие-то разговоры, но не публичные, насколько я понимаю. Но они тоже закончились. На сайте Академии наук есть конспект того, с чем Фортов ходил к Путину. Там первый пункт самый главный — «сохранение за академией управления их научной, организационной и кадровой составляющими с передачей функции по управлению недвижимым имуществом создаваемому агентству». Вот на какой компромисс был готов идти Фортов. Эта позиция была Путиным поддержана, но де-факто такого не происходит. Есть вопрос, почему Путин сказал одно, а делается другое.

— Видимо, ответа на него можно вообще никогда не получить.

А как мы его получим? Конечно, как-то будем жить в новых условиях. Думаю, что непросто нам придется.

http://rusplt.ru/society/society_4938.html

13. О проекте положения о ФАНО

12 октября 2013

Александр Чаплик
Академик РАН
medvedevu.ru

Уважаемый Дмитрий Анатольевич!

Прежде всего, позвольте поблагодарить Вас (я уверен, что это случилось при Вашей прямой поддержке) за предоставленную возможность обсуждать проект Положения о ФАНО. После беспрецедентной по степени бесстыдства и чиновничьей наглости процедуры подготовки и проведения через парламент Федерального Закона о реформе академий 15 дней на обсуждение главного для этого Закона документа -это просто царский подарок Правительства обществу. Настоящим письмом я обращаюсь к Вам не только и даже не столько как к премьер-министру России, но просто как к образованному, культурному человеку, получившему университетское образование в одном из лучших ВУЗов страны.

В упомянутом положении среди прочего говорится, что Агентство

6.3.4. Закрепляет за организациями, подведомственными Агентству, федеральное имущество и производит в установленном порядке изъятие этого имущества;

6.3.44. с учетом рекомендаций РАН: принимает решение о закреплении за организациями, подведомственными Агентству, имущества на праве оперативного управления или хозяйственного ведения, производит в порядке, установленном законодательством Российской Федерации, изъятие излишнего, не используемого или используемого не по назначению имущества, закрепленного за организациями, подведомственными Агентству; и имеет право

7.5. Запрашивать и получать в установленном порядке сведения, необходимые для принятия решений по отнесенным к компетенции Агентства вопросам, в том числе по вопросам приватизации, управления и распоряжения федеральным имуществом.

Как видите, Дмитрий Анатольевич, теперь уши анонимных до сих пор авторов Закона окончательно вылезли, и все стало ясно. Не в хиршах дело! Изымать и приватизировать (т.е. проще говоря, распродавать) – вот «конечный вывод мудрости» эффективных менеджеров. А ведь наша (теперь уже бывшая) Академия в течение последних трудных лет (с 1991 г.) сохранила в неприкосновенности все госимущество, которым она управляла. Но теперь торгаши вошли, наконец, в храм и просят полномочий на проведение свойственной им деятельности. Убедительно прошу Вас настоять на исключении из текста положения малейших намеков на возможность что-либо изымать, отчуждать и приватизировать чиновниками будущего ФАНО. Коррупционный потенциал трех приведенных пунктов огромен. Они быстро, за пару-тройку лет уничтожат нашу культуру, важнейшей составляющей которой всегда была академическая наука. Через две недели Вам подписывать постановление. Еще есть время свернуть с пути Герострата XXI века.

Всего Вам доброго,

Чаплик Александр Владимирович,
академик РАh
(бывшей)

http://medvedevu.ru/news/o_proekte_polozhenija_o_fano/2013-10-12-26974

14. Почему власть боится Академии наук

19 октября 2013

Петр Арсеев, Алексей Лопатин,
члены-корреспонденты РАН,
Михаил Романовский,
доктор физико-математических наук
Полит.ру

По имеющимся сведениям (вся терминология теперь, как на войне), в среду 16 октября итоговый вариант проекта Положения о Федеральном агентстве научных организаций (ФАНО) уже поступил в правительство, хотя общественное обсуждение документа продолжается (?!). Из проекта Положения окончательно следует, что все полномочия Российской академии наук (РАН) по отношению к подведомственным институтам передаются в ФАНО. Для учреждения, ликвидации и реструктуризации институтов, сокращения штатов и изменения научных тематик даже не потребуется формального согласия РАН — ФАНО будет вправе само сделать все, что захочет. Таким образом, пал последний редут обороны независимости РАН, и члены академии стали членами клуба ученых, а все научные сотрудники — бессловесными рабами нового агентства. Как все уже привыкли, власть не сдержала очередного обещания, данного на самом высоком уровне: неоднократно было обещано, что научно-организационная и финансово-административная составляющие руководства институтами будут разделены между РАН и ФАНО соответственно.

Что же происходит? Почему с Российской академией наук — старейшим после церкви, уважаемым в России почти во все времена институтом — обошлись как со злейшим врагом — уничтожили быстро, безжалостно, хладнокровно, вероломно, с хорошо подготовленной и весьма грязной пропагандистской кампанией, несколькими тактическими отступлениями и даже с дезориентирующими и усыпляющими переговорами самого главы государства? Почему был забыт один из аргументов противников РАН, что одна и та же организация не может выступать заказчиком научных исследований и оценивать их результаты? Ведь ФАНО полностью заменило РАН. Власть передернула карты. Дело в том, что, как ни странно, власть Академии боится. Академия была авторитетна, самостоятельна, не всегда покорна и не управляема правительственными чиновниками. О сохранении авторитета Академии говорили и последние опросы общественного мнения службой «РОМИР».

Ученые по отдельности, Академия в целом, да и многие из ее нынешнего руководства власти непонятны — вместо простых и понятных человеческих ценностей: купить дачу на Рублевке,

виллу на Канарах, пристроить детей обучаться за границу,— вместо этого люди требуют дать им возможность нормально работать, а максимум желаемого в плане красивой жизни у большинства научных сотрудников — иметь обычную квартиру. Чиновникам вообще непонятны резоны, по которым люди занимаются наукой. Ученые — странноватые чудаки, неизвестно, чего от них ждать.

Почему получалось, что Академия сама определяла направления исследований, выделяла деньги на эти исследования и оценивала результаты? Казалось бы, заказывать исследования и оценивать их результаты должно государство. Но власть попросту не понимает предлагаемых ей результатов исследований и поэтому не читает ежегодных академических отчетов. Сотни крупных инновационных проектов, предлагаемых Академией наук правительству, остаются без внимания. Власть не имеет никакой внятной научно-технической политики и поэтому боится быть уличенной в вопиющей некомпетентности. В стране нет структуры, достаточно компетентной для оценки научных результатов РАН. И вместо того, чтобы на серьезном государственном уровне создать компетентную структуру, определяющую научно-техническую политику (типа ГКНТ), вместо этого правительство РФ уже 10 лет безуспешно пытается создать параллельную фундаментальную науку в ряде доверенных ВУЗов и заказывать исследования этой науке. Но результаты этого пока плачевные.

К сожалению, для того, чтобы понимать, что делается в науке, надо долго учиться. Это же, увы, затрудняет и диалог с обществом. Люди, с энтузиазмом рассказывающие околонаучный бред, воспринимаются на ура, а в чем состоит результат, скажем, хорошей математической работы, иногда в принципе невозможно объяснить человеку неподготовленному. Наша же чиновничья братия невежественна до безобразия. При этом, уличенная по «делу Петрика», власть даже обвиняла Академию наук в мракобесии!

Что касается управляемости, то, на наш взгляд, у нас управляемых стало чрезмерно много (особенно во властных структурах) — вот и доуправлялись до стагнации экономики при бешеных ценах на наши экспортные ресурсы, до повального списывания на государственных выпускных экзаменах, до пенсионной политики по принципу — «умри ты сегодня, а я завтра».

Непокорность Академии наук (властью было велено посчитаться в циферках и механически сократиться на треть — а в РАН ликвидировали один институт), ее неуправляемость и самостоятельность (кого считают нужным, того и выбирают в директора или члены академии, а кого не считают достойным — не выбирают, несмотря на отчетливые сигналы сверху) очевидно опасны для государства, ибо не вписываются в пресловутую вертикаль. И отношение научных сотрудников к вертикали власти тоже хорошо известно чиновникам: в Новосибирском Академгородке за ЕР проголосовало меньше 20%, за Алексея Навального в Москве самый большой процент был в ЮЗАО, где сосредоточены многие институты и ВУЗы.

Ясно, что существование такой большой организации, сотрудники которой не понимают основ современной государственной политики, все время вызывало дикое раздражение, беспокойство и злость у власти.

Между прочим, нельзя сказать, что РАН было совсем уж неуправляемой структурой. До некоторой степени управляемой. Но как-то кривовато. Если руководители Академии и брали под козырек, то донести этот порыв единодушия до всех научных сотрудников как-то не удавалось. Это очень, очень раздражало. В среде чиновников совершенно немыслима ситуация, когда подчиненный начинает спорить с начальником, не соглашается с принятым им решением. В академических институтах — не всех, но многих — спор с руководителем — совершенно нормальная вещь. Там же, где академики-руководители вели себя как чиновники, по-хамски, и не терпели возражений — именно эти институты и требовали реформ, там обоснованно ругали руководство Академии. Теперь в этих институтах к лучшему уж точно ничего не изменится, а нормальные институты будут просто разрушены. К слову, управляемость в воспаленном мозгу наших чиновников теперь обязана распространяться и на законы природы — при составлении планов работ министерство постоянно желает знать, какие именно открытия вы сделаете в ближайший год, за пять лет.

Неожиданно для многих авторитет сотрудников Академии наук на международной арене и в российском обществе оказался таков, что власть трижды отступала, когда Академия наук демонстрировала решительное противодействие. Политические требования ряда отделений и институтов РАН, в том числе об отставке правительства, митинги, неприятный для власти широкий международный отклик, заставили власть вступить в переговоры, дать успокоительные обещания и отсрочить исполнение задуманного. Увы, этим обещаниям руководители РАН предпочли поверить. И потом из отвоеванного сдавались редут за редутом — теперь дошли до стадии Положения

о ФАНО. Дальше отступать некуда.

Мы считаем, что руководство Академии наук должно официально заявить, что в ситуации, когда не было выполнено ни одно обещание о сохранении за РАН полномочий по координации работы подведомственных организаций, Академия наук оказалась в условиях, когда проведение плановой научно-исследовательской работы в бывших институтах РАН, а ныне ФАНО, становится невозможным. Выполнение государственной Программы фундаментальных исследований, утвержденной тем же правительством, оказывается под большим вопросом. Кроме этого, наносится сильный удар по международному научному сотрудничеству. Ведь программы международного сотрудничества предполагают многолетнюю согласованную совместную работу. Каким образом бывшие институты РАН смогут выполнить свои международные обязательства — большой вопрос. Обеспечить непрерывность научно-исследовательской работы можно в единственном случае -власть должна немедленно приостановить утверждение Положения о ФАНО и организовать рабочую группу с участием РАН по изменению существующего законодательства в области науки и формулировании ответственной научно-технической политики государства.

«Республика не нуждается в ученых!»,— так заявили в 1793 году члены трибунала, приговорившие к смерти Лавуазье. Похоже, наших депутатов и сенаторов власть убедила через 220 лет сделать то же самое с учеными Российской Академии наук.

http://polit.ru/article/2013/10/19/fobia/

15. Это не реформа, а все та же ликвидаци

21 октября 2013

Ефим Хазанов
Член-корреспондент РАН
Газета.ru

Без ликвидации РАН ее реформирование возможно только через изменение ее устава, что невозможно сделать любым федеральным законом, независимо от количества и качества поправок. Член-корреспондент РАН Ефим Хазанов показывает, что данный законопроект предусматривает ликвидацию Академии наук в нынешнем виде.

Прошло две недели после опубликования заметки о судьбоносной для РАН запятой в предложении «ликвидировать нельзя реформировать». Теперь закон принят Государственной думой в третьем чтении и отправлен в Совет Федерации. Дума обратила внимание на то, что во втором чтении запятая не стояла ни до, ни после «нельзя», и решила этот нонсенс устранить. Это, к сожалению, единственная хорошая новость. В отличие от первого и второго чтений, теперь в законе нет ни ликвидации, ни создаваемой этим законом Академии. Означает ли это, что исчезло лишь слово «ликвидация», а сама ликвидация осталась? Увы, означает. Этот принципиальный выбор — либо ликвидировать РАН и создать новую с помощью закона, либо реформировать РАН в соответствии с ее уставом — не обойти никаким жонглированием словами.

Что же теперь в законе? Новая академия якобы не создается, а просто «Российская академия медицинских наук, Российская академия сельскохозяйственных наук …присоединяются к Российской академии наук со дня вступления в силу настоящего Федерального закона», а также «организации, находившиеся в ведении РАН …до дня вступления в силу настоящего Федерального закона, передаются в ведение федерального органа исполнительной власти». Другими словами, академиков добавили, а институты забрали. Эти так называемые реформы требуют изменения устава РАН, причем кардинального. Сама академия (В.Е. Фортов, общее собрание РАН, конференция научных работников РАН) с двумя этими ключевыми изменениями категорически не согласна.

В законе остались слова, явно указывающие, что создается новая организация, которая упоминается как «…РАН, действующая на основании настоящего Федерального закона». Во втором чтении было «РАН, создаваемая этим законом». Слова другие, а суть та же.

Осталось в законе и упоминание о «первом общем собрании членов РАН», причем первое оно не из-за формального обновления нумерации, а по сути: на нем принимается устав РАН. Подчеркиваю, не вносятся изменения в существующий устав, а именно принимается новый (а какой еще может приниматься?) устав. Кто же будет на первом общем собрании принимать новый устав?

Ответ на этот вопрос опять-таки в законе: участниками первого общего собрания являются лица, имевшие до дня вступления в силу настоящего Федерального закона звание действительного члена или членакорреспондента РАН, РАМН, РАСХН.

Резюмируем. Закон определяет, кто войдет в РАН, когда (не позднее чем по истечении шести месяцев) будет проведено первое общее собрание (высший орган управления) и как будет принят новый устав РАН. Ну и, разумеется, принятый устав обязан будет соответствовать принимаемому закону. И при всем этом нам пытаются объяснить, что этот закон не ликвидирует существующую академию и не создает новую организацию?!

Увы, это по-прежнему никакая не реформа, а все та же ликвидация!

Как видим, депутаты Государственной думы не смогли даже как следует устранить в тексте следы ликвидации РАН, причем не смогли они отнюдь не из-за небрежности или спешки. Сколько ни говори «халва», во рту слаще не будет: без ликвидации РАН ее реформирование возможно только через изменение ее устава, что невозможно сделать федеральным законом. Любым законом, независимо от количества и качества поправок.

После третьего чтения закона дилемма осталась прежней: господа министры, депутаты, господин президент, хотите ликвидировать РАН — вносите, принимайте и подписывайте закон; хотите реформировать РАН — согласуйте реформу с самой РАН. Министры и депутаты Государственной думы свое слово сказали — «ликвидировать, нельзя реформировать». Теперь слово за депутатами Федерального Собрания и президентом, куда они поставят пресловутую запятую.

http://www.gazeta.ru/science/2013/09/21_a_5662781.shtml

16. Быстрое нарастание энтропии

22 октября 2013

Виктор Васильев
Академик РАН
Иосиф Хриплович
Член-корреспондент РАН
Анна Дыбо
Член-корреспондент РАН
Александр Разборов
Член-корреспондент РАН
Александр Белавин
Член-корреспондент РАН
Интервью с Наталией Деминой
ТрВ-наука

Минуло три месяца с того времени, как правительство РФ объявило реформу трех академий и внесло в Госдуму законопроект, вызвавший протесты научного сообщества. В начале июля 2013 года было опубликовано заявление «отказников» — членов Академии, которые заявляли о своем несогласии вступать в новую «РАН», если закон будет принят в том виде, в каком он был внесен в первом чтении. Что думают академики и членкоры, подписавшие это заявление, о реформе РАН и ситуации с наукой и образованием в стране сейчас, спустя три месяца? Публикуем поступившие ответы. Беседовала Наталия Демина.

«Финальный вариант туманен»

Виктор Васильев, докт. физмат. наук, академик РАН, главный научный сотрудник МИАН, профессор факультета математики ВШЭ:

— *Вы были одним из первых академиков РАН, заявивших о своем неприятии объявленной реформы науки. Затем подписали заявление о том, что не вступите в новую Академию, если старая будет ликвидирована. Принимали участие в «гуляньях» у Госдумы и Совета Федерации. Как Вы сейчас смотрите на то, что произошло? Не изменилась ли Ваша точка зрения на реформу? Готовы ли Вы и другие 74 подписанта отказаться от «мандатов», или же теперь этот шаг был бы бесполезным?*

Вроде бы нас избавили от необходимости писать заявление о вступлении в академию нового формата (этого делать я, конечно, не буду), но отказ от членства остается актуальной опцией. Очень может быть, что ее придется использовать, когда реформа начнет реализовываться. Раз уж мы имеем кота в мешке (в виде пресловутого ФАНО, ни персональный состав и способ формирования, ни настоящие принципы действия которого не ясны), давайте для начала считать, что верим в доброкачественность этого приобретения,— тем больше оснований будет для протеста, когда это доверие окажется обманутым.

— *Что думаете о финальной версии законопроекта, подписанной Путиным? Считаете ли тактику, выбранную Фортовым, с одной стороны, и протестующими учеными — с другой, правильной?*

Финальный вариант туманен и очень многое оставляет на волю исполнителей. Я не силен в политике и не умею далеко просчитывать последствия той или иной тактики, тем более что значительная часть переговорной интриги осталась скрытой. На основании жизненного опыта и эстетики происходящего мне кажется, что начальство РАН повело себя проигрышным образом, но, может быть, лучшего варианта и не было.

— *Чего Вы ждете от ФАНО?*

От ФАНО я жду, что оно, как и было обещано:

1) оценит нашу эффективность и сделает оргвыводы,

2) наконец, объяснит нам, как заниматься наукой и какой наукой надо заниматься,

3) избавит ученых от хлопот по управлению собственностью научных учреждений.

Последнее само по себе было бы неплохо, если бы удалось как следует следить за ручками. Хорошо бы ФАНО взяло на себя еще хлопоты по закупке оборудования и реактивов, монтажу, ремонту, транспортировке и пр.— разумеется, под присмотром общественности.

Что касается пунктов 1 и 2, то очень важно, кто этим будет заниматься и чье мнение будет решающим: неграмотных чиновников и скверных ученых, которых эти чиновники назначат нам в эксперты, или ученых настоящих и независимых, включенных в мировое научное сообщество. Промежуточные варианты здесь крайне неустойчивы, во всяком случае в тех областях, где сохраняется серьезная наука, а люди дорожат своей репутацией (в частности, международной). Не берусь предсказывать, как пойдет дело, но всем уже надоевший пример ИТЭФ и Курчатовского института вселяет мало надежд на хороший вариант.

— *Мы слышим совершенно разные мнения — от прагматичного из уст академика Хохлова, что раз закон принят, то надо работать, до протестного — надо защищать каждый институт и пр. Что Вы считаете правильным делать, чтобы сохранить живые островки науки в России?*

Пока ничего конкретно не началось, попробуем работать, а если станет несомненно, что ФАНО начало злоупотреблять властью или демонстрирует некомпетентность и самодурство, то придется защищать всё, что окажется под ударом. Нужны взаимная информация, работа со СМИ, адекватное информирование иностранных коллег (в том числе о настоящих причинах срыва тех или иных международных программ), научная поддержка друг друга… Очень важна работа с общественным мнением: ведь недавние злорадные восторги части медийной тусовки объясняются не только застарелыми комплексами и ксенофобией, но и объективно скверной информированностью.

— *Между тем, реформы проходят и в системе научной аттестации. ВАК проводит опрос о том, не стоит ли уйти от двух ученых степеней, а перейти к одной. Что Вы думаете о необходимости отказа от привычной системы и переходе к одноступенчатой?*

Главное, что надо понимать про нашу систему научной аттестации,— это то, что единой системы давно нет. В разных областях знания действуют совершенно несопоставимые представления об уровне диссертаций, о компетентности, о научной новизне, о моральной ответственности. Но вместо того, чтобы адресно разбираться с диссоветами или целыми специальностями, в которых у нас очевидный провал, начальство раз за разом накручивает формальные требования, которые всё равно не решают проблему, а только усложняют жизнь всем без разбора, и прежде всего тем, кто занимается наукой ради самой науки, а диссертации мог бы получать как приятный бонус.

На какое-то время эта формалистика (а также нарастание бумажной неразберихи) сбивает вал диссертаций, но на самом деле никак не способствует их качеству. Беда в том, что никто не

хочет взять на себя ответственность и перестать запихивать больных и здоровых в один барак и лечить одной и той же касторкой, которая всё равно не лечит, а только создает симуляцию активности и дает бюрократии лишние неделовые властные возможности.

Принципиальность по конкретным вопросам: называть конкретных халтурщиков халтурщиками, конкретных воров — плагиаторами, конкретных пустозвонов — пустозвонами, а не отгораживаться от проблемы возведением бюрократических формальностей — вот первейшее, что на самом деле нужно. Если что-то где-то прогнило настолько, что уже не найдешь ничего здорового,— отсекать от общей системы, разбираться отдельно и не мучить всех остальных интоксикациями от лечения в этом месте.

Что касается числа ученых степеней, то всем настоящим специалистам (где они еще остаются) более-менее понятно, чем отличается докторский уровень от кандидатского и кто по своему уровню настоящий доктор, а кто — нет. Если это понимание адекватно воплощается в системе аттестации, это дает возможность научному сообществу влиять на кадровую политику, например, подсказывая университетским кадровикам, кого можно нанимать полноценным профессором, а кого — нет. Поэтому пока что очень важно, чтобы у нас сохранилась двухуровневая система (как в цивилизованных странах — Германии, Франции, других странах материковой Европы).

Единственный минус — что при этой системе работающим ученым приходится тратить дополнительные время и силы на дурацкое оформление диссертаций. Поэтому стоило бы ликвидировать подавляющее большинство бюрократических требований и разрешить защищать диссертации обоих уровней (опять-таки как в цивилизованных странах) в виде комплектов оттисков статей, отксеренных под одной обложкой и снабженных общим предисловием. Не страшно, если часть из них будет, например, по-английски.

Также преждевременной является идея о выдаче некоторыми вузами собственных ученых степеней. Здесь тоже ссылаются на западный опыт. Но в этом месте у нас есть критически важное различие с Западом. Там мощным регулятором являются репутационные соображения: в частности, диплом или докторская степень одного университета при приеме на работу значит намного больше, чем другого; соответственно, репутация университета очень много значит при выборе его студентами, а выпускник университета высокого уровня скорее добьется успеха и сможет подарить/завещать своей альма-матер больше тысчонок или миллиончиков.

У нас же есть очень большая экологическая ниша, в которой репутационные соображения не имеют никакого значения. Есть должности, которые в принципе продаются, покупаются и раздаются по знакомству, но по закону их можно занимать только с университетским дипломом или ученой степенью. Есть лавочки (под названием университетов), по существу торгующие этими дипломами и заодно отсрочкой от армии. Этим лавочкам по закону нужно какое-то количество сотрудников с учеными степенями (в том числе обязательно и докторскими) всё равно какого происхождения. Есть другие лавочки, организующие такие степени. Во всей этой цепочке о репутациях не идет речи, что не мешает ей успешно и прибыльно функционировать, и отмена государственного контроля и двухуровневой системы степеней будет для нее неоценимым подарком в конкурентной борьбе с более добросовестными вузами.

— *Как Вы воспринимаете политику государства в науке и в образовании в целом? Каков суммарный вектор движения? Каковы, на Ваш взгляд, главные цели реформаторов?*

Мне не удается увидеть здесь единой политики и единой (сформулированной) цели. По-моему, при принятии конкретных решений у нас сочетается множество интересов самых разных личностей и групп, действующих в своих (как у нас положено, весьма краткосрочных) интересах. Про вектор движения тут говорить трудно, в таких условиях система скорее меняется по принципу быстрого нарастания энтропии.

«Все зависит от практики исполнения закона»

Иосиф Хриплович, докт. физ-мат. наук, членкор РАН, главный научный сотрудник Института ядерной физики СО РАН, зав. кафедрой теорфизики Новосибирского госуниверситета:

— *Как Вы сейчас смотрите на то, что произошло? Не изменилась ли Ваша точка зрения на реформу?*

В общем не изменилась.

— *Готовы ли Вы и другие 74 подписанта отказаться от «мандатов», или же теперь этот шаг был бы бесполезным?*

О полезности этого шага судить не берусь. Сделал его потому, что уж очень противно было.

— *Что думаете о финальной версии законопроекта, подписанной Путиным?*

Мне трудно судить об этом. Скорее, ничего хорошего. К тому же у нас все зависит не столько от закона, сколько от практики его исполнения.

— *Считаете ли тактику, выбранную Фортовым, с одной стороны, и протестующими учеными — с другой, правильной?*

Осуждать тактику В.Е. Фортова не берусь: слишком велика ответственность, лежащая на нем.

— *Чего Вы ждете от ФАНО?*

Ничего хорошего не жду

— *Мы слышим совершенно разные мнения — от прагматичного из уст академика Хохлова, что раз закон принят, то надо работать, до протестного — надо защищать каждый институт и пр. Что Вы считаете правильным делать, чтобы сохранить живые островки науки в России?*

Не берусь осуждать Хохлова: сам продолжаю работать. А как иначе можно сохранить живые островки науки в России?

— *Между тем, реформы проходят и в системе научной аттестации. ВАК проводит опрос о том, не стоит ли уйти от двух ученых степеней, а перейти к одной. Что Вы думаете о необходимости отказа от привычной системы и переходе к одноступенчатой?*

Меня это как-то не очень занимает.

— *Как Вы воспринимаете политику государства в науке и в образовании в целом? Каков суммарный вектор движения? Каковы, на Ваш взгляд, главные цели реформаторов?*

Я бы взял «реформаторов» в кавычки. А цель их очевидна: отнять и разделить (разумеется, между собой).

«Важен коллективный поиск истины»

Анна Дыбо, докт. филол. наук, членкор РАН, профессор, главный научный сотрудник, заведующий отделом урало-алтайских языков Института языкознания РАН:

— *Как Вы сейчас смотрите на то, что произошло? Не изменилась ли Ваша точка зрения на реформу? Готовы ли Вы и другие 74 подписанта отказаться от «мандатов», или же теперь этот шаг был бы бесполезным?*

Взгляд на реформу не изменился; может быть, уточнился. С самого начала было сильное подозрение, что одна из главных целей здесь — очередной распил; увы, последующие события и появляющиеся от инициаторов реформы документы только укрепляют в этом подозрении.

Что касается вхождения в «новую академию», то:

а) формально— пороговое значение здесь было — что мы не собираемся вступать в нее, т.е. предпринимать какие-то шаги по приему (например, писать заявление о приеме). Оно, разумеется, для членкоров остается и теперь — в ФЗ не прописано, как именно членкоры старой РАН будут перезачисляться в новую РАН;

б) по смыслу — это тактическая вещь, надо теперь смотреть, как всё пойдет и что принесет пользу в борьбе за «сохранение островков науки». То есть надо ли будет в какой-то момент очень громко писать заявление о выходе, или надо будет, например, членам клуба использовать академические стипендии как экспроприированные у жуликов и воров деньги, которые можно

отправить на поддержку научных организаций.

— Что думаете о финальной версии законопроекта, подписанной Путиным?

Ничего хорошего. Полностью солидарна с позицией, выраженной А. М. Вершиком.

— Считаете ли тактику, выбранную Фортовым, с одной стороны, и протестующими учеными — с другой, правильной?

Про тактику, принятую протестующими учеными, полагаю, что она была единственно возможной, чтоб не умереть от отвращения. Про тактику, выбранную Фортовым, считаю, что, если она действительно была направлена на то, чтобы попытаться договориться и сохранить, что можно,— она была ошибочной, и скорее всего в силу неправильного (излишне «академического») представления о второй договаривающейся стороне. Фактически сохранить таким способом не удалось ничего.

— Чего Вы ждете от ФАНО? Мы слышим совершенно разные мнения — от прагматичного из уст академика Хохлова, что раз закон принят, то надо работать, до протестного — надо защищать каждый институт и пр. Что Вы считаете правильным делать, чтобы сохранить живые островки науки в России?

Противопоставление «разных мнений» мне тут не очень понятно. Работать надо всегда. Раз закон принят, надо работать в ситуации, когда закон принят. Это включает несколько направлений работы. Во-первых, надо пытаться его отменить разными путями, например, отсудить в Конституционном суде или сменить правительство. Во-вторых, надо пытаться нейтрализовать его — и других таких же — вредное воздействие разными путями. Например, чтобы нейтрализовать вредное действие закона об образовании, надо нелегально учить школьников и студентов наукам. То есть, может быть, на легальных уроках, но учить всё равно тому, как есть на самом деле, а не тому, что предполагается бюрократией. Это легко и приятно. Если будут закрывать институты, надо будет защищать институты. И главное, конечно, работать свою работу — писать и учить других писать. То есть сохранять российскую науку и научные школы.

— Между тем, реформы проходят и в системе научной аттестации. ВАК проводит опрос о том, не стоит ли уйти от двух ученых степеней, а перейти к одной. Что Вы думаете о необходимости отказа от привычной системы и переходе к одноступенчатой?

Тут я не вполне правильный тестер. Мне докторскую присудили без защиты кандидатской, в 1992 году,— тогда как раз образовалась такая дырка в положениях ВАК, и мой начальник Э. Р. Тенишев предложил Совету опробовать ее на мне. Нас, таких, несколько лингвистов. Моя работа, правда, потом еще год лежала в ВАК, ее отправляли «черному оппоненту», были, кстати, и отзывы заграничных профессоров, но в конце концов мне выдали диплом. Я с ним сразу пошла записываться в абонемент Ленинки (прихватив еще и книжку многодетной матери), но не дали, сказали, что теперь в абонемент начиная не с докторов, а только с членкоров записывают…

Вообще, что касается двух степеней — на самом деле, это иногда создает правильный эффект в смысле стимула для продолжения занятий фундаментальной наукой. Кроме того, мне, например, нетрудно отличить кандидатскую от докторской: кандидатская должна содержательно включать большую хорошую статью (в нашей специальности — листа на два-три), а докторская — хорошую книжку. Так что, пожалуй, две степени всё-таки лучше. Тут еще имеется случай так называемого вранья, что одно-степенная система — общемировая. На самом деле, вполне есть в Европе системы со второй степенью, например, habilitated doctor.

— Как Вы воспринимаете политику государства в науке и в образовании в целом? Каков суммарный вектор движения? Каковы, на Ваш взгляд, главные цели реформаторов?

Я допускаю, что побуждение украсть у официальных реформаторов не является сознательным, просто на подсознательном уровне они иначе не могут. А сознательно, возможно, они действительно хотят добиться эффективности — в соответствии со своими представлениями. Имитировать нужную им эффективность, я даже понимаю, как. Нужно произвести очень много испечатанной бумаги, кое-где размеченной цветным маркером. Как увеличить Хирша или попасть журналом в Scopus — тоже более или менее понятно. Жалко только времени и усилий — и так уже отчетность занимает большую часть рабочего времени. То есть вектор тут такой, чтобы оста-

вались в основном люди, которые готовы заниматься имитацией, а наукой — в свободное время (правда, всё уменьшающееся, потому что аппетиты бюрократов растут). Это что касается чиновников. Что касается коллег-реформаторов, в основном-то у них правильные посылы, но имеются некоторые общие моменты, которые я полагаю идеологическими ошибками. Например, непонимание важности коллективного поиска истины, важности существования научной среды (а не «нанять 300 самых-самых, каждый за одно научное направление»), а также единства разных наук в этом общем деле поиска истины. И, похоже, праволиберальные политические убеждения коррелируют со всеми этими непониманиями.

«Надеюсь, что голос разума победит»

Александр Разборов, докт. физ.— мат. наук, членкор РАН, главный научный сотрудник МИАН, профессор факультета информатики Чикагского университета (США):

— Вы были одним из первых членов РАН, заявивших о своем неприятии объявленной реформы наук, подписали заявление о том, что не вступите в новую Академию, если старая будет ликвидирована.

Это не совсем точно, я как раз был одним из последних и подписал заявление через две минуты после голосования в Госдуме в первом-втором чтении. Если Вы помните ситуацию, в тот момент (5 июля) было не до процедурных тонкостей. Но лично я протестовал против совершенно бесцеремонного и, извините, хамского вторжения в устав РАН, что самое обидное, никак не продиктованного логикой более содержательных частей документа. Особенное возмущение у меня вызвал пункт о принудительном «повышении» членкоррского корпуса РАН.

— Как Вы сейчас смотрите на то, что произошло? Не изменилась ли Ваша точка зрения на реформу?

Я с удовлетворением отметил, что правительство пошло на значительные уступки по многим вопросам. В частности, от наиболее одиозной статьи 18 фактически осталось лишь положение о присоединении к РАН двух других академий. Впрочем, логика даже этого шага мне остается совершенно непонятной, и никаких разумных объяснений я нигде не видел. Мне кажется, он будет просто вреден при исполнении РАН ее новых функций как главного экспертного органа, так как снизит шансы на проведение независимой экспертизы междисциплинарных проектов, естественно попадающих в сферу влияния двух или более прежних академий. Модель РФФИ лучше.

— Готовы ли Вы и другие 74 подписанта отказаться от «мандатов», или же теперь этот шаг был бы бесполезным?

Не совсем понятно, о каких именно «мандатах» Вы говорите. Никаких заявлений о приеме куда бы то ни было я писать не буду, это исключено абсолютно. Что касается выхода из состава РАН, это зависит не от меня.

Статья 18 в существующей редакции достаточных поводов для этого не дает, хотя она прописана довольно невнятно. Мне хочется верить, что это означает, что правительство или отказалось от своих планов по внесению дальнейших насильственных изменений в устав РАН, или по крайней мере будет действовать цивилизованным образом, путем лоббирования Общего собрания. Мне бы хотелось оставить руки развязанными на тот случай, если мои предположения окажутся ошибочными.

Других членов Клуба «1 июля» спрашивайте сами, никаких клятв верности никто из нас не давал, и говорить ни от чьего имени я не могу.

— Что думаете о финальной версии законопроекта, подписанной Путиным? Считаете ли тактику, выбранную Фортовым, с одной стороны, и протестующими учеными — с другой, правильной?

На первый вопрос я уже ответил. Мне кажется, в борьбе за свои права необходимы и полезны любые законные методы. Но всё же в данном случае я не могу совсем отделаться от крамольной мысли, что речь идет о конфликте наемных работников со своим работодателем. Причем в данном случае работодатель не посягает ни на личные, ни на политические свободы своих работников. Поэтому лично мне подход Фортова ближе: с властью надо сотрудничать и терпеливо ее воспитывать и образовывать, по крайней мере до тех пор, пока это не окажется делом совсем уж безнадежным.

— Чего Вы ждете от ФАНО? Мы слышим совершенно разные мнения — от прагматичного из уст академика Хохлова, что раз закон принят, то надо работать, до протестного — надо защищать каждый институт и пр. Что Вы считаете правильным делать, чтобы сохранить живые островки науки в России?

Жду. Как и многие, жду с изрядной долей настороженности и скепсиса. Позвольте привести небольшой пример (думаю, чтото похожее должно происходить и в других областях). Библиометрический подход, взятый на вооружение МОН, возможно, и хорош в других дисциплинах, я здесь не эксперт и говорить о том, чего не знаю, не стану. Но в математике он абсолютно непригоден и нигде не практикуется. Хотя для нас это самоочевидно, тем не менее, Отделение математики РАН терпеливо организовало опрос среди ведущих зарубежных математических центров, т.е. полностью по правилам предложенной МОН игры. С результатами опроса можно ознакомиться по ссылке www.mi.ras.ru/news/13/2013–09–10_slides.pdf, они довольно впечатляющие. Воспринимать такие вещи как приглашение к конструктивному диалогу и обмену мнениями и аргументами в случае несогласия или продолжать упрямо гнуть свою линию — выбор реформаторов. Мяч сейчас на их стороне.

— Между тем, реформы проходят и в системе научной аттестации. ВАК проводит опрос о том, не стоит ли уйти от двух ученых степеней, а перейти к одной. Что Вы думаете о необходимости отказа от привычной системы и переходе к одноступенчатой?

С этим вопросом я знаком недостаточно хорошо, поэтому позвольте вместо мнения предложить несколько замечаний. Одноступенчатая система — это система американская. В США ее упрощенность компенсируется двумя противовесами. Вопервых, экспертным (если угодно, общественным) мнением о сравнительной ценности диссертаций, защищенных в разных местах (грубо говоря, Гарвард\Принстон ценится выше, чем неизвестные провинциальные университеты). Во-вторых, более разработанной системой ученых званий: Assistant Professor\Associate Professor\ Professor (это если не считать Lecturer). При этом при продвижении по этой лестнице человека оценивают одновременно по всем показателям: научные достижения, преподавательская работа, общественная работа, иногда гранты и т.д.

В российских НИИ двухступенчатая система ученых степеней по большому счету не нужна, и ее функции замечательно выполняются традиционной шкалой мнс-нс-снс и т.д. Насколько я могу судить, при новом порядке дифференциации не убавится, а скорее наоборот. А вот систему ученых званий придется расширять, передавая ей функции оценки научных достижений ученого, ранее исполняемые шкалой ученых степеней. Но еще раз повторяю, оба подхода мне кажутся вполне разумными, и какой из них лучше приживется на российской почве, мне сказать трудно.

— Как Вы воспринимаете политику государства в науке и в образовании в целом? Каков суммарный вектор движения?

Поживем-увидим, смутное время не самое правильное для ответа на такие вопросы.

— Каковы, на Ваш взгляд, главные цели реформаторов?

Выше Вы уже отмечали, что в академическом лагере единства нет. По моим наблюдениям, его нет и среди реформаторов. Среди них, безусловно, есть приличные люди, которые честно хотят как лучше, есть, видимо, и другие. Я надеюсь на то, что голос разума в конце концов победит и экстремисты с обеих сторон не будут задавать тон в дальнейших отношениях между правительством и научным сообществом.

«Нужно информировать общество о науке»

Александр Белавин, докт. физ.— мат. наук, членкор РАН, главный научный сотрудник, зав. сектором квантового поля Института теоретической физики им. Ландау РАН, ведущий научный сотрудник Института проблем передачи информации РАН:

— Вы были одним из первых членов РАН, заявивших о своем неприятии объявленной реформы наук, подписали заявление о том, что не вступите в новую Академию, если старая будет ликвидирована. Как Вы сейчас смотрите на то, что произошло? Не изменилась ли Ваша точка зрения на реформу? Готовы ли Вы и другие 74 подписанта отказаться от «мандатов», или же теперь этот шаг был бы бесполезным?

Нет, ни выходить из РАН, ни увольняться из Института РАН, как и уезжать из России я не собираюсь, как и не собирался. В самом деле, я не считаю, что это принесет пользу.

Свое членство в РАН я рассматриваю как честь. Напомню, что я, как и ряд других членов Академии наук, ответил отказом на подлое предложение совершить подлость: вступить в новую Академию им. Ливанова-Ковальчука-Путина, которая будет учреждена вместо ликвидируемой РАН. Вступить — и получить за это учетверенное жалование и повышение в звании. Единственное, что требовалось для этого от вступающего, так было написано в первом варианте законопроекта,— это нижайшее прошение.

Моя точка зрения на «реформу» не изменилась. Она принесет и уже принесла, отняв у нас время, много вреда людям, занимающимся наукой, научным институтам и Академии наук. Тем не менее, я считаю, что нам следует продолжать борьбу против вредоносных последствий этой «реформы» и против причин, которые сделали возможной такую «реформу», оставаясь сотрудниками институтов и членами РАН. А главное, одновременно с этим мы должны продолжать заниматься научной работой, образованием молодежи, борьбой с лженаукой и просвещением общества.

— Что думаете о финальной версии законопроекта, подписанной Путиным?

Я, как и многие, думаю, что подписанный Путиным закон никакого отношения к повышению эффективности работы научных институтов и ученых не имеет. И даже цели такой этот закон не имел. Если бы такая цель была, то в первую очередь именно с учеными, реально чего-то стоящими как ученые, и следовало бы обсуждать, что делать. Этого сделано не было. На самом деле проблемы имеются.

Вот некоторые из них:

А) Низкая (несмотря на повышение последних лет) зарплата научных сотрудников. Сейчас в институтах РАН м.н.с.— кандидат наук получает 16 000, а в.н.с.— доктор наук получает 28 000 руб.

Б) Непредоставление жилья молодым сотрудникам.

В) Необходимость тратить уйму времени на писание очевидно ненужных бумаг, требуемых и сейчас активно изобретающими их чиновниками.

Г) Закрытость хозяйственной и финансовой деятельности руководства РАН и Научных центров РАН от контроля со стороны сотрудников институтов и общества.

Д) Отсутствие внутри институтов РАН достаточной автономии для реально самостоятельных лабораторий и групп.

Е) Совмещение должностей директора института и председателя Ученого совета, что зачастую приводит к авторитарной системе управления институтом, ее закрытости, фаворитизму и пр.

Вместо решения этих и многих других проблем закон передает академические институты от Академии наук, состоящей всётаки в значительной степени из ученых, несуществующей пока новой структуре, Федеральному агентству научных организаций (ФАНО), которая еще только будет создана и будет состоять из чиновников. Ни в законе, ни в проекте Положения о ФАНО нет ни слова о решении реальных проблем российской науки.

— Считаете ли тактику, выбранную Фортовым, с одной стороны, и протестующими учеными — с другой, правильной?

Я не считаю тактику В.Е. Фортова во всём правильной, хотя и понимаю, что он руководствовался добрыми (без кавычек) намерениями.

Приведу два примера:

А. В ответ на обвинения в сторону (бывшего) руководства РАН в злоупотреблениях, в частности в несомненно заказном фильме РЕН ТВ, президенту РАН следовало бы публично и громко заявить, что Академия наук и сотрудники ее институтов сами в первую очередь заинтересованы в расследовании всех злоупотреблений и настаивают на их публичном и честном расследовании. В.Е. Фортов, насколько я знаю, этого не сделал, и это было не только неправильно с точки зрения высших соображений, но и тактической ошибкой.

Б. По словам В. Е. Фортова, президент РФ В. В. Путин согласился выполнить все предложения со стороны президента РАН Фортова, за исключением одного. Как мы знаем, президент Путин своих обещаний не сдержал. Мы также знаем, что В. Е. Фортов об этом публично не заявил.

Кстати, о фильме «Диагностика РАН». Судя по тому, что никаких (юридических) последствий он не имел, у него было две цели. Одна, конечно, пропагандистская. Убедить общество, что Академия наук состоит из воров. Была, я думаю, и другая цель. Запугать тех в руководстве РАН, кто реально замешан в злоупотреблениях, и ослабить с их помощью сопротивление «реформе».

Что же касается тактики протестующих ученых, самый главный недостаток — что их (протестующих) оказалось достаточно мало. А также, судя по фактически полному отсутствию солидарности с учеными со стороны общества, включая властителей его дум, плохо мы общество информируем как о науке, так и о людях, которые ею в этой стране еще занимаются.

— *Чего Вы ждете от ФАНО? Мы слышим совершенно разные мнения — от прагматичного из уст академика Хохлова, что раз закон принят, то надо работать, до протестного: надо защищать каждый институт и пр. Что Вы считаете правильным делать, чтобы сохранить живые островки науки в России?*

От ФАНО я ничего хорошего не жду. Судя по проекту Положения о ФАНО, вопреки обещаниям, ФАНО, забирая под себя бывшие академические институты, собирается не только заправлять их имуществом, но руководить их научной деятельностью, назначать директоров, а также заниматься «изъятием излишнего, неиспользуемого или плохо используемого имущества» и «вопросами его приватизации».

— *Между тем, реформы проходят и в системе научной аттестации. ВАК проводит опрос о том, не стоит ли уйти от двух ученых степеней, а перейти к одной. Что Вы думаете о необходимости отказа от привычной системы и переходе к одноступенчатой?*

Я думаю, что идея отказа от двух степеней неправильна. Кандидатом наук может быть и человек, способный решать поставленные руководителем задачи. А доктор наук — это зрелый ученый, который способен сам ставить задачи, решать их и работы которого получили признание коллег. В правилах ВАК даже говорится, что доктор наук — это ученый, в работах которого создано новое научное направление.

— *Как Вы воспринимаете политику государства в науке и в образовании в целом? Каков суммарный вектор движения? Каковы, на Ваш взгляд, главные цели реформаторов?*

О целях реформаторов говорили много. Вот некоторые из них:

А. Нежелание авторитарного государства и его лидера терпеть независимый институт, я имею в виду РАН и академические институты, не контролируемые ими до конца.

Б. Естественная неприязнь недоучек к образованным и думающим людям.

В. Желание государства заткнуть дыры в бюджете через очередную приватизацию, теперь имущества РАН.

Г. Тривиальное желание неких, уже конкретных (я бы сказал, чисто конкретных) людей поживиться: «Искусство делать деньги — и нет более геморроя»,— как сказано в известном романе.

Д. Месть со стороны известного, трижды не выбранного в РАН персонажа.

Читая проект Положения о ФАНО, я понял, что у этой затеи есть еще одна важная цель. Причем, я бы сказал, эта цель для нашего нынешнего государства типологическая. Я имею в виду желание создать новую огромную бюрократическую структуру под названием ФАНО, с территориальными отделениями и множеством теплых мест и хороших окладов для своих.

Ученые и наука являются в этом «Проекте» поводом направлять в нужную сторону бюджет, который потом будет осваиваться главным образом вовсе не учеными.http://trv-science.

ru/2013/10/22/bystroe-narastanie-ehntropii/

17. «Будем без конца писать бумаги»

5 ноября 2013

Ольга Соломина
Член-корресондент РАН
Интервью с Наталией Деминой
ТрВ-наука

— Вы были одним из первых членов РАН, заявивших о своем неприятии объявленной реформы науки. Затем подписали заявление о том, что не вступите в новую Академию, если старая будет ликвидирована, принимали участие в «гуляньях» у Госдумы и Совета Федерации. Как Вы сейчас смотрите на то, что произошло? Не изменилась ли Ваша точка зрения на реформу? Готовы ли Вы и другие 74 подписанта отказаться от «мандатов», или же теперь этот шаг был бы бесполезным?

Действительно, я была одним из «подписантов» и не жалею об этом ни одной секунды. Я считаю предложение присоединиться к этой инициативе для себя лестным, потому что оно исходило от людей очень достойных и ученых мирового уровня. Я узнала об этом призыве случайно, от академика Аркадия Кряжимского, который у нас в Институте географии выступал на вечере поэзии накануне (читал свои прекрасные стихи, между прочим), и подписала не раздумывая. Потому что то, в какой форме предлагалось вступать в эту новую Академию, было за гранью добра и зла. В первой версии проекта было, например, положение о том, что, чтобы туда вступить, нужно писать заявление, что «за плохое поведение» могут выгнать из Академии. В ходе того, как проводилась эта реформа, протест только крепчал.

Выходить ли из РАН? Сейчас РАН лежит раздавленная и униженная и больше похожа на мертвое тело, чем на живой организм. И выходить из нее, не выходить — уже не принципиально. Тут необходимо стратегическое понимание — зачем? Если Академия что-то будет еще решать в организации научного процесса, то, конечно, глупо лишать ее 74 «не последних» участников. С другой стороны, «закон чести» обязывает нас всё-таки выйти из Академии, раз мы уж заявили об этом. Мы довольно много обсуждаем это в нашем «Клубе 1 июля», в нашей внутренней переписке, и позиции очень разные. Некоторые считают, что, если наши первоначальные требования удовлетворены, то выходить не надо, что выходить — неконструктивно. Другие говорят, что, поскольку обещали, то выходить надо. Я хочу сказать, что я пока не приняла окончательного решения. Если соберется компания выходить, то я, пожалуй, скорее за то, чтобы ее поддержать. На мой взгляд, в том виде, в каком РАН находится сейчас — она умрет, отрезанная голова не может жить отдельно от тела. К тому же меня огорчает то, какую позицию занял Президиум РАН, за исключением, пожалуй, В.А. Рубакова и Р.И. Нигматулина (может, и Л.М. Зеленого). То есть он никакой позиции не занял, по крайней мере так это выглядело «снаружи». По-моему, Президиум РАН должен был возглавить протест сотрудников Академии с самого начала. И не переваливать всё это на В.Е. Фортова. Попробуйте, поговорите один на один с президентом РФ, это задача не из простых, а спрятаться за спиной Фортова, а потом тыкать в него пальцем — не самое благородное дело. Сибирское, Дальневосточное и Уральское отделения были готовы организовать сопротивление этому «наезду» и отреагировали мгновенно, но всё затормозилось в центре.

Так что если и выходить из Академии, то коллективно. Если выйду я одна, то кому от этого будет тепло или холодно? Я свой масштаб понимаю. Но если это будет стратегически необходимо или часть сообщества, к которому я отношусь с уважением, решит, что мы выходим, потому что терпеть этого не можем, то я, конечно, присоединюсь к этой группе.

— Что Вы думаете о финальной версии законопроекта, подписанной Путиным? считаете ли тактику, выбранную Фортовым, с одной стороны, и протестующими учеными — с другой, правильной?

Нам ведь всё с самого начала объяснили: «Всё у вас будет хорошо, только не политизируйте». Я думаю, что мы вели себя неправильно, надо было политизировать. Конечно, Президиум РАН должен был выступить центром борьбы, но только и мы (рядовые ученые), и они (Президиум) — все, конечно, были ошарашены. Никто не мог и допустить возможности такого поворота событий. И у всех была надежда на здравый смысл и на возможность диалога. В случае конфронтации с властью мы были бы, конечно, слабой стороной, хотя 100 тысяч человек в Академии — это

сила, и если бы этот протест был организованный, это было бы лучше, чем то, что случилось. Хотя предвидеть итог «реформы» вначале никто не мог, и Фортов, конечно, тоже.

— Чего Вы ждете от ФАНО? Мы слышим совершенно разные мнения — от прагматичного из уст академика Хохлова, что раз закон принят, то надо работать, до протестного — надо защищать каждый институт и пр. что Вы считаете правильным делать, чтобы сохранить живые островки науки в России?

Я не верю в то, что бюрократы могут эффективно управлять наукой. Особенно российские бюрократы. Эти люди говорят на другом языке и мыслят совершенно другими категориями. «Федеральная целевая программа мероприятие 1…» — невозможно прочитать даже название этого мероприятия до конца, потому что непонятно, о чем идет речь. Это совершенно другая логика, это люди, цель которых — строить свою карьеру, они по-другому устроены, другой вид «животных». Но мы как-то приспособимся. Думаю, что будем без конца писать бумаги вместо того, чтобы заниматься делом.

— Между тем, реформы проходят и в системе научной аттестации. ВАК проводит опрос о том, не стоит ли уйти от двух ученых степеней, а перейти к одной. что Вы думаете о необходимости отказа от привычной системы и переходе к одноступенчатой?

Я эксперт ВАКа, кажется, с 2005 года. С ВАКом у меня связана замечательная история. Так как я всё время настаиваю на необходимости ротации, то весной я решила оттуда «ротироваться». В мае объявили, что все ученые, которые хотят стать экспертами и прошли какой-то фильтр, могут зарегистрироваться на сайте ВАК и после соответствующего отбора часть из них станет экспертами нового созыва. Насколько я знаю, на сайте зарегистрировались более 2000 потенциальных экспертов. А я, решив, что отныне свободна, спокойно уехала в экспедицию. Приезжаю, вижу, что объявления о заседаниях всё еще приходят на мой адрес. Прошло два месяца, письма продолжают приходить. Я почувствовала, что что-то тут не то, позвонила, и оказалось, что ничего не произошло и мы по-прежнему «на службе» (за которую, кстати, не платят). Прихожу на заседание. Обычно у нас все столы завалены диссертациями. А тут я вижу, что на столе только три пухлых тома — и всё, а вокруг этого стола сидят 20 ведущих ученых и думают: что делать-то? Оказывается, что мы больше не проводим экспертизу кандидатских диссертаций вообще! Раньше хоть справки по ним читали. Каких кандидатов произведут многие наши советы без всякого внешнего контроля — можно себе представить. Фактически, ВАК тоже уничтожена, ее функции сейчас потеряли всякий смысл, мнение ученых там имеет нулевой вес. Что касается степеней, то по уровню диссертаций мы уже фактически опустились на дно. Если мы хотим все степени свести к одной, то мы, увы, сведем их к низшей, а не к высшей.

— Как Вы воспринимаете политику государства в науке и в образовании в целом? Каков суммарный вектор движения? Каковы на Ваш взгляд, главные цели реформаторов?

Мне бы не хотелось доводить свои мрачные предположения до широкой публики, но всё-таки, пожалуй, скажу. Такое впечатление, что мы окончательно хотим сделать страну сырьевым придатком и минимизировать число людей, которые способны хоть к какому-то анализу. Эта цель, может быть, не сознательная, а просто — равнодействующая многих сил, но всё идет к тому, чтобы в России было как можно меньше разумного населения. Впрочем, Фурсенко однажды сказал не скрываясь, что нам нужны не креативные люди, а грамотные потребители. Ужас-то заключается в том, что они не понимают, что, если уровень культуры опустится ниже некоторой планки, мы даже не сможем осваивать западные технологии. У нас уже не хватает квалифицированных инженеров и рабочих.

— Остался ли у Вас еще повод для оптимизма?

Последний повод для оптимизма — это люди науки, в том числе молодые, среди которых очень много талантливых, трудолюбивых и порядочных. В нашей лаборатории — чудесный молодой коллектив. Мои коллеги публикуются и в зарубежных журналах, надеюсь, что хоть они выживут в новых условиях. В принципе у меня нет никаких противопоказаний против более динамичной модели организации науки, но если бы она вводилась с умом и с оценкой российских реалий. Потому что в нашей стране, как в Зазеркалье, всё происходит с точностью до наоборот. Самые хорошие намерения превращаются в свою противоположность и нелепость.

http://trv-science.ru/2013/11/05/budem-bez-konca-pisat-bumagi/

18. Истина поступка — дело

5 ноября 2013

Владимир Дыбо
Академик РАН
Интервью с Наталией Деминой
ТрВ-наука

Продолжают поступать ответы на вопросы ТрВ-Наука от «отказников» — членов Академии, которые заявляли о своем несогласии вступать в новую «РАН», если закон будет принят в том виде, в каком он был внесен в первом чтении. Что думают академики и членкоры, подписавшие это заявление, о реформе РАН и ситуации с наукой и образованием в стране сейчас, спустя три месяца?

— *Как Вы сейчас смотрите на то, что произошло? Не изменилась ли Ваша точка зрения на реформу? Готовы ли Вы и другие 74 подписанта отказаться от «мандатов», или же теперь этот шаг был бы бесполезным?*

Министерство науки! Но ведь это всё уже было. В гуманитарных институтах по крайней мере это было при «советской» власти. Из четырех директоров нашего института (славяноведения и балканистики РАН) при «советской» власти трое были присланы из Отдела науки ЦК, это были «проштрафившиеся» чиновники этого Отдела. Третьяков — за марризм: тогда все советские археологи были марристами; Хренов — за Польшу: не предупредил Хрущева, что Гомулка не хуже него может обматерить; Удальцов — кажется, из-за того, что его покровителя выперли из ЦК. Только Марков неожиданно оказался «черной лошадкой», получил членкора и был «избран» в директора. Демократически были выбраны лишь два директора, но это во время и после «перестройки».

Конечно, наличие Академии имело определенное значение, было представление о Науке. Поэтому, хотя этих директоров интересовало в основном то, что можно назвать прикладной наукой (нужно было объяснить большому начальству, что такое славяне, славянские народы, славянские государства — все эти представления в результате ряда реформ исчезли из сознания «советских» политиков и менеджеров), для этого историками в нашем институте писались докладные записки, содержание которых с рядом ошибок, которые очень расстраивали авторов этих записок, включалось в речи какого-нибудь Хрущёва или Брежнева; но наличие представления о Науке (фундаментальной) приводило к необходимости включать в план и науку.

Для историков это было написание обобщающих трудов по истории того или иного славянского народа, в которых его история рассматривалась с позиций «исторического материализма» (как правило, это коллективные труды). Отдельные историки занимались частными проблемами того или иного славянского народа, например, возникновением государственности у сербов или богомильством (манихейская ересь) у южных славян. Литературоведы должны были писать труды по истории славянских литератур. Писались также предисловия к изданию переводов произведений славянских писателей. Иногда это имело большое общественное значение. Так, можно думать, что советский читатель смог прочитать роман Чапека «Война с саламандрами» благодаря Никольскому, который показал антифашистский характер этого романа, умолчав, что он в той же степени направлен и против сталинского тоталитаризма. Ну, а лингвисты уже в тот период как в нашем институте, так и в ряде других институтов Москвы и Ленинграда смогли с 60-х годов выйти на мировой уровень, а в ряде разделов выйти на первое место.

Языкознание, конечно, наука дешевая, хотя представление, что нам вообще никаких приборов не надо, конечно, ошибочно. Но при «советской» власти были случаи успешного руководства чиновниками и естественной (физической) наукой, атомным проектом руководил Л. П. Берия (по-видимому, его можно характеризовать как чиновника). Я не знаю, какого рода чиновники были задействованы в космическом (ракетном) проекте, но следует заметить, что ни атомный, ни космический проекты не являются фундаментальной наукой, это прикладная физика, и чиновники руководить ими и добиться успехов смогли лишь потому, что фундаментальная наука (физика) к тому времени в России (в СССР) была на достаточно высоком уровне как в виде теоретических наработок, так и в виде научных кадров.

Есть более показательные примеры руководства со стороны чиновников прикладной наукой: это ведомственные научные учреждения, в них требования высокого чиновного начальства своди-

лись к тому, чтобы скопировать западные разработки, а на доведение до завершения и производства собственных оригинальных разработок у начальства ни интереса, ни средств не было. Так было с машиной на воздушной подушке, так было с электронными движущимися протезами (из просочившихся тогда в печать случаев). Путин и Ливанов думают, что у них получится как у Берии, а в действительности будет, скорее всего, как в последнем случае.

— *Как Вы воспринимаете политику государства в науке и в образовании в целом? каков суммарный вектор движения? каковы, на Ваш взгляд, главные цели реформаторов?*

О целях реформаторов. По-видимому, следует говорить о цели поступка и о цели дела. Ср. лаконичную гегелевскую формулу исторического материализма (в других терминах «объективного историзма»): «истина поступка — дело».

Если говорить о цели поступка, то думаю, что нет серьезных оснований сомневаться в объяснении реформаторов, что их целью являются интенсификация научных исследований в России, ускорение развития наукоемких технологий и дальнейший прогресс России в области производства. Если же говорить о цели этого дела, то она лежит в русле тех тенденций в политике организации образования и науки в капиталистическом мире, которые уже давно отмечены (с разными оттенками и оценками) историками науки и эпистемологами. А именно, сужение и узкая специализация народного образования, которая распространяется и на высшее образование: узкая специализация интеллектуала естественно приводит к сужению рынка его «рабочей силы» и к снижению цены ее, соответственно к большей зависимости от администрации (бюрократии) того учреждения, где ему удалось получить работу; это уже не говоря о сужении высшего образования экономическими (т.е. классовыми) рамками. Всё это направлено на ослабление «антисистемных сил» и усиление «системных сил» капиталистического общества.

Если, с точки зрения теории прогресса, борьба «антисистемных сил» и «системных сил» является одной из движущих сил развития, то, естественно, эта тенденция явно реакционна. В России эта тенденция проявляется в более грубой форме, связанной с характером российского неокапитализма и с периодом первоначального накопления капитала, что обременяет эту тенденцию стремлением к переделу собственности и унижающим отношением к тем слоям общества, которых она касается.

Отношение науки как явления и как сообщества к этой тенденции явно контрфронтационно; наука, независимо от политических взглядов и симпатий отдельных ее представителей, вынуждена быть левой, так как она заинтересована получать интеллектуальные таланты из всего общества, из всех его слоев и классов.

http://trv-science.ru/2013/11/05/istina-postupka-delo-2/comment-page-1/

19. Russian science in danger

5 ноября 2013

Сергей Стишов
Академик РАН
NATURE PHYSICS

A new law for reforming the Russian Academy of Sciences threatens the very future of Russian science itself.

On 27 June 2013 the government of Russia suddenly — and without discussion with the interested party — introduced a bill to the Duma (lower house of the Russian parliament) to reform the Russian Academy of Sciences (RAS). According to the bill the RAS in its current form should be dissolved. Instead, a new organization under the same name should be formed, which would include the old RAS and the Medical and Agriculture Academies. Specifically, the bill would separate the scientific institutions (places where science is done) from the ruling bodies of the RAS (the Presidium, and the scientific departments run by the prominent scientists who are members of the Academy). To oversee the Institutes a special governmental agency would be formed from scratch. The exact functions of

this agency were not defined, but the intention is to control the budgets, lands, buildings and other properties used by the Institutes. Many believe that this is the only purpose of the reform. It was not outlined anywhere in the bill how the changes will help anyone to do science. As a result, the new Russian Academy of Sciences would become some sort of club, consisting of about 2,500 full academicians and corresponding members who would have nothing to do except drink coffee, talk and collect their monthly stipends of 50,000 and 25,000 roubles (US$1 . 30 roubles), respectively. The real scientific activity is supposed to be managed by the agency under the direction of an 'effective' manager, also yet to be specified. Scientists rose up in protest. Some of the academicians refused to enroll in the new Academy. The recently elected President of the RAS, Vladimir E. Fortov, went to see the Russian President Vladimir V. Putin with a request to withdraw the bill. The answer was "no". After consultation with some other members of the Academy, Putin promised to soften his position, however, on 3 July the bill was approved in the first reading. On 5 July the bill was passed in the second reading, with amendments from the presidential administration. Although in this version the words pertaining to the dissolution of the old RAS were eliminated, the essence of the accepted bill was not changed. The merger of three academies and the separation of the new organization from the scientific institutions remained in the bill. Owing to massive protests, the third and final reading was postponed until September. This was a small measure of success, given that the initial idea was to approve the bill in three readings within a couple of days while many scientists would be on holiday or attending conferences. However, it was to prove useless, no more than a ruse. Meanwhile 74 members of the Academy who refused to submit a petition for admission to the new Academy organized the so-called First of July club. With great help from a wide circle of scientists, the club initiated a special conference devoted to the discussion of this notorious bill, the history of the Russian Academy of Sciences, its traditions and its possible reforms. For a better understanding of the situation, it is useful to know that the Russian Academy of Sciences was founded by Peter the Great in 1724 with advice from Gottfried Leibniz. There were no Russian scholars at this time, so Peter started the Academy by inviting western scientists. One of the first foreign scientists to arrive in St. Petersburg was the young Leonhard Euler. The first real university was founded much later in 1755 in Moscow, so by tradition most research activity in Russia was concentrated in the Academy — a trend that has continued over time. Nowadays the Academy consists of more than 440 institutions with about 100,000 employees, half of them scientists, and an annual budget of US$2 billion. Although Academy scientists account for 17% of all Russian scientists, they produce more than 50% of all Russian scientific publications. These institutions are dispersed all over Russia, including the Urals, Siberia and the Far East. Each Institute is headed by a director, who is elected by a corresponding department of the RAS with recommendations from Institute scientists — the director is normally a top scientist in the field and often a member of the Academy. A Presidium and a President run the whole Academy, and they are elected and re-elected every five years at the general meeting of the RAS. Opponents of the Academy often refer to the USA, where the National Academy of Sciences plays the role of a top adviser and consultant to the government and does not carry out any kind of research. They claim that all science in the USA is done in universities, which is of course not true. The idea of transferring science to universities and transforming the Russian Academy was developed by a former minister of science and education (now a presidential adviser) Andrei A. Fursenko and the current minister, Dmitry V. Livanov. But until the presidential administration clarifies its motives for the drastic nature of the reforms, speculation as to what (or who) finally pushed Putin to act will run rife. A great majority of the scientists hate the idea of being run by bureaucrats of the Agency, and more than 2,500 of them gathered in a big conference room of the Academy on 29–30 August to discuss the matter. Previously, on 24 August, over 1,000 young scientists held a meeting at Suvorov Square in Moscow to protest against the bill. Changing the management structure may require years to become effective — they do not want to wait that long. A resolution from the meeting at the end of August stated that the bill presented by the Ministry of Science and Education would destroy Russian science, one of the keystones of the Russian state. The conference demanded the resignation of Deputy Prime Minister Olga Golodetz and of Livanov, who both introduced the bill to the Duma. The main decision of the conference was to withdraw the bill on the reform of the RAS from Duma. The resolution was sent to all governmental, legislative and presidential offices, with no response. Subsequently, an extraordinary general meeting of the RAS took place on 9 September, where the Presidium presented some corrections (patches) to the bill, which were reportedly approved by Putin during a consultation with Fortov on 15 August. The patches were supposed to eliminate two dangerous features of the bill: the separation of the Institutes from the Presidium and the merging of the three Academies. The resolution started with an expression of gratitude to Putin for understanding

the Academy's problems with the bill and stepping in to help. Later it became evident that all of the supportive words from Putin appeared to be camouflage or disinformation, intended to calm down the protest movements. It turns out that Fortov and the Presidium chose a specific tactic to fight the bill. Despite the general awareness that Putin himself was involved they asked that everyone not mention Putin by name during discussions. Instead of rejecting the bill and calling on all 100,000 employees to protest, they generally complied with it and tried to remove the most unacceptable articles in non-formal meetings with deputies and officials from the presidential administration. It did not work at all. On 18 September the State Duma took the unprecedented decision to approve the bill in its worst version (with insignificant patches), leading to the destruction of the Russian Academy of Sciences and inflicting irreparable damage to Russian science. The rally of hundreds of scientists at the Duma building on17 and 18 September did not help. The deputies strictly followed someone's instructions, ignoring the protests. Within a week, on 25 September, the Counsel of Federations (CF, the upper house of the Russian parliament) passed the bill without much discussion and sent it to the presidential office. Fortov again expressed his gratitude to the speaker of the CF for some vague promises. The next day boxes of protest papers with more than 120,000 signatures were delivered to the presidential reception. On Friday night (27 September) Putin signed the bill, making it a State law. Fortov once again conveyed his optimism, saying that the new law will permit the development of science. Simultaneously, Putin issued an order on the creation of the Federal Agency of Scientific Organizations (FASO), which will run the former RAS institutes all over the country. The director of FASO is still unknown, although Putin has promised to give this position to Fortov. The system of running the institutes in the RAS had been created on the basis of almost 300 years of experience — even with brilliant minds in the new FASO, destroying this system would imply a collapse of productive scientific work for a significant time. Although reforms of the Academy and its scientific organizations were needed, the government should first have tried to solve the problem with housing and salaries for young people. Only then should it improve the management. At present young graduates leave the country or look for jobs in banks. The proposed reforms only promise uncertainty, not progress. Taking a retrospective view of the events starting from 27 June, it seems that we are in a 'theatre of the absurd'. Destroying the 300-year-old Academy with one blow is irrational, even with certain material motives taken into consideration. Russian science might survive this ordeal, but no one can predict whether it will still be around in a few years' time. Perhaps in future an educated ruler will follow the way of Peter the Great by inviting foreign scholars and we will start all over again.

http://www.nature.com/nphys/journal/v9/n11/full/nphys2801.html

20. «Развитие науки определяет качество народа»

14 ноября 2013

Роберт Нигматулин
Академик РАН
Интервью с Юлией Новицкой
«Завтра»

— *Роберт Искандерович, Институт океанологии — один из самых больших в Российской академии наук и самый крупный в отделении наук о Земле (штаты других примерно в два раза меньше). Ваш институт — предприятие дорогое, в первую очередь, наверное, из-за кораблей. В 2009 году, во время разговора с В.В. Путиным, вы затронули вопрос содержания исследовательских судов, попросив добавить вам в год стоимость половины футболиста (примерно 7,5 млн. долларов). С той поры что-то поменялось?*

По сути, пока ничего. Все эти годы финансирование РАН шло по своеобразному пути. Каждый год, поскольку мы бюджетники, нам из-за инфляции чуть увеличивали фонд заработной платы, не увеличивая при этом самого финансирования. В результате сегодня доля, приходящаяся на зарплату сотрудникам, составляет 70 процентов от всего, что нам выделяют. Так наука разви-

ваться не может. Нам необходимо ходить в экспедиции, приобретать новые приборы, содержать здания и т.д. И если в ближайшие годы финансирование не будет увеличиваться, то придется сокращать численность ученых. Иначе мы все будем одновременно умирать. Для нашего института самые серьезные расходы связаны с содержанием судов. Денег, которые мы сегодня получаем от государства, хватает ровно на неделю работы каждого судна в год. Что это значит? Я могу дойти из Калининграда в Санкт-Петербург и обратно, а вот в океан — уже не смогу.

— Поэтому вы и сдаете суда в аренду? Критики по этому поводу много в свой адрес слышите?

Действительно, нам приходится идти на эту вынужденную меру, чтобы как-то сохранить исследовательский флот и проводить океанские экспедиции. Два наших судна имеют пассажирский класс. Туристическая компания берет одно из них в аренду на нашу зиму и гонит на южную оконечность Южной Америки, где в течение нескольких месяцев возит экскурсии. Дорога в каждую сторону (для нас это получается бесплатно) занимает полтора месяца, а все остановки мы расписываем по часам, чтобы получилась как раз та неделя, на которую нам выделяется финансирование. Та же картина получается, когда нашим летом судно идет в северный канадский порт, три недели — туда и затем — три недели обратно. Во время дороги мы проводим запланированные измерения и эксперименты.

А вот самое большое наше судно, «Келдыш», простаивает. Мы с удовольствием сдавали бы его любой фирме для инженерных работ или экологических изысканий. Пока же оно не просто простаивает, но и разоряет нас. Его ведь нельзя закрыть и уйти. Один день нахождения в порту стоит две с половиной тысячи долларов плюс затраты на электроэнергию и обслуживание, плюс зарплата экипажу, которая должна быть на европейском уровне, иначе люди разбегутся. А судовой состав у нас 225 — человек.

— Насколько дорого обходится содержание одного судна?

Такого, как «Келдыш»,— примерно миллион в день. И если на каждое судно нам выделяется по семь миллионов в год, отсюда и получается, что работать мы можем всего неделю. Что касается «МИРов»…Месяц займет дорога в океан, месяц работа, месяц обратно…Получается девяносто миллионов на одну экспедицию! Если бы нам выделили финансирование, равное стоимости одного футболиста, нам не пришлось бы связываться с арендой. Вы думаете, нам это нравится? Отнюдь! Я уверен, что наши суда должны работать исключительно на науку, но нас поставили в такие рамки, когда нет выбора.

— На Ученом совете был заслушан доклада о результатах всего одной экспедиции, по завершении которой были получены уникальные научные данные, созданы и подтверждены несколько теорий, написан ряд научных статей и три кандидатские диссертации. Важность и необходимость подобных экспедиций не может вызывать никаких сомнений. И, тем не менее, их катастрофически мало. Но океан невозможно изучать, сидя в кабинете.

Институт океанологии без судов существовать не может. Океанология состоит из физико-математического раздела (гидродинамика, акустика, теплофизика, решение уравнений, моделирующих океанские течения и волны, изменение климата и т.д.), биологии (мы занимаемся в первую очередь планктоном, фитопланктоном, бактериями, всем, что определяет фундамент биологической жизни в океане и даже может оказать климатическое влияние), геологического, гидрохимического и геофизического (изучение дна океана, залежей руд и углеводородов, движений тектонических плит) и инженерного (разработка приборов и аппаратов). И для всех направлений экспериментальные данные, добываемые в экспедициях, жизненно необходимы.

— Я где-то прочитала очень интересную мысль, что разрушение СССР началось после кампании по омоложению ЦК КПСС. Не повторяется ли то же самое сегодня в науке, когда ее реформируют тридцатилетние «эффективные менеджеры», а академиков называют не иначе как стариками и пытаются от них избавиться?

Вспомните, сколько в те годы велось разговоров о том, как надоели старики в руководстве партии и страны. Поменяли их на молодых, и что за этим последовало? СССР развалился. Случайность? Не думаю. Безусловно, ситуацию, когда институты возглавляют люди, чей возраст подходит к 75–80 годам, нельзя назвать хорошей. Но нельзя забывать, что в течение двадцати с лишним лет не было полноценного притока научных кадров. И как раз оптимальный возраст современных директоров, а это пятьдесят лет, и крупных ученых в таком возрасте недостает.

Безусловно, нельзя всех мерить под одну гребенку. Есть масса примеров, когда люди и в восемьдесят лет, и в девяносто, и даже старше прекрасно работают. Но существует статистика, согласно которой, если средний возраст сотрудников равняется 70–72 годам, это плохо. Мы, естественно, не ведем речь о том, что им нужно уходить. Нет. Но кто-то после шестидесяти, ктото после семидесяти не могут работать директорами. Улучшится ли ситуация после принятия закона о возрастном ограничении? И насколько целесообразно принимать его именно сейчас? Не думаю. Но с тем, что директора должны быть моложе, я согласен. Но прямолинейные возрастные лимиты сейчас принесут много вреда.

— А я уверена, что в каждом конкретном случае необходим индивидуальный подход.

Безусловно. Но сейчас нужно заниматься не исключениями, а следить за кадрами. Нас же переподчиняют, реорганизуют…Коренные проблемы науки лежат не в области совершенствования ее административной деятельности. Хотя здесь можно найти кучу недостатков. И, тем не менее, уровень организации и администрирования в РАН в десятки раз лучше, честнее и приличнее, чем, скажем, в Госдуме, правительстве или мэриях. Когда мы говорим о коррупции, которая душит страну, мы же имеем в виду не академические институты, а государственных чиновников. Хотя, конечно, коррупция присутствует везде, правда, в разных масштабах. И уровень науки определяется не тем, как построили людей, а наличием творческих кадров, и, именно крупные ученые должны управлять научной деятельностью, а не бухгалтеры и «менеджеры».

— В 2008 году в одном из выступлений вы сказали, что научная система страны продолжает разрушаться из-за слабого притока молодежи в науку. Прошло пять лет, что-то изменилось?

Молодежь понемногу идет в науку, но этого недостаточно. Совсем скоро мы столкнемся с проблемой, когда нам будет трудновато набирать полноценные команды для экспедиций. Чтобы молодежь шла в Институт океанологии, мы должны предоставить им конкурентную заработную плату, на мой взгляд, хотя бы тысяч тридцать-сорок. Сегодня же зарплаты наших ученых начинаются с десяти тысяч рублей в месяц. Конечно, мы пытаемся довести их до двадцати тысяч, у нас есть программа поддержки молодых ученых, но это не решает проблемы в целом. Не на последнем месте стоит и жилищный вопрос.

Безусловно, какие-то подвижки за последние годы происходят, но, повторюсь, этого пока недостаточно. Честно говоря, и финансы-то на все это требуются не такие уж огромные, если смотреть в масштабах страны. С затратами на Олимпийские игры или Евровидение, на содержание огромного и неэффективного чиновничества их уж точно не сравнить. Обидно, что на различные увеселения деньги находятся, а на науку, хотя это вклад в будущее, нет. Ученые повышают качество народа — чем больше кандидатов и докторов наук, прошедших горнила настоящих научных баталий (но не за счет липовых диссертаций, написанных и переписанных для чиновников), тем выше качество народа. Причем, мы не требуем невероятно высокого уровня жизни, отнюдь. Богачи из науки не выходят. Мы хотим лишь, чтобы человек полностью отдавался исследованиям, а не думал, как прокормить себя и семью. А наше государство не может этого обеспечить. И поплатится за свое бездействие в самое ближайшее время. Уже сегодня качество нашего народа очень низкое и продолжает понижаться. Деньги в стране есть, но вот используются они куда угодно, но только не на самое главное — на образование, здравоохранение, оборону, науку и новые разработки. На телевидении тем временем появляются жуткие и лживые программы, дискредитирующие российских ученых, рассказывающие о том, что мы сдаем свои площади и суда в аренду и паразитируем.

— Существует ли на государственном уровне понимание значимости и ценности того, чем занимается ваш институт? И в чем это выражается, если не в финансировании?

Если понимание существует, то должно быть его материально-техническое обеспечение. Этого, к сожалению, нет. К нам приезжал президент. Это уважение? Безусловно. А вот конкретных действий не видно. Сейчас многие ругают Сталина. А между тем постановление о создании нашего института было подписано им в декабре 1945 года. Только что закончилась самая страшная война в истории человечества, страна была в крови и руинах, а создавались научные институты. Вот вам уровень государственного мышления! Когда к Ленину приходили всякие реформаторы, в ответ на их предложения он говорил одно: «Не шутите с Академией наук».

Чиновничеству ни в коем случае нельзя вмешиваться в дела науки, культуры и образования. И реформы в этих областях должны быть очень консервативными и осторожными. Резкие перестроения ничего хорошего не дают. На протяжении последних десятилетий мы непрерывно

меняем систему образования, здравоохранения, а лучше не становится. Где, скажите, стало лучше, в какой сфере? По сравнению с Советским Союзом, наверное, только машину стало легче заправить, поскольку нет дефицита бензина и отсутствуют очереди на бензозаправках.

— *Все академические институты, а это около тысячи учреждений, постепенно и окончательно перестают быть институтами РАН и переходят в ведение Федерального агентства научных организаций (ФАНО).*

Глава ФАНО уже назначен, и сейчас активно разрабатывается положение об этой, пока еще малопонятной, организации. Именно в ее недрах будут определяться финансирование наших институтов и численность сотрудников, там же будут утверждаться научные программы. Все решения, касающиеся нашей жизни, будут приниматься этой, совершенно далекой от нас организацией. Бывшая Академия наук и академики практически отстранены от этого. Есть планы по существенному сокращению численности как институтов, так и сотрудников. Лично у меня все это вызывает большие опасения. Почему вдруг стали считать, что из чиновников получатся лучшие руководители, чем из ученых? Назовите хоть один проект, где они делают что-то разумное? Может быть, «Оборонсервис»? Мы прекрасно помним и видим, что из этого получилось. Что чиновникам дает право считать, что наша система неэффективна?

На недавнем заседании Президиума РАН президент Академии сельскохозяйственных наук обратил внимание на всего лишь один принципиальный момент. Одной из задач, стоящей перед его академией, было обеспечение научного прогресса и научного уровня сельского хозяйства. И по мере возможностей это выполнялось. Что мы имеем сегодня? Институты переданы в ведение ФАНО, то есть бюрократического учреждения. Сможет ли оно отвечать за научный и технологический уровень сельского хозяйства? Тот же вопрос можно задать и по медицине и любой наукоемкой отрасли.

— *Что будет с академиками, бывшими членами РАН?*

По всей видимости, бывшая Академия наук превратится в некий клуб ученых. Время от времени мы будем собираться по отделениям, заслушивать научные доклады, обсуждать их и …все.

— *Сейчас готовится положение о ФАНО. Академики принимают в этом участие?*

Представители теперь уже бывшей РАН пытаются, чтобы все важные решения координировались с Президиумом РАН. Кстати, с вариантом положения о ФАНО, который появился на сайте правительства, произошла удивительная метаморфоза — из него исчезло все положительное, что содержалось в законе в отношении Академии наук. Теперь ФАНО определяет все: распоряжается имуществом, формирует планы работ, осуществляет их финансирование и проводит кадровую политику. Есть попытка организовать при ФАНО некий научный совет, куда входили бы члены РАН, представители институтов и группа чиновников. Сказать могу только одно, наша жизнь существенно усложнится.

В марте планируется общее собрание членов Академии наук, на котором будет избран новый президиум, принят новый устав. Правда, институтов принятые решения касаться не будут. Создание агентства, подобного ФАНО, потребует не один месяц. Думаю, на это уйдет весь следующий год. У нас еще теплится надежда, что такие принципиальные вопросы, как утверждение планов работы и назначение директоров институтов, каким-то образом будет согласовываться с РАН. Но в положении о ФАНО это до сих пор не отражено.

— *Мир стоит на пороге новой эры глубоководной добычи полезных ископаемых. Отсюда возникает вопрос, насколько современная Россия готова участвовать в этом, когда наши ведущие научно-исследовательские суда и знаменитые глубоководные аппараты МИР годами простаивают на причалах Калининградского морского порта в ожидании заявок со стороны правительства и крупных национальных компаний?*

Мы не только готовы, но и уже участвуем. В этом году группа наших сотрудников даже получила премию правительства России за экологическую часть работы по разработке сернистых руд на дне Атлантического океана. Участие в подобных исследованиях чрезвычайно важно, и мы будем продолжать делать это. Если страна занимается исследованиями, участвует в экспедициях, то это закрепляет ее право на данную территорию. Например, в Тихом океане существует зона Кларион — Клиппертон, где у нас есть свой «кусок». Если мы проводим исследования, снаряжаем туда экспедиции, то это закрепляет наше право на данную территорию.

— Перед вашим институтом стоит государственная задача — обосновать разделение Арктического шельфа…

Если мы докажем, а сделать это могут только ученые, что он является продолжением континентального фундамента, то это будет наша территория. И наш институт вовлечен в решение этой наиважнейшей для России задачи. Если говорить об обороне и флоте, то на сегодняшний день мы не получаем от военных ведомств ни копейки. Это в корне неправильная ситуация. Возьмем подводный флот. Мы должны не только защищаться от подводных лодок возможных противников, но и вовремя суметь их обнаружить. А это довольно трудная задача. Ученые нашего института хорошо знают сезонную обстановку любого района, в том числе и того, куда могут подойти нежданные гости. И даже небольшие изменения, произошедшие в одной акватории относительно сезонного фона, могут являться признаком нахождения чужеродного объекта.

— А проблемы климата? Сейчас много говорится о глобальном потеплении. Наверняка ваш институт тоже занимается данными вопросами.

Я думаю, вы слышали гипотезу о том, что течение Гольфстрим останавливается. Американцами на эту тему был даже снят очень интересный фильм. В нем говорится о том, что в результате таяния арктических и гренландских ледников талая вода идет в Атлантику и подтормаживает Гольфстрим. Поэтому тепло с юга не приходит, и Нью-Йорк и Европа замерзают. Мы же каждый год отправляем туда две экспедиции и прекрасно знаем, что, хотя расход Гольфстрима и колеблется, но тренда с его уменьшением нет.

Человечество последние годы много спорит на тему наступления глобального потепления, высказываются различные точки зрения. Если оно наступает, то необходимо готовиться и принимать экономические решения, например, сокращать объемы сжигаемого топлива. Климат определяется прежде всего океаном, который можно назвать диктатором. Атмосфера очень неустойчива, температура меняется по несколько раз каждые сутки. А океан стабилен. Изменения в нем происходят медленно, их бывает трудно найти, но они являются чрезвычайно важными. В этом заключается специфика исследования океана.

— Сегодня все громче озвучивается мысль о том, что Земля в скором времени не сможет прокормить свое население.

И в этом аспекте на помощь сможет прийти океан, поскольку он обладает огромными резервами обеспечения человечества белковой пищей. Прибавьте сюда возможность разведения аквакультур. А это уже разработка новых океанских технологий. Не забывайте, что океан занимает 72 процента территории земного шара. И Россия будет оставаться великой страной до тех пор, пока она будет являться океанской державой. Необходимым условием развития русской цивилизации я считаю присутствие русского исследовательского флота в Мировом океане.

— А цунами предсказывать умеете?

На сегодняшний день нами разработана теория предсказания цунами. И если где-то возникла волна (ее скорость достигает скорости самолета), то мы сможет определить, куда она придет, и предупредить людей, чтобы они успели подняться на возвышенность. Подобные предсказания определяются малоизученными и тяжело изучаемыми процессами в глубинах Земли. Проще говоря, цунами вызывается землетрясениями под дном океана. Сейчас мы уже знаем, что в местах столкновения плит возникают значительные относительные смещения плит и их большие деформации. Если они упругие, то нет сейсмического шума. Это означает, что происходит накопление упругих деформаций, что может привести к взрывному их освобождению, как это происходит, когда лопается растянутая пружина. Если плита размером сто на сто километров ударно поднимется или опустится всего на один метр, то энергия поднятой воды будет такая же, как от десятков миллионов атомных бомб. Эта потенциальная энергия превращается в кинетическую энергию движения воды, а возникшая волна называется цунами. Если же движение плит идет без накопления упругой энергии, раздается некий сейсмический шум. А это свидетельствует об отсутствии накопления упругой энергии, угрозы землетрясения и угрозы цунами. Понимание всех этих процессов пришло в последние десятилетия. Прогресс, конечно, колоссальный, но он достигается тяжелым трудом. Накопление деформаций трудно изучать и на суше, а что уж говорить про океан. Но мы стараемся.

— Океан охотно открывает свои тайны? Много еще неизведанного?

Неизвестного, как всегда, больше, чем известного. Мы с вами говорили про одну проблему — цунами. Что-то нами уже понято. Места, где идет накопление, можно выяснять, но подобные работы очень дорогие. Помните 2004 год, когда цунами обрушился на остров Суматра? Огромное количество погибших. Наш россиянин Василий Титов из Новосибирска, сейчас он живет в Америке и работает в лаборатории НОА, разработал программу предупреждения цунами. С ее помощью он может определить, как возникшая волна будет распространяться в зависимости от рельефа дна, от очертаний континента и т.д. Когда в новостях объявили о цунами, он пришел в лабораторию и с помощью своей программы предсказал, где и когда ждать эту волну. И прославился. Человек уехал в Америку, состоялся как ученый, но качество нашего народа упало, так как большой талант реализовался не у нас. А чиновники, если и бегут от нас, то только спасаясь от ответственности за воровство. Кто за это ответит? Кто вообще несет ответственность за то, что наши лучшие умы уезжают из России? Академики? Нет. Я знаю массу талантливейших ребят, которые в 90-е годы буквально голодали и рванули на Запад. Не все состоялись, кому-то не повезло.

http://zavtra.ru/content/view/razvitie-nauki-opredelyaet-kachestvo-naroda/

21. Реформа в больших кавычках

19 ноября 2013

Ефим Хазанов
членкор РАН
Лев Беклемишев
членкор РАН
Интервью с Наталией Деминой
ТрВ-Наука

«Образованные люди России не нужны»

Ефим Хазанов, докт. физмат. наук, членкор РАН, зам. директора Института прикладной физики РАН, профессор Нижегородского госуниверситета им. Н.И. Лобачевского:

—Вы были одним из первых членов РАН, который заявил о своем неприятии объявленной реформы науки, подписали заявление о том, что не вступите в новую Академию, если старая будет ликвидирована. Как Вы сейчас смотрите на то, что произошло?

Я нисколько не жалею о том, что подписал это заявление. Более того, я горжусь, что «не прошел мимо». «Клуб 1 июля», объединивший подписантов этого заявления, стал, наряду с другими, одним из центров кристаллизации протестного движения научного сообщества.

— Не изменилась ли Ваша точка зрения на реформу?

Во-первых, «реформой» я это назвать не могу, разве что в больших кавычках. Общепризнано, что принятый закон качественно не отличается от его первой редакции. Я считаю, что принятие закона в июле в его первоначальной редакции было бы меньшим злом, хотя бы потому, что не было бы иллюзии о неком компромиссе. Эта иллюзия, негативно влияющая на науку в России, сейчас существует и среди академического сообщества, и во властных кругах, и в российском обществе в целом.

— Готовы ли Вы и другие 74 подписанта отказаться от «мандатов», или же теперь этот шаг был бы бесполезным?

Я готов, а «за всю Одессу» сказать не могу. Что касается пользы, то всё зависит от количества отказавшихся и от результатов голосования по уставу новой РАН, да и от самого устава. Я, кстати, считаю, что новый устав должен приниматься сначала Общим собранием старой РАН, а потом уже Общим собранием новой РАН. На сегодняшний день старый устав старой РАН абсолютно легитимен, и единственный способ легитимно принять другой устав — это 2/3 голосов Общего собрания, созванного по ныне действующему уставу.

— Что думаете о финальной версии законопроекта, подписанной Путиным? Считаете ли тактику, выбранную Фортовым, с одной стороны, и протестующими учеными, с другой, правильной?

Про новую версию я уже ответил, а про тактику В.Е. Фортова нужно сказать, что она привела к поражению. Делать вид, что это не поражение, а компромисс или даже победа, не только странно, но и вредно — неверная оценка текущей ситуации может только повредить дальнейшему. Ответ на другой вопрос — привела бы альтернативная тактика Фортова к победе — далеко не очевиден. Возможно, что результат был бы тот же. Кроме того, важно понимать, что в данном случае признание поражения и даже признание ошибочности выбранной тактики совсем не означает признания работы Фортова неудовлетворительной. Силы были не равны, и возможно ли было добиться большего — не известно. Я, например, настаивая на том, что ведомая Фортовым РАН на этом этапе потерпела полное поражение, против его отставки с поста президента Академии наук.

— *Чего Вы ждете от ФАНО? Мы слышим совершенно разные мнения — от прагматичного из уст академика Хохлова, что раз закон принят, то надо работать, до протестного — надо защищать каждый институт и пр. Что Вы считаете правильным делать, чтобы сохранить живые островки науки в России?*

От ФАНО хорошего ничего не жду. Наукой (не только фундаментальной, но фундаментальной особенно) должны управлять ученые. Разумеется, не любой хороший ученый может быть хорошим управленцем. Более того, любая административная должность неизбежно отрывает человека от науки. Часто человек, даже полностью оставив научную работу, прекрасно справляется с управленческими функциями, потому что «в прошлой жизни» был активно работающим ученым. Однако без опыта научной работы управлять наукой невозможно, причем на любом уровне — от завлаба до министра. Модель директорученый и заместитель-администратор прекрасно работает, а вот директор-администратор с заместителем по научной работе — не жизнеспособна.

Нас ждет, как минимум, административная неразбериха, которая уже началась. Чиновники, например, не знают, как оценить результаты научной деятельности и спрашивают ученых, как это сделать. Ученые говорят: «Этому невозможно научить, нужны эксперты; давайте мы, ученые, и будем оценивать результаты». Это чиновников не устраивает, они тогда не нужны вовсе. А как, в принципе, чиновник может оценить результат? Способ только один: у него должны быть две колонки цифр: план и факт. Если во второй колонке все цифры больше, чем в первой,— всё в порядке. Чиновники на этом настаивают вовсе не потому, что хотят сделать жизнь ученых невыносимой, а просто по-другому они не могут. Мы это прекрасно видим, сравнивая вес отчетов по контрактам с МОН с весом отчетов по грантам РФФИ и программам Президиума РАН. Я сейчас имею в виду не научный вес, а бытовой — количество килограмм.

Я категорически против тезиса «раз закон принят, то надо работать», если под словом «работать» понимается «перестать бороться с этим законом и его последствиями». Из уст авторов закона этот тезис звучит естественно, но я, будучи противником закона, разумеется, против. Сопротивление в самых разных формах надо продолжать, имея в виду, что проиграно ключевое сражение, но еще не вся война. Наше Бородино закончилось, нашу Москву пришлось сжечь и оставить Наполеону, но война всё еще может закончиться в Париже, если не опустить руки, на что так рассчитывают наши противники. Если под словом «работать» понимать «не становиться профессиональным революционером и всё же продолжать заниматься научной работой», то я согласен. Я и не переставал ей заниматься, хотя времени с июля на это стало значительно меньше. Это, конечно, негативные последствия этого закона, но я считаю, что продолжение протестной деятельности принесет завтра больше пользы, чем сэкономленное сегодня время. Кроме этих сугубо рациональных соображений есть еще и мотивы морально-психологические: чтобы не было стыдно, когда это всё закончится, а если это никогда не закончится — чтобы не стыдно было умирать.

— *Между тем, реформы проходят и в системе научной аттестации. ВАК проводит опрос о том, не стоит ли уйти от двух ученых степеней, а перейти к одной. Что Вы думаете о необходимости отказа от привычной системы и переходе к одноступенчатой?*

Я считаю, что ВАК должна в кратчайшие сроки навести порядок со списанными диссертациями, о чем сейчас много пишут. Самыми радикальными методами. Это первоочередная политическая задача, которая позволит вернуть престиж научных степеней в России; а для начала хотя бы приостановить его свободное падение. Вторая задача ВАК — техническая: наладить бесперебойную работу по аттестации. Механизм местами «проржавел», и надо его смазать, отрегулировать, в том числе и с учетом мер, которые будут приняты для решения первой задачи. Только после этого можно обсуждать реформы типа отмены докторской степени; в противном случае эти реформы — лишь способ отвлечь внимание от вышеупомянутых проблем.

— Как Вы воспринимаете политику государства в науке и в образовании в целом? Каков суммарный вектор движения? Каковы, на Ваш взгляд, главные цели реформаторов?

Суммарный вектор движения заключается в том, что образованные люди России не нужны. Это очевидно и из понижения уровня образования, и из создания, точнее не создания, условий для тех, кто все-таки получил хорошее образование. Я сейчас говорю даже не о кандидатах и докторах наук (хотя о них тоже). Я говорю о людях, знающих, что Земля вращается вокруг Солнца, или почему зимой холодно, а летом тепло. Более того, скажу, что «реформаторы», как Вы их называете, предпочитают необразованное население образованному. Почему? Может быть потому, что считают, что нефть нас прокормит вечно, может быть потому, что необразованным населением легче управлять, может быть потому, что свое образование выглядит получше на общем фоне? Я не знаю, спросите у них…

Наука в России — как заброшенный сад

Лев Беклемишев, докт. физ.— мат. наук, членкор РАН, главный научный сотрудник Отдела математической логики МИАН:

— Вы были одним из первых членов РАН, который заявил о своем неприятии объявленной реформы науки, подписали заявление о том, что не вступите в новую Академию, если старая будет ликвидирована. Как Вы сейчас смотрите на то, что произошло? Не изменилась ли Ваша точка зрения на реформу?

Я не был одним из первых — честно говоря, очень не люблю подписывать коллективные письма. Но после голосования по закону в первом чтении решил, что просто так проглотить это всё нельзя.

При обсуждении темы реформы РАН, причем как со стороны широкой публики, так и со стороны вполне информированных государственных деятелей, часто смешиваются две разные вещи: РАН как выборный клуб ученых и РАН как государственное ведомство, игравшее в годы советской власти роль своего рода министерства по фундаментальной науке. Первый существовал еще с петровских времен, второе есть в основном продукт советской эпохи. (Эта разница, конечно, хорошо известна читателям «Троицкого варианта».)

Происшедшее я рассматриваю как санкционированный разгром этого ведомства со стороны других государственных ведомств, на которые формально также была возложена ответственность за развитие науки в нашей стране. Такие или похожие вещи и ранее происходили у нас с другими министерствами, особенно в ситуации, когда сферы их полномочий не были четко разграничены. Сейчас это стало возможным потому, что позиции РАН в структуре государства за последние десятилетия очень ослабли, а момент смены руководства был удобен для проведения состоявшегося блицкрига.

— Что думаете о финальной версии законопроекта, подписанной Путиным? Считаете ли тактику, выбранную Фортовым, с одной стороны, и протестующими учеными, с другой, правильной?

Фортов, очевидно, делал всё, что мог в его ситуации. Протестующие ученые также сделали несколько правильных вещей — таких как организация горизонтальной сети институтов и проведение конференции научных работников в августе, создание Комиссии общественного контроля за реформами в сфере науки. В долгосрочной перспективе эти все структуры будут полезными, они создают каналы для выражения коллективного общественного мнения ученых, что для нас сейчас не менее важно, чем официальная позиция тех или иных ведомств. Другое дело, что краткосрочный эффект от всех этих действий был невелик.

С точки зрения правительства, три основные цели законопроекта, очень четко сформулированные министром Ливановым, были достигнуты: собрание академиков отделено от управления институтами (не только от управления собственностью, но и, видимо, в части научного руководства тоже), три академии слиты в одну, создан специальный орган, которому переданы бразды правления. В отличие от Президиума РАН, этот орган подчинен напрямую правительству, управленческая вертикаль в науке, наконец, установлена.

С другой стороны, по сравнению с первым чтением из закона убрали наиболее одиозные пункты, касающиеся «ликвидации» РАН, автоматического перевода членкоров в академики и вынуждения нас всех писать прошения о принятии в новую Академию наук. Это всё может выглядеть юридической формальностью по сравнению с намного более важным вопросом об отчуждении собственности РАН и контролем над ее институтами. Тем не менее, именно это бесцеремонное вторжение правительства и Думы в сферу, явно выходящую за пределы их компетенции, побу-

дило меня подписать письмо, о котором шла речь. Основополагающий принцип формирования Академии — это выборы ее новых членов теми, кто в ней уже состоит. При всех недостатках этой системы — которых много, и они хорошо известны — нельзя стать академиком по постановлению парламента, в этом случае это уже будет не Академия наук, а что-то еще. Как членкор я высоко ценю факт своего избрания коллегами по цеху и не могу принять такой автоматический перевод в академики без учета их мнения. Слава Богу, что нас от этого, вроде бы, избавили. Впрочем, как и что будет с членкорами, в законе пока толком не прописали. Надо сказать, что принудительное слияние трех академий в одну также противоречит этому принципу формирования академий, хотя и менее серьезно по своим последствиям. Мне не ясно, зачем вообще нужно было это делать. Впрочем, это всё не имеет значения, если РАН становится лишь клубом ученых. В этом клубе и сейчас есть отделения совершенно разного уровня и численности. На работу друг друга они не очень влияют.

— *Готовы ли Вы и другие 74 подписанта отказаться от «мандатов», или же теперь этот шаг был бы бесполезным?*

Глупо протестовать против превращения Академии в «клуб» путем выхода из нее и создания другого «клуба». Выходить нужно, если нам очень сильно не нравится что-то, происходящее внутри самой Академии наук, или если от ее имени совершаются какие-то действия, с которыми мы резко не согласны. Пока этого не произошло. Будем ждать, что последует, а хлопнуть дверью всегда успеем, если вынудят. Говорю, конечно, за себя, а не за всех подписантов.

— *Чего Вы ждете от ФАНО? Мы слышим совершенно разные мнения — от прагматичного из уст академика Хохлова, что раз закон принят, то надо работать, до протестного — надо защищать каждый институт и прочее. Что Вы считаете правильным делать, чтобы сохранить живые островки науки в России?*

Принятый закон и положение о ФАНО с одной стороны наделяют ФАНО очень большими полномочиями, а с другой стороны многие важные вещи не прописаны, оставлен большой простор для толкований. Это, мягко говоря, вызывает большие опасения. В ближайшей перспективе легко предвидеть, что ФАНО займется сбором информации и вычислением разных показателей эффективности научных организаций и отдельных исследователей. Фактически, это уже началось. На основании этих показателей — а может быть, и еще каких-то данных — будут проведены реорганизации и сокращения институтов, которых соответствующие комиссии ФАНО сочтут неэффективными.

Каким образом конкретно это будет делаться, насколько трудоемким будет процесс сбора всех этих данных для ученых, насколько разумны будут используемые критерии, что будет с сокращаемыми институтами — вот где зарыта собака, а этого никто из нас пока не знает. (Замечу в скобках, что вера нашего Министерства в силу и объективность формальных показателей просто поражает. Когда читаешь их документы, создается впечатление, что они все там находятся под воздействием какой-то магии цифр.)

Плохо, что ученые пока что поставлены в условия, когда не могут разумно влиять на происходящее. Люди, принимающие решения, заткнули уши и общаются с нами путем спуска сверху каких-то бумаг, абсурдность которых зачастую очевидна всем, кроме, наверное, их создателей. Нет, чтобы кто-нибудь из ФАНО или МОНа приехал бы, скажем, в Институт Стеклова, рассказал бы подробно о планах (ведь должны же у них быть какие-то конкретные планы?), посоветовался о том, как и что нужно делать и, может быть, даже учел наши пожелания. Боятся они нас всех, что ли?

Что касается островков науки — буду пытаться делать то же, что и сейчас: преподавать, воспитывать учеников, поддерживать наши семинары, проводить конференции. У меня такая деятельность после возвращения на родину восемь лет назад занимает не меньше времени, чем собственно научная работа.

— *Между тем, реформы проходят и в системе научной аттестации. ВАК проводит опрос о том, не стоит ли уйти от двух ученых степеней, а перейти к одной. Что Вы думаете о необходимости отказа от привычной системы и переходе к одноступенчатой?*

Я не вижу большого смысла в переходе на одноуровневую систему. Наверное, в принципе в стране может существовать любая из этих двух систем. Но это не есть вопрос первоочередной важности, а значит, лучше здесь ничего не менять. Дело не в том, сколько уровней имеет система аттестации, а в том, какими мерами можно поддержать качество самих диссертаций. Остано-

вить поток «липы» в некоторых областях, видимо, будет проще, чем остановить медленный, но неуклонный процесс снижения среднего качества диссертаций. Эта тенденция, к сожалению, наблюдается у нас во всех областях науки, в том числе и в математике. Как от всякого бессмысленного действия, от отмены докторских степеней сейчас будет один вред.

— *Как Вы воспринимаете политику государства в науке и в образовании в целом? Каков суммарный вектор движения? Каковы, на Ваш взгляд, главные цели реформаторов?*

Кто-то, кажется вдова академика Гинзбурга, очень удачно сравнила поддержание науки в стране с садом. Чтобы сад был в хорошем состоянии и приносил плоды, нужно, прежде всего, внимание хозяина, интерес к нему, забота и каждодневный труд. То, что мы сейчас имеем, скорее, напоминает сад, о котором хозяева забыли — долгие годы толком не поливали, сорняками заросли многие грядки по краям, сухие ветки давно не спиливали. Но сад всё равно живет и кое-какие растения в нем еще растут. Навести здесь порядок в один день не получится, это должен быть долгосрочный проект, требующий терпеливого и внимательного отношения. В условиях нашей страны, где горизонт планирования — максимум года три, на это рассчитывать трудно. Худшее, что можно сделать,— это начать рубить всё под корень и наскоро сажать что-то новое. Или даже так: произвести оценку рыночной стоимости древесины, всё спилить и построить на этом месте баню. Иногда мне кажется, что идут по такому простому пути.

Собственно, в этом и вопрос. Чего хотят реформаторы: всё продать и быстро получить малую прибыль, заткнув текущую дыру в бюджете, или же взяться за дело, вложить в науку большие деньги и еще больший труд и попытаться что-то на этом месте создать? Я ответа не знаю, но всё же продолжаю верить в светлое будущее.

http://trv-science.ru/2013/11/19/reforma-v-bolshikh-kavychkakh/

22. Реформа в больших кавычках

3 декабря 2013

Аркадий Кряжимский
Академик РАН
Сергей Гулев
Член-корреспондент РАН
Интервью с Наталией Деминой
Троицкий вариант

«За нами пришли»

Аркадий Кряжимский, докт. физ-мат. наук, академик РАН, главный научный сотрудник Отдела дифференциальных уравнений Математического института РАН, профессор факультета ВМиК МГУ:

— *Вы были одним из первых членов РАН, заявивших о своем неприятии объявленной реформы науки, подписали заявление о том, что не вступите в новую Академию, если старая будет ликвидирована. Как Вы сейчас смотрите на то, что произошло? Не изменилась ли Ваша точка зрения на реформу? Готовы ли Вы и другие 74 подписанта отказаться от «мандатов» или же теперь этот шаг был бы бесполезным?*

В первом тексте законопроекта (конец июня) декларировалось, что РАН сначала ликвидируется, затем воссоздается, но в виде «клуба академиков», без институтов, а члены старой РАН зачисляются в новую по их заявлениям. Письмо «подписантов» (начало июля) — реакция на этот текст: «подписанты» объявляют об отказе подавать заявления о вступлении в новую РАН. В принятом законе положения о ликвидации старой РАН нет, но закон таки преобразует РАН в «клуб». Такое «гладкое» преобразование возможно, как мне представляется, лишь при том условии, что Общее собрание старой РАН принимает изменения в уставе РАН, приводящие его в соответствие с законом. С вопросом о таких изменениях устава РАН могла бы разобраться на своем регулярном Общем собрании, запланированном на декабрь.

Собрание могло бы не принять изменений. Тогда правящие органы должны бы были распорядиться о ликвидации старой РАН — ввиду несоответствия ее устава закону. Воспроизвелась бы ситуация конца июня: заявления о вступлении в новую РАН для членов старой стали бы обязательными, и я как «подписант», следуя объявленному решению, такого заявления писать бы не стал.

Но декабрьское Общее собрание РАН отменено. Возможно, в переговорах между представителями Президиума РАН и правительства найдена некая формула «гладкого» преобразования Академии без Общего собрания старой РАН, при котором действительные члены старой РАН перетекут в «РАН-клуб» автоматически (судьба членов-корреспондентов кажется более неопределенной). При этом сценарии публично заявленное обязательство «подписантов» аннулируется, а выход некоторого количества индивидуумов из РАН не станет сильной акцией: будучи одномоментной, она тут же забудется. (Июльское заявление «подписантов» было сильно, на мой взгляд, потому, что имело долговременный характер «угрозы»: «если будет так, то будет и так».)

— Что думаете о финальной версии законопроекта, подписанной Путиным? Считаете ли тактику, выбранную Фортовым, с одной стороны, и протестующими учеными, с другой, правильной?

Закон преобразует РАН в «клуб», отбирает у нее институты. Думаю, что это плохо для российской науки. Было бы много лучше, если бы академические институты оставались в РАН и РАН реформировалась бы самостоятельно. Толковых предложений о направлениях самореформирования много. Об этом говорят, в частности, результаты экспертного опроса научных сотрудников РАН на тему «дорожная карта самореформирования РАН». Опрос был проведен в июле -августе инициативной группой РАН, в которую входил и я, в нем приняли участие более 900 сотрудников (около 2% всех научных сотрудников РАН) — от м.н.с. до директоров институтов. Предварительные результаты опроса были опубликованы в «Поиске» и доложены на Конференции научных работников РАН «Настоящее и будущее науки в России. Место и роль Российской академии наук» (29–30 августа).

Если бы Фортову был дан тот год для реформирования РАН, о котором он просил в своем известном июльском разговоре с Путиным, думаю, мы бы действительно увидели результаты. В процессе преобразований наверняка пригодились бы и предложения участников опроса — первого истинно демократического мероприятия по стратегическому планированию в Академии. Я думаю, что и в связи с этим частным, но важным опытом, и в соответствии с общей предвыборной программой Фортова демократические принципы открытости, обратной связи по вертикали, сменяемости руководства были бы внедрены в академическую практику, и это стало бы действенной, не бюрократической, а структурной мерой по повышению эффективности работы РАН.

Тогда нужный ему год Фортову дан не был, но было сделано предложение возглавить ФАНО. Пост руководителя ФАНО мог стать «рычагом» для корректировки хода административной реформы, для смягчения ее решений в отношении институтов РАН. При таком понимании дел согласие Фортова со сделанным ему предложением было, мне кажется, естественным решением.

Было ли это решение тактически правильным? Остался ли у Фортова «рычаг влияния» после назначения другого руководителя ФАНО? Трудно сказать. Из общих соображений кажется, что если у Фортова и остался «рычаг», то он слабее, чем тот, который имелся бы у него, будь он руководителем ФАНО. Это, однако, не означает, что принятое им решение было тактически неправильным. Возможно, Фортов следует единственно допустимой в его положении тактике. Нехорошо то, что это тактика тихих «аппаратных договоренностей», она исключает всякую обратную связь с научной общественностью. Мы сидим в самолете, наш пилот-ас осуществляет ручное управление в сложных условиях, и нам остается только одно — не беспокоить пилота.

Протестные акции ученых — другой полюс спектра. В наших условиях публичные протесты приводят хоть к какой-нибудь реакции власти только при условии их очень большой массовости. Критического уровня массовости протесты ученых РАН иметь заведомо не могут. Означает ли это, что тактика протестов неверна в принципе? Нет, просто она неэффективна с точки зрения достижения конкретных целей. Полезны ли протестные акции вообще? Да, это элементы демократии, люди имеют на них право; проводя их, они учатся быть свободными и учат этому других.

— Чего Вы ждете от ФАНО? Мы слышим совершенно разные мнения — от прагматичного из уст академика Хохлова, что раз закон принят, то надо работать, до протестно-го — надо защищать каждый институт и пр. Что Вы считаете правильным делать, чтобы сохранить живые островки науки в России?

Мне представляется, что на данный момент ФАНО не имеет продуманного плана действий. Естественно ожидать, что начнут с очевидного — с кампании по оцениванию эффективности работы институтов РАН с помощью формальных критериев (публикации, индексы цитируемости и пр.). Это будет отвечать провозглашенным целям реформы и не составит трудности для управленцев. По результатам формального оценивания начнут принимать административные решения: сократить, объединить, переподчинить и т.д. Такая деятельность тоже понятна управленцам, она может растянуться на годы (поле-то большое, институтов много), держа сотрудников в напряжении и неопределенности. Параллельно пойдут перетасовки в руководстве институтов. Будет не до работы, количество и качество научных результатов снизятся. Поднимать эффективность научных исследований придется с еще более низкого уровня, чем сейчас, в условиях, худших для научного творчества, чем они были в РАН (добавятся бюрократический пресс, административная чехарда).

Таким видится худший сценарий. Возможен ли сценарий получше? Возможен — если ФАНО станет серьезно прислушиваться к мнению ученых, и не только Президиума РАН. Годичный мораторий на административные решения, недавно провозглашенный Путиным,— не знак ли это некоторой готовности к улучшенному сценарию? Гадать, конечно, бесполезно, но такая интерпретация не кажется недопустимой.

Если бы кто-то из ФАНО спросил моего мнения, с чего же начинать, я бы тоже кое-что предложил, опираясь на многочисленные обсуждения с коллегами, на собственный опыт, включая международный. Например, как можно было бы стимулировать исследования на стыках дисциплин, перейти от бесперспективной гонки за зарубежными «передовиками» (по шкале ими же «под себя» выработанных критериев) к лидерству по новым направлениям, к массовому вовлечению в них зарубежных ученых. Как можно было бы создать систему устойчивого карьерного роста для наиболее талантливых выпускников университетов, найти им долгосрочное применение в России. Вы спрашиваете, что же делать, чтобы сохранить живые островки науки в нашей стране? Содержательные предложения у академических людей, как видите, есть (опять ссылаюсь, в том числе, на экспертный опрос научных сотрудников РАН — см. выше). Не исключено, что и ФАНО, при не самом худшем сценарии, может предложить некоторый конструктив. Вопрос в том, каким образом отобрать и имплементировать позитивные идеи. Оптимальной почвой для этого представляется диалог ФАНО и Президиума РАН с одной стороны и широкого научного сообщества с другой, создание системы конкурсного отбора инициативных проектов «снизу», их пилотной апробации, внедрения наиболее успешных в практику научных исследований.

Спросите, что же делать при худшем сценарии (ФАНО «нагибает и мучит»)? Самоорганизовываться. Создавать горизонтальные, сетевые структуры — исследовательские коллективы, способные обеспечивать свое функционирование вне зависимости от правил, навязываемых сверху (наиболее сильный вариант — межинститутские коллективы, нацеленные на междисциплинарные исследования). Выходить с инициативами на ФАНО. Дефицит содержательных идей может мотивировать его прислушаться. Особенно сейчас, в начале.

— *Между тем реформы проходят и в системе научной аттестации. ВАК проводил опрос о том, не стоит ли уйти от двух ученых степеней, а перейти к одной. Что Вы думаете о необходимости отказа от привычной системы и переходе к одноступенчатой?*

На мой взгляд, это далеко не необходимость. Что будем защищать — сразу докторскую? Предъявляя старые, высокие, требования к ней? Тогда выпадет квалификационный этап, важный для молодых ученых: еще сильнее отдалим молодежь от науки. Остановимся на кандидатской — отберем возможность подтвердить свой рост у тех, кто выбрал науку.

— *Как Вы воспринимаете политику государства в науке и в образовании в целом? Каков суммарный вектор движения? Каковы на Ваш взгляд главные цели реформаторов?*

Политики, основанной на долговременной стратегии, я бы сказал, нет. Свидетельство этого — отсутствие каких бы то ни было «историй успеха» на отечественном научном фронте (в советские времена «историй успеха», связанных с наукой, было множество: стратегия науки и основанная на ней научная политика существовали). Куда направлен суммарный вектор движения? По-моему, к нулю. Свидетельство то же — нет «историй успеха», и уже давно, с начала девяностых. Именно тогда науку поставили на голодный паек. Это был первый, шоковый удар. «Голодающие» затаились, стали искать пути выживания. Руководство РАН тоже — путем, в основном, всё тех же «аппаратных договоренностей». Начался процесс «добровольнопринудительной» сдачи прав, постепенного умаления автономности. В этом году поставлена точка. «За нами пришли».

«О науке реформаторы и не думают»

Сергей Гулев, докт. физ.— мат. наук, членкор РАН, зав. Лабораторией взаимодействия океана и атмосферы и мониторинга климатических изменений Института океанологии им. П.П. Ширшова РАН, профессор географического факультета МГУ:

— Вы были одним из первых членов РАН, заявивших о своем неприятии объявленной реформы науки, подписали заявление о том, что не вступите в новую Академию, если старая будет ликвидирована. Как Вы сейчас смотрите на то, что произошло? Не изменилась ли Ваша точка зрения на реформу? Готовы ли Вы и другие 74 подписанта отказаться от «мандатов» или же теперь этот шаг был бы бесполезным?

На тот момент главным моментом неприятия закона было требование писать какие-то заявления и прочие дикости, типа автоматического перевода членкоров в академики, что теперь вроде отпало. Однако это не значит, что не осталось причин для неприятия этого закона. Более того, сейчас, по прошествии времени, я понимаю, что упомянутые дикости были в общемто хоть и дикими, но мелочами по сравнению с другими не менее, а более дикими вещами, в законе заложенными.

Я думаю, надо дождаться мартовского Общего собрания РАН, к нему станет ясно, как на практике будет выглядеть так называемое реформирование. Я не испытываю никаких иллюзий касательно того, что в этом реформировании вдруг возникнет некоторый здравый смысл, вопрос лишь о степени идиотизма и беспардонности, до которой могут дойти исполнители. Ну и, конечно, о желаемой для власти степени унижения научного сообщества, которой хотелось достичь этим законом, поскольку я теперь абсолютно уверен, что главным мотивом было унижение и наказание Академии, хотя мне не вполне понятно, за что.

Вопросы собственности и уж тем более каких-то позитивных трансформаций научной жизни здесь были вторичны. Просто сошлись и интересы обыкновенных ничтожеств, и интересы обиженных неудачников, в том числе в самой Академии, и интересы может даже добросовестно заблуждающихся людей. Получилось, как хотели ничтожества. Что получилось, то получилось — идиотский по форме и маловразумительный по содержанию закон, который толком-то и исполнить невозможно. Отчасти с этим, я думаю, связано и откладывание его фактического исполнения на год, хотя там могут быть и другие причины, например, не все группы жадных до академической собственности друг с другом договорились.

— Что Вы думаете о финальной версии законопроекта, подписанной Путиным? Считаете ли тактику, выбранную Фортовым, с одной стороны, и протестующими учеными, с другой, правильной?

Я уже сказал, что думаю. Трудно быть на месте президента РАН Владимира Евгеньевича Фортова, а только представив себя на его месте, можно давать оценки его деятельности. Я не знаю, мог ли он действовать по-другому и не перестать быть президентом. Я также не знаю, было ли бы лучше, если бы он перестал быть президентом. Думаю, что для него это был очень тяжелый период, думаю, что он честно пытался противостоять закону в тех условиях, в которые был поставлен. Другое дело, что он оказался столь же цинично обманут и унижен, сколь и всё научное сообщество, может, даже более. Я не чувствую себя в праве критиковать его не потому, что думаю, что его линия поведения была правильной, а потому, что сам не знаю, как надо было вести себя на его месте.

Что касается протестующих ученых, к которым я и сам отношусь, и в чем я сам принимал активное участие, то думаю, мы сделали, что могли. Мы провели конференцию, создали сообщество, которое не приемлет реформу в том виде, в котором она проводится. Это первое сражение, тем не менее, было проиграно. Я не знаю, могло бы оно быть выиграно. Наверное, нет, поскольку против нас действовали «на убой» в худших традициях — используя ложь и весь набор средств, который обычно используется против врагов, вот к этому, к роли врагов, мы оказались не готовы. Однако я думаю, что то, что нами создано, если выживет, в ином масштабе времени станет мощным инструментом борьбы против уничтожения науки. Власть рассчитывала на то, что большая часть научного сообщества, в первую очередь, его активная часть, от аспирантов до докторов наук молодого и среднего возраста, поддержит это безумие, выступит против «зажравшихся членов академии». Оказалось — нет, эта огромная армия людей оказалась монолитна и выступила категорически против закона.

Против него даже выступили те, кто ранее выступал за реформы Академии «по Ливанову» или еще там по кому-то. Я имею в виду все эти Советы при Минобре. Мне где-то искренне жаль этих людей. Я могу быть принципиально не согласен с их какими-то идеями, могу соглашаться

с какими-то мыслями, но даже их использовали, на мой взгляд, как девок на панели. Правда, потом выяснилось, что и саму Минобрнауку во главе с министром Ливановым употребили в том же качестве. Так что и его мне тоже жалко где-то. Теперь ведь власти закон надо исполнять, а других ученых у них нет, как Сталину про писателей говорил когда-то Горький. А все, кто есть,— против. Посмотрим, как получится. Может получиться, что закон-то нереализуем, вообще никак. И вот это будет сильнейшим ударом по всем, кто его продвигал. Так что я думаю, что усилия были не бесплодны.

— Чего Вы ждете от ФАНО? Мы слышим совершенно разные мнения — от прагматичного из уст академика Хохлова, что раз закон принят, то надо работать, до протестного — надо защищать каждый институт и пр. Что Вы считаете правильным делать, чтобы сохранить живые островки науки в России?

Я ничего не жду от ФАНО. Тем более под руководством этого молодого финансового управленца. Ну, найдут, наверное, сейчас каких-то администраторов от науки, а может, и ученых, чтоб поставить ему заместителями, чтобы это хоть не так дико смотрелось. Ну, срастят аппарат Президиума РАН с чиновниками из Минобра и Минфина, что, от этого как-то наука улучшится? Ну, дальше начнут резать по живому — ведь денег-то нет. Алексей Хохлов, говоря, что закон надо исполнять, наивно полагает (или делает вид, что полагает), что кто-то примет на вооружение его концепцию. Никто ничего не примет. Всё будет, я думаю, по-другому, по-пацански, как у них принято.

Все разумные планы по оценке деятельности институтов с помощью индекса Хирша или еще чего-либо работают тогда и только тогда, когда задачей является улучшение ситуации в науке. Такого сорта деятельностью нельзя заниматься, имея задачу сокращения. При этом оценивание может приводить к необходимости закрытия каких-то институтов или групп. Я сам в таких оценках институтов принимал участие неоднократно и в Германии, и во Франции. Там, бывало, тоже принимались решения по закрытию каких-то направлений, правда, одновременно были решения и о расширении каких-то исследований. Но изначальной задачи сократить столько-то сотрудников или институтов не ставилось. Тогда такая внешняя экспертиза имеет смысл.

Я уверен, что Алексей Хохлов прекрасно это понимает, он человек опытный, умный, поэтому мне не всегда ясна его мотивация. Например, странно, когда члены Совета по науке, возглавляемого им, глубокомысленно дискутируют о том, какая система лучше — CNRS или MPG. Вот никто из них не задумался, почему в двух соседних странах в 100 раз более похожих друг на друга и по состоянию общества, и по экономике, чем Россия на каждую из них, существует две столь разные системы. Да потому что одну создавали французы для французов, а другую — немцы для немцев. И с чего вдруг какая-либо из них должна оказаться подходящей для России? Неужели он не знает, что Академия в разы превосходит университеты, даже самые лучшие, по уровню научных исследований, как там ни мерь, по Хиршу или еще по чему? Что если рассматривать даже федеральные университеты, так оторопь берет от уровня их исследований? Что учитывая деньги, закачанные туда за последние 6–7 лет, надо говорить о полном провале программы федеральных университетов? Что даже в его родном МГУ, где я сам профессором, хорошая наука чаще существует в виде именно островков, о которых вы спрашиваете, и что эти островки в значительной части поддерживаются сотрудниками Академии, работающими в МГУ? И что Академия в течение всей своей истории именно тем и занималась, что университетскую науку создавала и поддерживала? Что нет в России (да и в СССР не было) традиций систематического производства науки в университетах, даже в самых лучших? Что если на кафедру, где я профессором, придут все 20 человек, там числящихся, то там можно только стоять, а не сидеть, как в учительской в школе? Что аспиранту, как правило, даже стола не полагается? И это не исключение, а правило. Прекрасно знает. Поэтому, я особого прагматизма в его позиции не вижу. Это, кстати, не означает, что в Академии всё хорошо и ничего менять не надо. Очень надо, только, как я выше говорил, с желанием улучшить, а не урвать.

— Между тем реформы проходят и в системе научной аттестации. ВАК проводил опрос о том, не стоит ли уйти от двух ученых степеней, а перейти к одной. Что Вы думаете о необходимости отказа от привычной системы и переходе к одноступенчатой?

Глупость неимоверная. Мой учитель всегда говорил про такого рода инициативы так: «Они всё кровати меняют, а надо бы — девочек». На сегодня докторская степень является хоть каким-то фильтром против вала серости и убогости, причем не только в области гуманитарных наук, из которых я политологию или социологию, например, даже не хочу обсуждать, а в области нормальной вполне физики, химии и математики. Мало ли кому в Европе хочется иметь Болонскую

или какую-то еще систему, а нашим идиотам ее копировать и с умным видом рассуждать про признание или непризнание дипломов. Это всё бред полный, хорошая ниша, чтоб чиновников кормить, кстати, и в Европе тоже.

Я сам работал в разных странах, да и продолжаю иногда. Ни меня, ни моих аспирантов, которые были постдоками, а иные сейчас на постоянных и престижных позициях в Германии, Франции, Канаде, США, Австралии, никто никогда не просил показать диплом. Но, с другой стороны, это не значит, что надо приравнять кандидатов наук из каких-то никому неизвестных университетов, которые в недалеком прошлом были педвузами, к докторам наук, защитившимся в академических институтах. Кстати, весь бред про списки журналов ВАК — из той же серии.

Надо позакрывать добрую половину, а то и 2/3 советов, которые состоят из малоквалифицированных людей, воспроизводящих себе подобных. А заодно и запретить рассматривать диссертации, основанные на публикациях, не входящих в базы цитирования, или на монографиях, изданных за средства РФФИ и которые никто не читает. Я недавно узнал, что есть, оказывается, Российский индекс научного цитирования (причем за его создание и поддержку кто-то получает немалые деньги), что там тысячи журналов, которых нет в международных базах, туда люди пишут, в основном, сами для себя. Ну, какое всё это имеет отношение к улучшению науки? Никакого!

— Как Вы воспринимаете политику государства в науке и в образовании в целом? Каков суммарный вектор движения? Каковы на Ваш взгляд главные цели реформаторов?

Нет никакой политики, чего тут воспринимать? Об этом многие говорили, говорили, что нет нормальной высокотехнологичной промышленности, нет желания, чтобы возникли крупные национальные достижения в разных областях. Есть повторяемые чиновниками разных уровней глупости про какие-то инновации, про отдачу науки то ли через три года, то ли через год. Если государство хочет иметь нормальную науку, то надо не делать глупостей, надо вкладывать деньги, причем большие и туда, где есть хоть что-то разумное, и ждать еще лет 10–20, пока что-то вырастет после того, что было устроено в 90-е годы. Делается всё с точностью до наоборот -деньги вкладываются туда, где их легче украсть, требования предъявляются самые безумные, система экспертизы фактически отсутствует.Говоря о главных целях реформаторов, надо понимать, что там много реформаторов, как я уже говорил, и у них у всех разные цели, просто их интересы в данный момент более-менее совпали. Кому-то хочется собственностью поживиться, комуто наказать Академию за невстроенность в вертикаль, кому-то отыграться за личные обиды, кому-то реализовать свои амбиции, о науке никто не думает при этом. В этом смысле назначение руководителем ФАНО этого малого — вещь очень показательная.

http://trv-science.ru/2013/12/03/reforma-v-bolshikh-kavychkakh-2/

23. Реформа в кавычках

24 декабря 2013

Николай Сибельдин
член-корреспондент РАН
Интервью с Наталией Деминой
ТрВ-Наука

— Вы были одним из первых членов РАН, заявившем о своем неприятии объявленной реформы науки, подписали заявление о том, что не вступите в новую Академию, если старая будет ликвидирована. Как Вы сейчас смотрите на то, что произошло? Не изменилась ли Ваша точка зрения на реформу? Готовы ли Вы и другие 74 подписанта отказаться от «мандатов» или же теперь этот шаг был бы бесполезным?

Прежде всего, слово «реформа» надо взять в кавычки. Никакая это не реформа. Цель этой «реформы» — ликвидация старейшего, наиболее эффективного научного учреждения России. Для тех, кто понимает, как у нас организована наука, какую роль играет в научной жизни и какой вклад делает Российская академия наук в научно-технологическое развитие, совершенно очевидно: эта «реформа» — разгром науки, в первую очередь, фундаментальной науки

в стране, путь в никуда. Великая прежде держава, «надувая щеки», неудержимо превращается в страну третьего мира. Псевдореформаторы, ссылаясь на заграничный опыт и намеренно искажая истинное положение дел в российской науке, утверждают обратное — дескать, затеянные преобразования приведут к ее развитию. Но это лишь свидетельствует об их поверхностных, весьма примитивных представлениях как о различных формах организации научных исследований за рубежом, так и о сегодняшнем российском научном потенциале и истинных причинах, не позволяющих реализовать его в полной мере и препятствующих его развитию. Обезьянничание, причем без критического осмысливания и анализа применимости к отечественным реалиям,— основной подход интеллектуальной обслуги существующего правящего режима к решению самых разных проблем жизни страны.

Молниеносная спецоперация по принятию закона о «реформе» РАН проводилась в оскорбительной для научного сообщества форме, недопустимой в цивилизованном обществе, и сопровождалась клеветнической кампанией в провластных средствах массовой информации. Подписывая «Заявление 74-х», мы не только выражали категорическое неприятие проекта закона, но и (хотя в тексте заявления этого нет) свое возмущение пренебрежительным отношением к научному сообществу и нежеланием считаться с его мнением. Образованный отказниками «Клуб 1 июля» сыграл, на мой взгляд, немалую роль в консолидации и самоорганизации научного сообщества, обсуждении накопившихся проблем, выработке планов и организации совместных действий, сопротивлении принятию закона и пр. Эта работа продолжается и сейчас, конечно, с учетом изменившейся ситуации.

Мое мнение, как и мнение абсолютного большинства научных сотрудников о существе закона и его разрушительных последствиях, за прошедшее время не изменилось. Хотя формально ситуация сейчас отличается от той, что была на момент подписания «Заявления 74-х»,— РАН не ликвидируется, и вступать в реорганизованную Академию не нужно, ее членами мы стали автоматически. Поэтому теперь речь может идти только о выходе из новой-полустарой РАН. Сегодня такой шаг представляется довольно бессмысленным в том плане, что вряд ли сможет на что-нибудь повлиять. Думаю, окончательное решение на этот счет я приму после первого Общего собрания реорганизованной РАН и утверждения ее устава. Что касается других подписантов, то тут ничего сказать не могу; прежнее заявление мы подписывали, не сговариваясь, и сейчас каждый будет принимать решение самостоятельно.

— Что думаете о финальной версии законопроекта, подписанной Путиным? Считаете ли тактику, выбранную Фортовым, с одной стороны, и протестующими учеными, с другой, правильной?

В главном финальная версия закона ничем не лучше первой. Уничтожено старейшее научное учреждение страны, вносившее основной вклад в развитие фундаментальной науки в России. Разрушительные последствия этого шага могут оказаться необратимыми. Причем дезорганизована не только РАН, а и сельскохозяйственная, и медицинская академии. Демагогические заявления властей о послереформенном расцвете науки лишены каких-либо оснований.

Фортов избрал привычную для РАНовского руководства тактику «выстраивания хрупкого мостика доверия», чтобы спасти науку. На мой взгляд, такая позиция заранее обречена. Это подтверждает опыт договоренностей по различным вопросам с Минобрнауки и правительством на протяжении последнего десятилетия (по сути дела, РАН всегда шла на поводу и добивалась только смягчения начальственных инициатив), которые закончились правительственным законопроектом. Решение Путиным уже было принято. По-видимому, повлиять на него могла только предельно жесткая позиция президента и Президиума РАН. Такой позиции руководство РАН не выработало. Руководство региональных отделений РАН действовало более решительно. В ходе переговоров Путин с присущей ему бесцеремонностью как минимум дважды (только по-крупному дважды) беззастенчиво Фортова «надул», так что спасти науку не удалось, и мы получили то, что сейчас имеем. Но, как говорится, «каждый мнит себя стратегом…»

Научное сообщество, конечно, активизировалось и много сделало для того, чтобы воспрепятствовать принятию закона, но, похоже, не всё. На самоорганизацию научного сообщества значительное влияние оказало проведение августовской конференции. Академический профсоюз вначале занял активную жесткую позицию и анонсировал различные массовые акции вплоть до забастовок и пр. Однако дальше уличных акций и многочисленных писем протеста дело не пошло. Уличных акций проведено много, но они не были достаточно массовыми, во всяком случае, в Москве (если меньше 10 тысяч участников, власть и внимания не обращает). Сотрудники московских академических институтов могли бы поддержать протест более активно. По-видимому, еще действует старое советское заклинание «лишь бы не было войны», трансформировавшееся теперь в «лишь бы не стало еще хуже», а тут еще то «оранжевыми революциями», то 1917 годом пугают.

Что меня удивило, так это почти полное отсутствие какой-либо реакции со стороны «мастеров культуры». Неужели все эти «властители дум», «инженеры человеческих душ» и т.д. не понимают, что Академия наук — неотъемлемая часть всей российской культуры? Или всем уже всё безразлично? И, наконец, интересно, куда делись коммунисты с их обещанием потребовать отставки правительства?

— *Чего Вы ждете от ФАНО? Мы слышим совершенно разные мнения — от прагматичного из уст академика Хохлова, что раз закон принят, то надо работать, до протестного — надо защищать каждый институт и пр. Что Вы считаете правильным делать, чтобы сохранить живые островки науки в России?*

ФАНО — новый монстр, по существу параллельное министерство науки. Пока не ясно, как ФАНО будет взаимодействовать с «клубом ученых» (новой РАН), и каково будет разделение труда между ФАНО и Минобрнауки. Боюсь, что мы будем находиться под двойным (а может быть даже тройным) прессом. Если бы ФАНО и его руководитель были реально независимыми, слушали и слышали ученых, во главу угла ставили интересы науки и т.д., то «черт» мог бы оказаться не таким уж страшным. Но ФАНО встроено в «вертикаль», и его руководство будет выполнять задачи, поставленные «реформаторами». К тому же квалификация большинства чиновников крайне низка. В этом нетрудно убедиться, зайдя на сайт, например, Минобрнауки, и ознакомившись с послужными списками руководящего состава. В стране перестали цениться настоящий профессионализм, знания и опыт. Поэтому не надо удивляться тому, что ракеты не взлетают, самолеты падают, воинские склады взрываются, в московском метро — постоянные аварии и т.д. Управление в самых разных сферах всё больше переходит в руки чиновников, называющих себя «эффективными менеджерами», но не имеющих должной квалификации и руководствующихся собственными интересами. Поэтому ничего хорошего я от ФАНО не жду.

Между позицией академика Хохлова и научного сообщества принципиальных противоречий я не вижу. Закон принят, и действительно надо работать. С чем я не согласен, так это с лихим заявлением Алексея Ремовича о том, что можно сократить половину научных сотрудников. Наверное, он исходил из того, что должна быть удвоена зарплата. Такой подход я считаю абсолютно неприемлемым и даже порочным.

Прежде всего, руководство страны должно определиться, какая наука (по объему для начальной прикидки) нужна России, чтобы занимать достойное место в ряду цивилизованных государств, и исходя из этого финансировать науку в объемах, соизмеримых с финансированием в других развитых странах.

Сейчас у нас в стране около 660 тысяч ученых и 4650 организаций, где занимаются наукой. Количество ученых составляет около 0,46% от населения страны (в США — 0,44%, в Японии — 0,55%, в ЕС — 0,26%). Замечу, что в РАН, из-за которой весь сыр-бор, менее 50 тысяч ученых и около 440 научных институтов. Но сокращения ожидаются именно в РАН. Причем, как недавно заявила зам. министра Огородова, оценка деятельности будет производиться на основе так называемой «Карты науки» (более нелепую и непрофессионально сделанную информационную систему трудно себе представить). То есть, чиновники намереваются давать оценки всем и вся, не отрываясь от стула. Поэтому защита каждого института, каждой лаборатории, каждого сотрудника на основе профессиональных экспертных оценок — не протест, а жизненная необходимость.

И о том, как «сохранить живые островки науки»: думаю, что живого у нас значительно больше, чем островков. Во всяком случае, в области, которая мне достаточно хорошо известна,— физике конденсированных сред. Прежде всего надо провести честную, непредвзятую, не ориентированную на вкусы и предпочтения Минобрнауки инвентаризацию всего научного хозяйства на основе профессиональной экспертизы. При этом первоочередной целью этой работы должно быть не сокращение штатов, а выявление и устранение причин, которые мешают научным сотрудникам в полной мере реализовать свои возможности. Процесс этот не быстрый, но провести его необходимо.

Второе — это современное научное и технологическое оборудование. Когда я слышу претензии чиновников к научным сотрудникам о низких показателях, вспоминаю детский анекдот, который мы рассказывали друг другу то ли в детском саду, то ли в 1–2 классах школы. Комиссия, инспектировавшая сумасшедший дом, обнаружила, что больные прыгают в пустой бассейн. Оказалось, что им обещали налить в бассейн воду, когда они научатся нырять.

Не умаляя важности теоретических исследований, следует напомнить, в первую очередь — Минобрнауки, что все естественные науки, а также технические приложения, базируются на экспериментальных результатах. За последние 20 лет экспериментальная техника сделала значительный рывок вперед, существенно возросла производительность научного труда. Но всё это прошло мимо большей части наших научных коллективов. Современное научное оборудование

стоит дорого. Но никакие центры коллективного пользования здесь проблему решить не могут, поскольку они, в основном, ориентированы на проведение стандартных измерений. Научный сотрудник должен проводить основные исследования на своем рабочем месте. И если вы хотите проводить эксперименты передового уровня, то применяемое оборудование должно быть под них и «заточено». Другое дело, что оборудование нужно использовать эффективно.

Третье — это закрепление молодежи и зарплата. Насаждаемое чиновниками мнение, что «старики» не дают дорогу молодежи, надумано. Освобождать место некому. Проблема решается увеличением зарплаты и возможностью привлечения иногородних сотрудников. В Москве зарплата молодых сотрудников должна начинаться примерно с 2 тыс. долл. (такая зарплата решает вопрос со съемным жильем и позволяет обзаводиться семейством) и заметно увеличиваться по мере роста квалификации (должна быть видна перспектива).

Четвертое — существенное сокращение бюрократической нагрузки, которая особенно возрастает, если вам «посчастливилось» связаться с Минобрнауки, а также устранение различных административных и законодательных барьеров (таможня и пр.). Параллельно можно постепенно вводить деление на постоянный и временный штат, систему постдоков и т.д., внося соответствующие изменения в законодательную базу. При этом должны быть сильно увеличены объемы финансирования грантов с тем, чтобы на эти деньги можно было взять сотрудника на работу.

— Между тем, реформы проходят и в системе научной аттестации. ВАК проводила опрос о том, не стоит ли уйти от двух ученых степеней, а перейти к одной. Что Вы думаете о необходимости отказа от привычной системы и переходе к одноступенчатой?

Одно-или двухступенчатая система, с одной стороны, это дань традиции, а с другой — каждая из этих двух систем научных степеней определенным образом встроена в соответствующую общую систему организации науки и образования. Нам, на мой взгляд, традиционно ближе европейская двухступенчатая система.

Требования к кандидатской и докторской диссертациям совершенно различны, различны и цели их защиты, и возможности, которые открываются перед ученым после получения соответствующей степени. Кандидатская диссертация — это учебная работа и одновременно первый шаг в науку. Защищая ее, научный сотрудник доказывает, что он способен самостоятельно работать. Защита докторской — признание коллегами определенного вклада диссертанта в науку. Кроме того, обладание той или иной степенью позволяет претендовать на соответствующие должности.

Я слышал два возражения против нашей двухступенчатой системы. Некоторым кандидатам наук не нравится название «кандидат». Нет ничего проще — давайте заменим его на PhD, оставив за докторами «доктор наук». Второе возражение— написание докторской отнимает слишком много времени. Мне представляется, что в настоящее время, когда диссертаций кроме оппонентов почти никто не читает, докторские надо защищать по докладу (говорят, что такое решение уже принято). А вот для кандидатских диссертаций теперешние требования к объему труда я бы сохранил. В остальном я за то, чтобы у нас в стране остались две степени.

— Как Вы воспринимаете политику государства в науке и в образовании в целом? Каков суммарный вектор движения? Каковы, на Ваш взгляд, главные цели реформаторов?

Политика государства — убийственная и для науки, и для образования, включая школьное, и в области просвещения населения. Согласно опросу ВЦИОМ, проведенному в феврале 2011 года, 32% россиян уверены, что Солнце вращается вокруг Земли! Разве можно было такое себе представить еще 10–15 лет назад?!

Как я уже говорил, отвечая на первый вопрос, в основу этой политики положено обезьянничание без глубокого анализа зарубежного опыта. Перенимаются поверхностные атрибуты без необходимой коренной перестройки всей системы. О высшем образовании я говорить не буду, отсылая интересующихся к прекрасной аналитической статье в журнале «Эксперт» профессора кафедры теоретической физики Пермского университета и кафедры физики университета Луисвилля (США) Виктора Хеннера, который в течение 15 лет один семестр в году преподает в Америке, а другой — в Перми. Его выводы о падении уровня образования неутешительны: «точка невозврата очень близка, многие считают, что она уже пройдена». То же и с наукой. Утверждая, что за границей вся наука сосредоточена в университетах, «реформаторы» сильно лукавят. С другой стороны, в большинстве отечественных университетов и вузов никакой современной науки нет (может быть, коегде имеются отдельные «островки»). Исключение составляют МГУ, который самодостаточен, и еще несколько университетов и крупных вузов,

тесно сотрудничающих с академическими институтами и ведущими научными организациями некоторых других ведомств. Между тем в вузы вкачены огромные средства на развитие науки. Ни у кого не повернется язык сказать, что деньги вузам давать не следовало, поскольку всем было известно их тяжелое положение до этих вливаний. Вместе с тем, все прекрасно понимали, что КПД от подобных вливаний будет невелик. Для того чтобы получить устойчивое развитие науки на современном уровне, требуется несколько десятилетий. Сейчас в Минобрнауки, видимо, поняли, что это направление развития науки провалилось. И, как всегда, начались жульничество в манипулировании количественными показателями и приписки.

Умные реформаторы при преобразованиях стремятся развить сильные стороны, а слабые сделать эффективными. Нравится это кому-нибудь или нет, но сильной стороной у нас был научный потенциал РАН, а слабой — недостаточно тесная связь науки и образования. Вот и надо было замкнуть университеты и вузы на РАН и другие научные центры, внедряя показавшую свою эффективность систему, отработанную в течение десятилетий в московском Физтехе и ряде других известных университетов.

Однако одной из основных целей «реформаторов» было уничтожение РАН. Ради этого они постепенно уничтожают и пользующуюся мировой известностью систему Физтеха, вливая в МФТИ значительные средства и ослабляя таким образом роль базовых кафедр, на которых эта система основана, а значит и приток молодых специалистов в институты РАН. Готовя «реформу» РАН, господа ливановы уже много лет пытаются внушить российскому обществу, что все самые сильные и востребованные ученые уехали из страны, а в России остались только те, кто никому не нужен. На мой взгляд, это самая заурядная ложь. Уехали и сильные, и слабые, и все, кто хотел уехать. В то же время, в стране осталось значительное число блестящих и активно работающих ученых, вклад которых в мировую науку трудно переоценить.

Говорят, что господин Медведев как-то сказал, что нам не надо столько наших ученых: понадобятся — купим за границей. И покупают. Огромные деньги, затраченные на так называемые мегагранты, как минимум с не меньшей пользой могли бы пойти на поддержку и оснащение активно работающих российских научных групп. Тем более что многие, если не большинство из оставшихся в стране ученых, успели поработать в зарубежных лабораториях и хорошо понимают, как там делается наука.

Принятый закон о «реформе» РАН поставил точку в политике Минобрнауки по отношению к Академии, проводившейся в последнее десятилетие. Все эти годы, несмотря на сильно улучшившееся финансовое положение страны, РАН продолжали держать на голодном пайке. Особое недоумение научных сотрудников вызывали итоги различных конкурсов, проводившихся Минобрнауки. Многочисленные факты говорят о том, что многие «конкурсы» на самом деле конкурсами не являлись: «победители» отбирались и назначались, а не определялись. Мне кажется, что в результате Минобрнауки полностью лишилось доверия научного сообщества.

И последний вопрос о «целях реформаторов». Здесь скорее надо говорить не о целях, а об их мотивах. И их несколько: непомерные амбиции интеллектуальной обслуги власти, рассматривавшей РАН как конкурента в экспертно-консультативной деятельности на высшем уровне, и ее желание получить монополию на истину в последней инстанции; стремление «ТД-2» (М.В. Ковальчук) и его окружения установить монополию в научной сфере; монополию для науки более опасную, чем устроенная Трофимом Денисовичем, поскольку последний ограничился только биологией и сельским хозяйством, а современный пытается «наложить лапу» на всю науку; РАН — слишком демократичная организация и поэтому плохо встраивается во властную «вертикаль»; чиновники всех мастей уже давно ни с кем не считаются, а к Академии еще с советских времен было принято относиться с уважением; имущество РАН многим не дает спать спокойно; до «реформаторов» наконец дошло, что при честной конкуренции вузам еще долго тянуться за РАН, и это может вызвать у власть имущих сомнение в их компетентности. Возможно, есть еще и другие причины. компетентности. Возможно, есть еще и другие причины.

Подготовила Наталия Демина

1.Заявление с отказом вступать в «новую» РАН от 1 июля 2013 года
http://polit.ru/article/2013/07/02/open_letter/
2. Ответы ученых читайте в ТрВ-Наука, № № 140, 141, 142 и 143
3. http://expert.ru/expert/2013/39/zachem-amerike-stolko-fizikov/?n=171
4.Классификация М.Б. Фейгельмана и Г.А. Цирлиной
http://disser-graf.livejournal.com/9490.html
http://trv-science.ru/2013/12/24/reforma-v-kavychkakh/

Год 2014

24. Кто их пр осил становиться академиками?

14 января 2014

Аскольд Иванчик
член-корреспондент РАН
Ведомости

В последние месяцы, начиная с конца июня, власти России занимались уничтожением Российской академии наук, главной научной организации страны. Академия не сдалась без борьбы, но, как легко было предположить, проиграла. При этом выяснилось неожиданное для академического сообщества обстоятельство -наука и ее судьба в России практически никого за пределами этого сообщества не интересуют. Борьба за академию происходила при полном равнодушии общества. В социальных сетях людьми, не связанными с наукой, эти события практически не упоминались, а митинги в защиту академии собирали в лучшем случае тысячу участников, хотя новости о попытках сопротивления регулярно появлялись в интернет-изданиях.

Более того, реакция оппозиционно настроенной творческой интеллигенции и журналистов, которых сопротивлявшиеся власти ученые наивно считали своими естественными союзниками, часто была (если вообще была) враждебно-злорадной. Будем называть эту группу для удобства «прогрессивной общественностью», тех же людей нередко именуют «креативным классом», хотя в его состав ученых, несмотря на их очевидную креативность, кажется, не включают.

Была ли Академия наук общественно значимой?

Типичным было, например, такое соображение, высказывавшееся разными людьми от никому не известных интернеткомментаторов и блогеров до журналистов Ксении Лариной и Дмитрия Быкова: академия заслужила свою судьбу, потому что не выступала по общественно значимым вопросам -не вступилась за Pussy Riot, не выступала против клерикализации образования или закона о пропаганде гомосексуализма. «Была ли Академия наук сколько-нибудь общественно значимой организацией?» -спрашивал Быков. И отвечал: нет, поэтому ее судьба меня не волнует.
К высказываниям Быкова мне еще придется возвращаться: не из-за особого к нему пристрастия, а потому, что его высказывания, с одной стороны, очень типичны, а с другой -благодаря его таланту ясны, определенны и даже афористичны. Речь здесь ни в коем случае не идет о полемике с его личными взглядами: его скорее следует рассматривать как спикера довольно широкого общественного слоя. Такая позиция на непредвзятый взгляд кажется довольно странной. Прежде всего удивляет то, что «общественная значимость» институции оценивается не по тому, насколько хорошо она исполняет свою прямую функцию в обществе, а по тому, насколько активно участвует в политическом протесте. Мало участвует, значит, ей нет места в обществе.

Здесь напрашивается много аналогий. Например, судебная система в России не только не участвует в протесте, но и, напротив, является орудием политических репрессий. При этом и свою основную роль выполняет неважно. Представим себе, что власть решила из каких-то своих соображений уничтожить существующую судебную систему, сохранить только суды первой инстанции и подчинить их назначаемому правительством чиновнику, не юристу, а специалисту по финансам, при этом сократив число судей примерно наполовину. Это примерно то, что было сделано с академией. Или, например, сократить половину врачей, уничтожить существующую систему медицинского обслуживания, сохранить только районные поликлиники, укрупнив их, а начальником поставить еще одного финансиста. Или распродать коллекции Эрмитажа и Музея изобразительных искусств с целью пополнения бюджета, как уже делалось в 30-е гг. Интересно, Дмитрий Быков тоже считал бы, что больницам, судам и картинам туда и дорога, потому что Верховный суд, Минздрав и музеи не выступали против политических злоупотреблений, а потому не являются общественно значимыми?

Как ни странно, такая позиция практически ни у кого не вызвала изумления, а воспринималась как довольно естественная даже и теми, кто с ней был не согласен. Одна из причин этого, мне кажется, в том, что такая модель рассуждения глубоко укоренилась у нас с советских времен. В самом деле, в СССР, когда решался вопрос о том, назначить ли ученого руководителем лаборатории, отправить ли его на зарубежную конференцию, рекомендовать ли студента в аспиран-

туру, разрешить ли художнику организовать выставку, напечатать ли роман писателя и т.д., т.е. в какой мере позволить творческому человеку заниматься профессиональной деятельностью, главным критерием был вовсе не его профессиональный уровень. Конечно, качество работы принималось в расчет, но гораздо важнее было «общественное лицо» -состоит ли он в партии, ходит ли на демонстрации, какую общественную работу ведет.

Так и теперь: «общественность» решает, надо ли поддерживать академию, не на основании того, насколько она профессионально состоятельна, а глядя на ее «общественное лицо». При этом игнорируется тот вообще-то очевидный факт, что сотрудники академии во всех протестных акциях участвовали наравне с прочими гражданами (а может быть, и в большем количестве, если учитывать долю от соответствующей группы) -но выступали, естественно, не в своем профессиональном качестве, а как обычные граждане. Впрочем, даже и «научно-образовательные колонны» в составе протестующих заинтересованный наблюдатель мог бы заметить.

Очевидно при этом, что задача Академии наук в обществе состоит вовсе не в том, чтобы участвовать в протестах, а в том, чтобы развивать науку, производить новые знания. Именно по тому, насколько хорошо она с этой задачей справляется, и надо судить о ее общественной значимости. Конечно, РАН не лишена недостатков, но на фоне аналогичных организаций в других странах выглядит вполне прилично, а уж на фоне других российских научных учреждений и вовсе занимает выдающееся место. Из государственного финансирования, направляемого на гражданскую науку, РАН получает примерно 17%; примерно таков же процент и работающих в РАН исследователей. При этом они обеспечивают 55% всех научных публикаций, причем самых цитируемых. При более высоком научном уровне уровень коррупции в академии несравненно ниже, чем, например, в вузах -недаром нашумевшие разоблачения «Диссернета» касались почти исключительно именно вузовских диссертационных советов.

Впрочем, вопрос о том, насколько Академия наук выполняет свою настоящую задачу, у «прогрессивной общественности» даже не возникал. В лучшем случае ее представители повторяли высказывания людей из власти, которым в других случаях не особенно склонны верить, или делились личными впечатлениями о том, что как-то зашли в академический институт и обнаружили там группу теток, пьющих чай, и пустые коридоры. Поинтересоваться же, что эти тетки или другие сотрудники института, которых не удалось застать в коридорах, опубликовали за последний год, никому даже в голову не приходило, хотя, казалось бы, именно по этому показателю, а не по числу выпитых чашек чая следует оценивать деятельность ученых.

«Зажравшиеся академики» и академические реформаторы

Еще одним проявлением этой доверчивости к пропаганде была и другая распространенная реакция на уничтожение РАН в среде «прогрессивной общественности»: «Зажравшиеся академики защищают свою недвижимость и привилегии, не считаю нужным им в этом помогать». Именно в таком виде власть стремилась представить академический протест в целой серии пропагандистских публикаций и передач, кульминацией которых стал насквозь лживый фильм, демонстрировавшийся на РЕН ТВ.

В действительности эти обвинения имеют к реальности такое же отношение, как и обвинения авторов аналогичных пропагандистских поделок в адрес «прогрессивной общественности», что она продалась госдепу за «печеньки». Академия наук — это, в первую очередь, не академики, а научные институты и их сотрудники, занимающиеся наукой. Как и всякая институция, она не однородна -и среди академиков, и среди простых научных сотрудников есть, безусловно, и чиновники, и бездельники, но лицо академии определяется не ими, а активно действующими крупными учеными. Многие из них (не все, к сожалению) являются членами академии. Как у всякой институции, у академии есть недостатки, в ней существуют злоупотребления. На них давно указывала активная часть научного сообщества, требовавшая реформ,— как члены РАН, поддержавшие В.Е. Фортова, который победил на последних выборах президента РАН с реформаторской программой всего за месяц до начала атаки на академию, так и другие научные сотрудники.

Именно эта активная часть научного сообщества -научные реформаторы и были участниками сопротивления правительственной «реформе», справедливо усмотрев в ней движение в обратную сторону по сравнению с тем, за что они боролись. Консерваторы, научные чиновники и «зажравшиеся», опасающиеся за свои привилегии (конечно, среди академиков есть и такие), напротив, сидели тихо, стараясь не раздражать начальство и полагая -вероятно, справедливо, что всегда смогут с ним договориться: публичный протест совсем не их метод.

Для участников академического сопротивления вопрос о собственности всегда был второстепенным: он заботил ученых лишь в том смысле, чтобы их институты не были выселены из занимаемых зданий и отправлены в корпуса, возводимые среди картофельных полей новой Москвы.

Борьба шла за самоуправление академии и ее институтов, против их подчинения чиновникам, не имеющим отношения к науке и не понимающим ее нужды,— т.е. за сохранение творческой свободы и возможности заниматься своей профессией.

«Прогрессивная общественность», увы, не заметила этого, воспринимая всех ученых как борцов за мифические привилегии. С тем же успехом можно было бы отказать в поддержке закрываемому властями оппозиционному СМИ на том основании, что «зажравшиеся журналисты опасаются за свою кремлевскую кормушку -ведь все журналисты в России не более чем пропагандисты Кремля». Абсурдность такого аргумента так же очевидна журналистам, как и абсурдность обвинения о «зажравшихся академиках» -ученым.

Ученые, журналисты и политика

Позиция «прогрессивной общественности» кажется не только по-советски партийной и глуповатой, но и морально уязвимой: ее представители требуют от других очень больших жертв, похоже сами не понимая этого. Специфика труда ученого такова, что для работы на хорошем уровне науке следует посвящать все время -ни рабочих часов, ни выходных у ученых нет, их голова работает постоянно. Необходимо иметь и природный талант, но его недостаточно: работать в этой профессии понастоящему могут только те, для кого наука -призвание и главное дело в жизни.

В то же время политическая борьба и протестная деятельность, если она ведется серьезно,— это тоже full time job. Соответственно, успешно заниматься и тем и другим одновременно невозможно: одно вытесняет другое просто по соображениям недостатка времени. Конечно, среди разного рода политиков (включая и советских диссидентов) немало выходцев из научной среды, но никому не удавалось успешно совмещать научную работу в полную силу с политической борьбой -или, наоборот, с политической деятельностью в лояльных власти структурах. Те ученые, которые активно участвовали в борьбе за сохранение академии этим летом и осенью, полностью почувствовали это на себе: заниматься исследованиями в это время было практически невозможно и для науки эти месяцы были потеряны.

В то же время во многих областях науки даже и трехмесячный перерыв в работе -это очень много, и упущенное потом приходится долго наверстывать. «Прогрессивная общественность», требующая более активного участия ученых в протестной деятельности, таким образом, требует от них отказа от того, что они считают главным в своей жизни,— от призвания и профессии. Такой отказ, кроме того, влечет за собой и существенные материальные жертвы -переставший заниматься наукой ученый быстро деквалифицируется, а затем и деклассируется. С общественно озабоченными журналистами и писателями ситуация совсем иная. Для работы в этих областях тоже, безусловно, требуется и талант, и сосредоточенность. Но участие «словом» в протестной и иной общественной деятельности вполне может -а в определенных условиях и должно быть частью профессии.

Дело здесь, по сути, в честном отношении к своей профессии. Для журналистов, пишущих на политические темы, в нынешней ситуации участие в политической оппозиции -это честное исполнение своего профессионального долга, условие, что они остаются в профессии (разумеется, если таковы их убеждения). Сервильный политический журналист кончается как профессионал и становится пропагандистом. Для ученых политический протест, наоборот, уход из профессии, ее смена. Для ученых аналогом было бы требование фальсифицировать результаты исследований в угоду политической конъюнктуре, как это нередко бывало в советское время, причем не только в гуманитарных науках, и от чего ученые за последние 25 лет отвыкли. Те, кто соглашается на это, кончаются как профессионалы -как и в случае с сервильными журналистами.

Возмущение правительственной «реформой» РАН объясняется именно тем, что ученые видят в ней угрозу возвращения этого принуждения к фальсификации -и первые меры эпохи ФАНО, вроде требования указать на три года вперед, где и какие статьи они будут публиковать, похоже, эти опасения подтверждают. Сопротивление «реформе» как борьба за право заниматься своим делом честно, по сути, и есть аналогия политическому протесту для журналистов. Разумеется, ученые могут и должны участвовать в политической деятельности в соответствии со своими убеждениями (вовсе не обязательно оппозиционными), но делать это на том же уровне, что обычные граждане (ходить на демонстрации, голосовать и проч.), они это и делают. Но они не могут и не должны становиться лидерами и спикерами протеста (или, наоборот, охранительного направления) -как должны политические журналисты.

Академия наук и власть

Есть и еще одно обстоятельство, о котором мало кто среди «прогрессивной общественности» любит вспоминать. Политический протест для ее представителей в массе -дело довольно новое:

лишь немногие из них, в частности жертвы уничтожения медиаимперии Владимира Гусинского, находятся в более или менее активной оппозиции уже более 10 лет. Подавляющее большинство принадлежащих к «прогрессивной общественности» еще года два назад вполне мирно уживалось с властью, время от времени выражая вялое недовольство ее наиболее заметными эксцессами. То поведение, которое считается сейчас правильным и порядочным, все 2000-е гг. в тех же кругах снисходительно-насмешливо именовалось «демшизой» и считалось уделом, может быть, и симпатичных, но в целом придурковатых и смешных маргиналов. Это не отменяет того, что в последние два года, когда ситуация в стране изменилась, многие представители того же сообщества демонстрировали достойное восхищения мужество в выполнении своего профессионального долга и платили за это увольнениями и потерей заработков, а в некоторых случаях и настоящим запретом на профессию (то, что в журналистской среде получило название «гребаная цепь»).

Позиция Российской академии в этом отношении была более стабильна и в «доболотное», и в «послеболотное» время. Она как институция не участвовала в чисто политических протестах, но, когда речь шла о сфере ее компетенции, не раз демонстрировала независимость и нежелание встраиваться в «вертикаль». В течение нескольких лет ей удавалось отстаивать автономию и противостоять ясно выраженным пожеланиям власти об административном подчинении Кремлю и об избрании своим президентом нужного кандидата. Собственно, окончательно поняв невозможность подчинить академию и не желая дальше терпеть не вполне подконтрольную институцию, власть и решила уничтожить ее.

Показателен хотя бы известный скандал с фильтрами Виктора Петрика. Поначалу несколько членов академии, в том числе высокопоставленных, поддавшись давлению сверху, дали более или менее положительное заключение о его деятельности, что могло бы позволить Петрику довести до конца свою аферу. Однако затем за дело взялся официальный орган РАН Комиссия по лженауке, которая не побоялась вступить в прямое противостояние не только с пользующимся могучей поддержкой Петриком, но и с его покровителем Борисом Грызловым, занимавшим в то время, если кто забыл, пост спикера Думы и лидера правящей партии. Комиссия по лженауке и ее члены пользовались во время этого противостояния поддержкой президиума РАН, в том числе и во время последовавших за заключением комиссии разбирательств в судах, где пытался отыграться Петрик. Таким образом, РАН именно как институция выступила если не против власти в целом, то против ее могущественных представителей самого первого ряда. Много ли было в России последних 15 лет государственных и общественных институций, осмеливавшихся на это?

Дмитрий Быков и его единомышленники, однако, об этом не помнят -не потому ли, что наука и ее проблемы в то допротестное для них время интересовали их так же мало, как сейчас, во время протестное? Подобных примеров немало: здесь и письмо 10 академиков против клерикализации школы, которое семь лет назад они нигде не могли опубликовать -в допротестный период никого из представителей даже и относительно свободной прессы это не интересовало, и выступление математиков против стандарта высшей школы, также не привлекшее ничьего внимания, и другие.

Зачем России наука и ученые?

Враждебное равнодушие «прогрессивной общественности» вызвало в академическом сообществе характерную для российских интеллигентов реакцию: ученые стали винить себя в том, что мало объясняли народу, над чем они работают и для чего вообще нужна наука, и мало занимались просвещением и популяризацией. В этом есть доля истины -и немалая. Верно и то, что пресс-служба РАН всегда работала крайне неэффективно: даже и в последние месяцы, когда академия отчаянно нуждалась в медиаподдержке, заинтересованные журналисты жаловались на то, что получить от нее маломальскую помощь или даже официальные комментарии было совершенно невозможно (действовала ли она по инерции в прежнем режиме или следовала желанию той части академического истеблишмента, которая стремилась прежде всего не раздражать начальство,— судить трудно).

При этом контакты с противниками академии в правительстве или Министерстве образования для журналистов были гораздо проще, соответственно, даже некоторые вполне добросовестные издания, в том числе иностранные, отражали главным образом официальную точку зрения. Противоположный взгляд был представлен в основном членами «академического сопротивления», говорившими от собственного имени, а не от имени РАН как институции.

В то же время, как представляется, не вся вина лежит на ученых. Если в обществе возникает вопрос, зачем вообще нужна наука и не дармоеды ли ученые, это общество явно не в порядке (кстати, это настроение было в первые дни июля в афористичной форме выражено все тем же Быковым: «Зачем нужна России Академия наук при отсутствии в ней науки?» заявление столь

же ангажированное, сколь и выдающее его слабую информированность). Популярные лекции можно читать, если у кого-то есть потребность их слушать. В действительности попыток популяризации и просветительства было не так мало, но они наталкивались на отсутствие интереса в обществе. Немногие успешные проекты в этой сфере не могут соперничать в популярности, а значит, и в коммерческом успехе с разного рода лженаучными публикациями и телевизионными передачами, начиная с советов астрологов и кончая псевдонаучными произведениями Льва Гумилева или фильмами о загадках Вселенной и пришельцах, которыми заполнено эфирное время центральных каналов телевидения.

Поддерживать их готов не только невзыскательный зритель, но и профессиональное сообщество журналистов, присудившее, например, несколько престижных наград абсурдному фильму «Великая тайна воды», и некоторые властители дум «прогрессивной общественности», вроде Гарри Каспарова, адепта «новой хронологии» Фоменко. Если не говорить о специализированных изданиях, очевидно маргинальных, даже в лучших СМИ редко встретишь журналистов, специализирующихся на научной тематике: обычно наука проходит по разделу «Общество», а редакционная политика отводит научным новостям последнее место, далеко уступающее новостям о драке между футбольными болельщиками, а тем более об убийстве какого-нибудь уголовного авторитета.

Так что просветительством и популяризацией заниматься, конечно, надо, но вряд ли от этого будет толк, пока в обществе не изменятся приоритеты и не сформируется (если сформируется) поколение, более восприимчивое к ним. При нынешней ситуации, боюсь, ученые, наука и интересующиеся ими так и останутся маргиналами и для «креативного класса», и для более широких кругов общественности.

Размышляя об этих странностях отношений между обществом и учеными, я вспомнил историю, рассказанную в середине 90-х гг. академиком В.Л. Гинзбургом. В то время расположенная рядом с Физическим институтом, где он работал, академическая столовая была передана в частные руки и на ее месте открылся ресторан. По условиям аренды сотрудники академии могли продолжать в нем обедать за полцены. И вот, обедая по многолетней привычке в этой столовой-ресторане, Гинзбург оказался за соседним столиком с группой сотрудников близлежащего банка: менеджером лет 25 и тремя совсем юными барышнями, очевидно его подчиненными. Менеджер, указывая на будущего нобелевского лауреата, назидательно сказал одной из своих спутниц: «Смотри, вон сидит академик, а получает меньше тебя». Что было чистой правдой. Барышня пожала плечами и ответила: «А кто его просил становиться академиком?»

Тогда я это воспринял как забавный случай вроде модных в то время анекдотов про новых русских, но сейчас мне кажется, что здесь отразилось важное явление -смена поколений с разным отношением к ценности науки и знания. Со всеми оговорками, которые можно сделать, в России и СССР характерное для всей Европы уважение к интеллекту и знанию, пусть и непонятному, и бесполезному, сохранялось до начала последнего десятилетия XX в. Затем началась быстрая деинтеллектуализация, сопровождавшаяся утратой престижа и знания вообще, и его носителей -ученых и прочих умников. Молодой менеджер, выросший еще при «старом режиме», хотя и принявший уже новые правила игры, все же считал удивительным, что академик зарабатывает меньше, чем начинающая банковская служащая, только что окончившая школу. Несмотря на небольшую разницу в возрасте, эта служащая принадлежала уже к следующему поколению, для которого такая ситуация была вполне нормальной, а академики казались странными людьми, выбравшими бессмысленное занятие, не приносящее денег; ясно, что этим людям некого винить в своем теперешнем жалком положении.

Не надо думать, что такие взгляды были характерны только для необразованной части общества или были в нем маргинальны: опыт последнего времени убеждает в том, что они характеризуют довольно большой слой людей и даже могут считаться поколенческой характеристикой. Вспоминаю в связи с этим разговор второй половины 90-х годов с одним юношей того же поколения, что упомянутая банковская служащая, но сыном научного сотрудника, вращавшимся во вполне интеллектуально-богемных кругах. Он довольно красноречиво доказывал, что занятия наукой скучны, а фундаментальная наука никому не нужна, что ученых нечего содержать за общественный счет, так что вполне справедливо, что они сидят на нищенской зарплате, а те, кто на это соглашается, ни на что более не способные дураки. Теперь это видный представитель «креативного класса», издающий журнал, специализирующийся на элитных спиртных напитках. Не знаю, сохранил ли он радикализм своих юношеских взглядов, но что проблемы РАН его совершенно не интересуют -это точно.

Сейчас, спустя почти 20 лет, это поколение с его отношением к интеллекту и науке выросло и определяет лицо страны, оно доминирует и во власти, и в оппозиции. Так что власть вполне может поступать с наукой и учеными как захочет: единственное ограничение для нее -это ее собственные экономические и политические интересы и собственные представления о здравом

смысле, которые, впрочем, могут сильно отличаться от обычных, как в очередной раз показало внезапное закрытие Российской книжной палаты. Реакция общества в любом случае, похоже, так и будет вялой и равнодушной (закрытие Книжной палаты, кстати, прошло почти незамеченным): ведь это личное дело этих умников, никто их не просил становиться академиками.

http://www.vedomosti.ru/opinion/news/21261611/kto-ih-prosil-stanovitsya-akademikami

25. Обращение председателя оргкомитета Конференци научных работников академика В.Е. Захарова к участника

Март 2014

Дорогие друзья!

По личным причинам я не могу принять участие во второй сессии нашей Конференции, хотя считаю её важнейшим для российской науки событием. Когда в июне прошлого года было озвучено решение правительства о кардинальной реформе управления наукой, о передаче этого управления чиновникам, об объединении трёх академий и превращении объединенной Академии в бесправный клуб учёных, не имеющий никаких полномочий, мы поняли, что России угрожает опасность, даже две опасности.

Во-первых, стало ясно, что страна может совершенно потерять свой научный потенциал, и так очень сильно пострадавший из-за политики правительства, начавшейся в 1991 году. Тогда было фактически заявлено, что наука России не нужна. Потом этот тезис смягчился, но пренебрежительное и сугубо утилитарное отношение к науке осталось. Новая инициатива правительства грозила нанести науке новые невосполнимые потери.

Во-вторых, эта инициатива представляла собой сильнейший удар по тому хрупкому гражданскому обществу, которое в России всё-таки существует. Потому что тотальная бюрократизация науки означает подавление академических свобод. А академические свободы являются неотъемлемым атрибутом демократии. Пусть в искаженном и урезанном виде, но академические свободы существовали в течение всей истории российской истории, начиная с учреждения Российской Академии наук в 1725 году. Даже в тоталитарное сталинское время Академия наук была некоторым островком демократии, хотя и очень ограниченной. Недаром именно с протестных писем академиков началось в стране диссидентское движение. Осознавая всё это, мы начали борьбу. Мы организовали Клуб первого июля. Мы в сжатые сроки провели первую Конференцию научных работников, в которой приняло участие более двух тысяч человек. Наши активисты написали десятки статей против реформы и дали множество интервью различным СМИ. Мы собрали 119 тысяч подписей с протестом против принятия закона о реформе науки. Мы учредили Комиссию общественного контроля за ходом и результатами реформ в сфере науки.

Добились ли мы чего-нибудь? Да, наше сопротивление помогло затормозить молниеносное принятие закона о реформе управления наукой, в результате он был принят в несколько смягченной форме. Ни один академический институт пока не закрыт, на вопрос об академической собственности наложен мораторий, и правительство обещает повысить учёным зарплату. И главное, отношение общества к науке изменилось, на мой взгляд, в лучшую сторону. По крайней мере, тезис «Россия может обойтись без науки» сейчас вряд ли кто-нибудь отважится произнести слух. Это, конечно, небольшие успехи. И даже их мы не вправе приписывать только себе. Существует некий объективный ход истории. Но доля нашего труда в этих скромных успехах есть.

Но закон все-таки принят, новое ведомство, управляющее наукой, ФАНО, уже создано и посылает в институты инструкции. Слияние трех академий, против которого мы протестовали, произойдёт 27 марта. Борьба за эффективное развитие российской науки еще впереди.

И вот — вторая конференция научных работников, которой я желаю максимального успеха. Важно, что она опять многочисленная. Важно, что на ней будут присутствовать и выступать руководители ФАНО и Российского научного фонда, тем самым демонстрируя, что они готовы к диалогу. Я хотел бы, чтобы на Конференции снова ясно прозвучали основные идеи нашего движения:

Во-первых: Наука должна управляться учёными. Администраторы должны вмешиваться в научный процесс самым минимальным образом.

Во-вторых: Наука в России остается непозволительно недофинансированной. Учёные должны всячески разъяснять обществу этот факт, добиваться увеличения финансирования и достойной оплаты своего труда.

В-третьих: Мы должны обращаться к российскому обществу со следующим посланием: дело науки — это не только дело учёных. Это дело всего общества. И не только потому, что без науки невозможен технологический прогресс. Потому ещё, что наука является главным барьером на пути всяческого мракобесия и шарлатанства, которое сегодня, как никогда, активно. И потому еще, что страну, не имеющую сильную и развитую науку, никто в мире не будет уважать, какие бы олимпиады она не проводила.

И последнее. Мы живём в сложное и трудно предсказуемое историческое время. В российском обществе наблюдается глубокий раскол между немногими и большинством, он имеет место, в том числе, и в научном сообществе. Мы должны относиться к этому спокойно и взвешенно как к объективно существующему факту. Наука — уникальный вид человеческой деятельности, в которой могут и должны сотрудничать люди самых разных политических взглядов. В недавнем прошлом члены нашего «движения за защиту науки» отвергали союзничество с людьми, имеющими другие идеологические преференции, но заинтересованными в защите российской науки не меньше нас. Мы не должны повторять этих ошибок, мы не можем себе этого позволить.

Далее. Сегодня существует угроза если не изоляции, то отчуждения России от западного мира. В этой ситуации роль науки как связующего звена между людьми и странами особенно возрастает. Поэтому мы должны стремиться развивать международное сотрудничество, в том числе с членами российской диаспоры за рубежом. Пока в этом направлении сделано недостаточно. И ещё одна болевая точка — конфликт с Украиной. Разные люди имеют на него разные точки зрения, но одно очевидно — нам следует всячески продолжать и развивать сотрудничество с украинскими коллегами, организовывать совместные конференции, семинары, добывать совместные гранты.

Не может быть «российской науки», есть только одна наука — мировая, и есть её анклав в России, за развитие которого мы и боремся. Ради этого и созвана вторая сессия Конференции научных работников, успеха которой я ещё раз хочу пожелать.

Владимир Захаров

26. Мы должны быть услышанным

8 апреля 2014

Александр Кулешов
Академик РАН
ТрВ-Наука

25 марта 2014 года в ФИАНе состоялась вторая сессия Конференции научных работников. Форум открылся выступлением директора ИППИ РАН, академика, сопредседателя Оргкомитета конференции ***Александра Кулешова.***

Цель моего выступления это, прежде всего, рассказать, зачем мы здесь собрались. Текст выступления коллективный, он согласовывался со всеми членами оргкомитета. В конце я, может быть, добавлю несколько слов от себя, но тогда предупрежу.

В чем цель сегодняшнего события, чего мы вообще хотим добиться? Этот вопрос неоднократно возникал в переписке со всеми потенциальными участниками конференции. Для того чтобы дать на него ясный и вразумительный ответ, давайте вспомним, что произошло за последние полгода. Мы знаем, что, несмотря на массовые протесты, несмотря на 120 тысяч собранных подписей, несмотря на митинги, демонстрации, письма зарубежных ученых,— несмотря на всё это закон о РАН был принят. На сегодняшний день это — данность, обсуждать которую нет смысла.

Закон принят, и мы в нем живем, как бы то ни было. Впрочем, как уже было сказано в письме В.Е. Захарова, закон был принят в не самой катастрофической для нас редакции. Я мог бы остановиться на том, что мы считали самой катастрофической, но думаю, что сейчас не время и не место об этом говорить. Мы были настойчивы, и в итоге, как та самая лягушка из сказки, которая попала в кувшин с молоком, масло мы, конечно, не взбили, но какую-то промежуточную субстанцию, несомненно, создали. Что, безусловно, нам помогло. При этом вклад нашей конференции, которую в августе месяце мы объявили постоянно действующей, здесь вряд ли стоит недооценивать.

Вскоре после нашего первого собрания, нашей первой сессии конференции, мы провели собрание десяти общественных организаций. Среди них были и абсолютно официальные организации, такие как Президиум РАН, Профсоюз работников РАН, а были и полуфольклорные, как упоминаемый здесь «Клуб 1 июля». Такое название дали ему средства массовой информации. На этом собрании была учреждена общественная Комиссия по контролю за реформами в сфере науки. В число организаций-учредителей входили одиннадцать объединений, которые вы можете видеть на слайде. Первое собрание избрало секретариат. Деятельность нашей Комиссии можно увидеть на сайте www.rasconference. ru, многие из вас его знают и неоднократно им пользовались.

Сейчас о главной цели нашей конференции. В нашем письме-приглашении на конференцию мы попытались сформулировать ее мотивы, цели и ожидаемые последствия, ожидаемые результаты. На самом деле, главным результатом должно быть следующее: мы должны быть услышаны, мы должны стать частью того механизма, который принимает решения. Ведь что произошло в последнее время? Если раньше существовала хотя бы виртуальная возможность быть услышанными для всех сотрудников Академии наук, не одних только членов Общего собрания членов Академии, а обычных, рядовых сотрудников институтов, если ранее они имели механизм участия в Общем собрании РАН, то сейчас этот механизм полностью утрачен. Для нас очень важно его восстановить. А здесь, на конференции, обсудить, в какой форме мы сможем выработать механизм обратной связи с тем, чтобы мы были услышаны.

По нашему замыслу конференция должна объединить работающих ученых, людей с активной гражданской позицией, неравнодушных к судьбе российской науки. На этой базе следует выработать некоторый механизм участия этих людей в процессах реформирования науки. Мы очень рады, что здесь присутствуют все ключевые фигуры тех процессов, которые сегодня проходят. И что все они, я надеюсь, нас услышат. Поэтому мы все постараемся быть максимально краткими, чтобы выступило как можно больше народу, как можно больше информации получили наши гости, да и мы сами.

В чем мы видим главные опасности? Возможно, они будут возникать по ходу дела, но что мы имеем на сегодняшний день? Первая и главная опасность — это методика оценки институтов, и самое главное, как она будет использована для слияния, поглощения, закрытия институтов и отдельных лабораторий. У нас есть очень ясное, точное представление о том, как эти механизмы должны работать. И мы хотели бы, чтобы эти механизмы были публично обсуждены, в том числе и с участием, прежде всего, научной общественности.

Вторая опасность — это сокращения. Ни в коем случае не подумайте, что мы не понимаем, что уровень институтов, лабораторий, научных групп и отдельных сотрудников в нашей среде чрезвычайно разнится. Но здесь есть две очевидно разных трактовки термина «сокращение». Сокращение как обновление — это естественный процесс, как смена времен года в природе, пожилые уходят, на смену им приходят молодые. Конечно, мы хотим обновления кадров, конечно, мы хотим улучшения кадрового состава. А вот сокращение ради уменьшения численности — это совершенно другое дело. Интеллектуальный гумус, который и позволяет развиваться науке в нашей стране, страшно истощился, и любое неосторожное движение может привести к катастрофическим результатам. Возникнет лунный ландшафт, после которого на много поколений исчезнет индивидуальный, плодородный слой. И потребуется много поколений для того, чтобы его восстановить. И вот здесь нужно быть чрезвычайно осторожными. Когда я слышу высказывания, что нужно сократить на 50 или 60%, то не нахожу слов, чтобы выразить свое возмущение. Еще раз повторяю, мы рискуем превратить нашу страну в лунный ландшафт в интеллектуальном смысле.

Есть еще один вопрос, который вызывает сегодня огромное беспокойство научного сообщества, это типовой устав института ФАНО. Вот пример: в типовом уставе функции ученого совета полностью отданы на откуп директору. Это абсолютно противоречит и академическим традициям, и вообще идее самоуправления науки. Этого не может быть, не должно так быть. Мы должны объяснить нашим коллегам, потенциальным оппонентам, что так делать нельзя. Еще есть один крайне важный вопрос, мы не понимаем внедряемые сегодня структуры, мы не понимаем, как будет работать ФАНО, РАН, институты, кто кому будет подчиняться. Я, например, как директор уже ощущаю свое подчинение ФАНО, и вроде бы это правильно в бюрократически-администра-

тивном смысле. Как будет работать эта триада, а, может быть, даже не триада, а тетрада, ведь есть еще и Министерство образования и науки — не знаю.

Это некая общая часть и я хотел бы ее завершить, еще раз повторив: основная цель нашей конференции — это совместная выработка механизмов участия научного сообщества в реформировании российской науки.

Ну, а теперь, если можно, несколько слов от себя лично. Может быть, все это и не так пессимистично, как кажется. Но ведь вы знаете этот старый анекдот: «"Пока вроде всё идет нормально",— думал парень, пролетая мимо 18-го этажа». В качестве представителей Комиссии общественного контроля мы дважды встречались с руководителем ФАНО, и я тут пренебрегу академической традицией, которая предписывает о начальстве говорить в присутствии либо плохо, либо никак, я все-таки скажу два слова. На нас эти встречи произвели хорошее впечатление, действительно хорошее. Но не надо иллюзий, совершенно понятно, что любой руководитель, любой администратор, любой функционер живет в определенных ограничениях, рамках и критериях, которые ему спускаются сверху. И если он сегодня эти ограничения нарушает, то завтра фамилия руководителя уже другая. Поэтому важно понять, что на самом деле происходит, а ограничения, я приведу только два, они очень тяжелые.

С одной стороны, Президент велел поднять зарплату ученых, чтобы она была выше средней по региону, а с другой стороны, финансирование академии монотонно уменьшается. Это, знаете, решение задачи Иисуса Христа, как пять тысяч верующих накормить пятью хлебами и двумя рыбами. Я думаю, Михаил Михайлович на меня не обидится, если я скажу, что на Иисуса Христа он не похож. С этой задачей справиться будет сложно. По-видимому, здесь нужен коллективный разум и коллективное решение. Мы очень надеемся, что наши гости сегодня включатся в этот процесс. Спасибо.

http://trv-science.ru/2014/04/08/my-dolzhny-byt-uslyshannymi/

27. Как реформировали Российскую академию наук

8 мая 2014 г.

Аскольд Иванчик
член-корреспондент РАН
Записала Юлия Рыженко
Colta.ru

Доктор исторических наук Аскольд Игоревич Иванчик излагает свою версию внезапной реформы Российской академии наук — ее причины и последствия для российской науки.

Как была устроена РАН

Академия наук была основана указом Петра I 290 лет назад. За свою историю она пережила ряд трансформаций, и тот вид, в котором она существовала до 1 января этого года, она приобрела к 1930-м годам (хотя некоторые существенные изменения происходили и позже, в частности, в 1992 г.). Начиная с 1930-х РАН превратилась в главный центр научных исследований в Советском Союзе, а затем в России и ряде постсоветских государств.

Сотрудники РАН занимались в первую очередь научными исследованиями, и в их обязанности не входило преподавание. Соответственно студенты в академических учреждениях за редкими исключениями (базовые кафедры МФТИ) отсутствовали, но большую роль играла аспирантура, которая рассматривалась не столько как последний этап образования, сколько как первый этап научной работы — все аспиранты вели научные исследования. Сейчас эта концепция меняется: согласно мнению Министерства образования, аспирантура — это последний этап обучения, а научная составляющая здесь не играет особой роли. По этой концепции аспирантура не обязательно должна заканчиваться защитой диссертации, что раньше было необходимым условием для успешного ее окончания. Это изменение к худшему.

Впрочем, настоящего разрыва между академией и университетами никогда не было: многие сотрудники академии преподавали и в советское время, а в последние двадцать лет подавляющее большинство преподает на условиях совместительства. То есть связь между академией и уни-

верситетами существовала в форме как бы «личной унии»; хотя в последние годы появились и собственно академические университеты.

Если сравнивать РАН и всю остальную науку, то по статистике прошлого года из ученых, занятых в гражданских исследованиях в России, в РАН работало примерно 17%. Основной показатель работы ученого — это публикации; так вот, эти 17% ученых обеспечивали 55% российских публикаций, причем наиболее высокого уровня. На них же приходится большая часть цитирований (в том числе международных). Если взять эти цифры, то получается, что в среднем ученый, работающий в академии, в шесть раз продуктивнее ученого, работающего за ее пределами. Причины этого в том, что сотрудники университетов перегружены преподаванием, а также и в том, что в академии бюрократическая нагрузка до сих пор была гораздо меньше. На университетских преподавателей всегда давило то, что помимо преподавания им нужно писать много отчетов, учебно-методических планов, пособий, заявок и т.д. Соответственно активные ученые стремились работать в академии, что приводило к оттоку кадров из вузовской системы.

Такая организация науки довольно специфична и отличается от той, что принята во многих других странах. В большинстве европейских стран (Франции, Германии, Италии, Испании и др.) есть чисто научные учреждения, сходные с РАН, но университеты играют не меньшую, а часто и большую роль в научных исследованиях, и их профессора обязаны не только преподавать, но и заниматься исследованиями. Они делят свое время примерно пополам между задачами образования и задачами науки. Кроме того, активно занятые исследованиями профессора могут и вовсе сводить свою преподавательскую нагрузку к минимуму: получая крупные гранты, они могут «выкупать» свое рабочее время — нанимая преподавателей, которые будут нести их нагрузку; при этом себе они оставляют, например, один час лекций в неделю, и он к тому же может читаться «модульным» методом — единым блоком за две недели. В СССР преподаватели вузов тоже должны были вести исследования, но их главным занятием считалось преподавание; эта ситуация не изменилась и в постсоветский период. В России нагрузка на преподавателей гораздо выше, чем на Западе. Профессор университета в Европе или в Северной Америке преподает 4–6 часов в неделю, российский — примерно 18–20 часов. В Европе максимальная нагрузка на преподавателя — 290 часов в год, у нас — 900 часов в год. В таких условиях на исследования остается очень мало времени и сил, и те профессора, которые при полной нагрузке успевают вести исследования,— настоящие герои.

С точки зрения организации РАН являлась одновременно «научным обществом» (как говорят на Западе) и исследовательской организацией. Структурно это выглядит следующим образом: главная единица — это исследовательский институт, внутри которого есть своя структура, отделы, лаборатории, сектора и т.д. Институты объединены в тематические отделения (историко-филологическое отделение, отделение физики, отделение химии и т.д.). Отделения, в свою очередь, составляют академию. Есть еще региональные отделения и научные центры (Сибирское отделение, Петербургский научный центр и др.). Институты, находящиеся вне Москвы, входят одновременно в тематические и региональные отделения или научные центры. Отделения являются структурными подразделениями академии не только как исследовательской организации, но и как научного общества. Члены академии (академики и члены-корреспонденты, членство в академии двухступенчатое) входят каждый в соответствующее отделение (и тематическое, и региональное). Быть избранным членом РАН и в дореволюционной, и в послереволюционной России было высшим признанием научных заслуг. Выборы проходят по тем же принципам, что и в других научных обществах: членов-корреспондентов выбирают академики и члены-корреспонденты, а академиков могут выбирать только академики. Академики и члены-корреспонденты каждого отделения выбирают из своей среды академикасекретаря, который руководит отделением. Высшим органом академии является общее собрание, которое выбирает президента, вице-президентов и президиум РАН.

Одна из важнейших функций отделения — выборы директоров институтов, входящих в это отделение. До 1992 года голос научных сотрудников при этом никак не учитывался, директор выбирался академиками и членами-корреспондентами. В 1991–1992 годах произошла реформа, которая существенно усилила роль простых научных сотрудников. Начиная с этого времени членами общих собраний отделений и всей академии, которые решают все важные вопросы, стали также и представители институтов. От каждого института в зависимости от его численного состава выбирался делегат (если не ошибаюсь, один на каждые 100 человек), который имел те же права, что и члены академии. В том числе он имел право голоса при выборе директоров и иных голосованиях, за исключением выборов новых членов-корреспондентов и академиков. Кроме того, изменилась и процедура назначения директора. Раньше директора выбирало только отделение, а с 1992 г. кандидата в директора выдвигали или ученый совет института, или общее собрание

его научных сотрудников, или члены академии. Все выдвинутые кандидаты регистрировались и представляли свои программы, после чего общее собрание научных сотрудников института выражало свое мнение тайным голосованием. Окончательное решение оставалось за отделением, которое выбирало директора тайным голосованием (с участием представителей институтов) из числа представленных институтом кандидатов. Отделение не было обязано следовать мнению сотрудников института, но результаты их голосования всегда были наиболее весомым аргументом в дискуссии, и для того, чтобы пойти против мнения сотрудников, отделению необходимы были очень серьезные причины.

Как явствует из приведенных выше данных по публикациям, по состоянию на 2013 год РАН была наиболее эффективно работающей научной институцией среди имеющихся в России. Конечно, были и недостатки, и внутри научного сообщества существовала довольно большая группа людей, которые требовали реформ. Они, в частности, указывали на то, что члены РАН занимают слишком большое место в жизни академии, что нужно расширять самоуправление и представительство сотрудников, ввести обязательную ротацию и сменяемость руководства академии и директоров институтов (президент Ю. С. Осипов возглавлял РАН 22 года, и его деятельность, особенно в последний период, у многих не вызывала одобрения). Указывалось на то, что средний возраст членов академии слишком высок. Правда, академия пыталась с этим бороться: неоднократно вводились специальные вакансии для ученых возрастом до 50 лет. Однако такой подход имеет и плюсы, и минусы: например, это значит, что крупный ученый, которому 51 год, имеет меньше шансов быть избранным, чем более молодой, но менее крупный ученый.

Что касается коррупции, о которой так много говорят, то одним из ее проявлений является защита так называемых фальшивых диссертаций — их поиском успешно занимается в последнее время Диссернет (dissernet.org). К настоящему времени он провел уже, кажется, несколько тысяч экспертиз и выявил настоящие «фабрики» фальшивых диссертаций, производящие их десятками. При этом выяснилось, что такие фабрики существуют почти исключительно в вузах, а академия затронута этим позорным явлением в гораздо меньшей степени.

Конечно, были и различные злоупотребления в хозяйственной сфере, в первую очередь проблемы со строительством домов, распределением квартир. По сравнению с большинством других ведомств — это детские шалости (часто речь идет о нарушении не закона, а этики), но тем не менее злоупотребления были, и на это тоже указывали критики и реформаторы внутри академии.

В общем, критика внутри РАН была довольно существенной, и среди академиков сложилась сильная группа реформаторов, которая планировала изменить систему. Борьба с консерваторами внутри РАН была долгой и завершилась победой реформаторов — президент В. Е. Фортов, избранный в мае 2013 года, представлял эту группу.

Правительственная реформа РАН и ее причины

Новоизбранному президенту В. Е. Фортову и его сторонникам не было суждено осуществить их программу. Менее чем через месяц после избрания Фортова, когда он еще не был утвержден в своей должности президентом РФ В. В. Путиным, как того требуют действующие с 2008 г. правила, началась правительственная реформа РАН, которую было бы вернее назвать ее уничтожением.

Реформа была проведена как настоящая спецоперация. О том, что она готовится, не знал никто, не было никаких утечек информации. Даже на уровне замглавы профильного министерства об этом, похоже, не было известно до последнего дня. В какой момент о реформе узнал министр образования и науки Д. В. Ливанов — непонятно, сам он говорил, что с реформой согласен, но в ее разработке не участвовал. Авторы реформы так до сих пор и не названы, об их именах можно только гадать. Не знал о ней и президент академии. Фортов был вызван в правительство вечером 26 июня, и ему был показан проект закона, который на следующий день должен был обсуждаться в правительстве. Дальше он провел ночь в дискуссиях с Д. В. Ливановым и О. Ю. Голодец, пытаясь найти хоть какой-то компромисс,— безуспешно. На следующий день было заседание правительства, где был предложен этот закон — чуть ли не семнадцатым пунктом повестки дня. О том, что этот закон вносится, не знали даже ключевые министры. Не знал министр обороны Шойгу (а РАН связана и с оборонными заказами). Не знал министр иностранных дел Лавров, не знал министр сельского хозяйства Федоров, хотя это касалось и сельскохозяйственной академии. Конечно, им это не понравилось. Но все возражения возмущенных министров были отклонены: премьер-министр Д. А. Медведев заявил, что решение было принято на высшем уровне. Учитывая, как складывалась судьба этого закона, сомневаться в этом не приходится. Закон был внесен в Думу на следующий же день, что происходит крайне редко. Это была пятница, а уже в понедельник он был принят в первом чтении, без всякого общественного обсуждения, пред-

усмотренного обычными процедурами. Прохождение его во втором и третьем чтении через Думу планировалось в течение недели, и лишь благодаря начавшимся протестам, которых власти, по-видимому, не ожидали, принятие закона было перенесено на осень, а в его текст были внесены некоторые изменения.

Как сама реформа, так и методы ее осуществления были таковы, что все разногласия внутри академии — между консерваторами и реформаторами, академиками и неакадемиками, молодыми и старыми учеными, традиционалистами и западниками — были забыты и против реформы выступили практически все российские ученые. Возмущенные письма пришли и от многих западных коллег, в той или иной мере знакомых с ситуацией в российской науке.

Эта реформа имеет свою предысторию, которую полезно иметь в виду, чтобы лучше понимать, что произошло с академией. Надо сказать, что академия давно вызывала раздражение власти. Главная причина этого, на мой взгляд, была в неполной ее подконтрольности и управляемости. Пожалуй, общим местом в научной среде является тот принцип, что руководство наукой должно осуществляться на основе самоуправления и что учеными должны руководить ученые, а не чиновники. Человек, который некомпетентен в области науки (даже если он хороший управленец), не может и не должен руководить наукой. В этом сходятся все ученые, разногласия касаются путей реализации этого принципа. И это общемировой принцип.

Чиновники, желающие руководить всем, с этим принципом не согласны и стремятся подчинить себе и научные структуры — как у нас, так и за границей. Между учеными и чиновниками идет постоянная борьба, и в разных странах они представлены в управлении наукой в разных пропорциях, но в целом в мире победа остается за учеными — просто потому, что чиновничье руководство губит науку и те страны, которые хотят ее сохранить, от него отказываются. Главным пунктом внутриакадемической критики академии было как раз то, что в ней самоуправления недостаточно. Правительственная реформа предполагает полную его отмену, так что неудивительно, что у правительственных и внутриакадемических реформаторов общее только название — изменения, которые они предлагают, направлены в противоположные стороны. Академия построена на самоуправлении. Как ни критикуй академиков и членов-корреспондентов, никто не может отрицать, что они — ученые, бывшие или действующие. Среди членов академии большинство — хорошие ученые. Есть, конечно, и плохие, есть и такие, кто вовсе перестал заниматься наукой. Но даже и они занимались наукой в прошлом, вышли из академической среды и хорошо себе представляют, что такое наука и какие у нее нужды.

Поскольку это самоуправляющаяся организация, то внутри академии всегда существовал дух академической свободы и академической вольности — куда больший, чем, например, в университетах. В СССР она была, скорее всего, единственным важным учреждением, где были реальные выборы, результат которых не был предрешен. Поскольку государство нуждалось в ученых и чувствовало свою зависимость от них, главным образом, конечно, от физиков, которые делали атомное оружие, оно позволяло им больше, чем остальным гражданам, и давало относительную свободу. Физики до сих пор в РАН остаются авангардом в этом отношении. И всем известно, что академика Сахарова, который был главным диссидентом, из академии так и не исключили, несмотря на давление со стороны властей.

В то же время логика организации власти в нынешней России — это строгая вертикаль, Путин это никогда не скрывал. А если у вас все институции в стране встроены в эту вертикаль, то, когда остается одна, которая в нее не входит, создается диссонанс. Так что простые соображения логики требуют устранения этого диссонанса. Почему академия должна оставаться не полностью подконтрольной, если все находится под контролем? Это, очевидно, и является главной причиной разгрома академии, который мы наблюдаем.

Попытки подчинить академию начались примерно в 2004–2005 году. Началось с критики академии со стороны Кремля и подконтрольных ему СМИ. Одним из лозунгов этой кампании было то, что академия — это пережиток советского прошлого, это институт, которого нигде нет, что нужно все устроить как на Западе, то есть всю науку переместить в университеты. Академию нужно отрезать от институтов и сделать клубом ученых, который ни на что не влияет. Руководство институтами должно осуществляться отдельно от РАН. Эту идею активно продвигал А. А. Фурсенко, бывший министр образования и науки, ее сторонником был и нынешний министр Д. В. Ливанов, занимавший тогда пост заместителя Фурсенко.

Другим упреком было то, что у РАН слишком много собственности, которую она неэффективно использует, с намеком на то, что она еще и разворовывается. Хотя в действительности собственность, бывшую у академии к концу 80-х годов, она в основном имеет и сейчас. Это одно из не-

многих государственных учреждений, которое сохранило, а не разбазарило и не приватизировало собственность. Впрочем, формально говоря, у академии собственности нет, все принадлежит государству, есть только собственность, переданная академии в оперативное управление. Это здания, в которых находятся институты, разные земельные участки, ботанические сады, опытные хозяйства, астрономические обсерватории, разное сложное оборудование, библиотеки, архивы, кроме того, социальная инфраструктура: больницы, поликлиники, санатории и пр.

Первая попытка реформы академии была поручена Д.В. Ливанову, бывшему тогда заместителем министра. Предлагался устав академии, согласно которому руководство передавалось от избираемого президиума так называемому попечительскому совету, который должен был формироваться на следующих основаниях: по одной четверти назначалось администрацией президента, правительством РФ и Думой и одна четверть выбиралась самой академией. Соответственно руководство академией переходило бы в руки назначенных чиновников, которых было бы 3/4 против 1/4 ученых. За эту реформу шла довольно жесткая борьба, но тогда академии удалось отбиться, и в 2007 году был принят иной устав, разработанный самой академией, который действовал до марта этого года. Для Ливанова это было личным поражением, после этого он перестал быть замминистра, что не прибавило у него любви к академии. Так что, когда новым министром образования и науки назначили именно Ливанова, в академии многие заподозрили, что для нее наступают тяжелые времена. И, к сожалению, не ошиблись.

Параллельно происходила длительная история с Михаилом Ковальчуком, братом хорошо известного Юрия Ковальчука, человека, приближенного к Путину. М. Ковальчук — физик, член-корреспондент РАН, возглавлял Институт кристаллографии, директором которого стал еще в 90-е годы. Он очень хотел стать президентом академии, и власти этого тоже хотели по понятным причинам. Однако авторитет его среди членов отделения физики был очень низким, его не считали хорошим ученым и даже подвергали сомнению оригинальность его докторской диссертации (см. подробную экспертизу: http://www.dissernet.org/publications/kovalchuk.htm — вывод: результаты диссертации либо ошибочны, либо заимствованы без ссылок у других авторов). В любом случае, чтобы стать президентом, нужно быть академиком, а он являлся членомкорреспондентом. Провести же его в академики, несмотря на все усилия власти, не удавалось. Были даже недвусмысленные намеки Путина, хотя он, конечно, никогда прямо не заявлял, что необходимо избрать такого-то кандидата. Но Путин на моей памяти дважды приезжал на общие собрания с выборами и выступал — такого внимания президента академия не знала ни до, ни после. Перед очередными выборами вдруг вдвое повысили денежное содержание всем членам-корреспондентам и академикам. Но они все равно проголосовали не так, как надо.

Поскольку физики Ковальчука упорно не выбирали по своему отделению, власти решили зайти с другой стороны. Было решено создать новое отделение — нанотехнологий, в которое перевели некоторых академиков, поддерживавших Ковальчука, прежде всего Е.П. Велихова и Ж.И. Алферова. На это отделение власти выделили больше двух десятков дополнительных вакансий — случай невиданный. Конечно, в новом отделении со специально отобранными членами Ковальчук в академики прошел. Но выборы в академики двухступенчатые: сначала выбирают тематические отделения, кандидат должен набрать 2/3 голосов. Затем тех, кого выбрали отделения, окончательно выбирает общее собрание, то есть все академики РАН. И здесь тоже нужно набрать 2/3 голосов. И на этом втором этапе Ковальчука в очередной раз не выбрали — двух третей он не набрал.

Произошло это несмотря на совершенно беспрецедентную и довольно грубую попытку подкупа. Перед выборами было объявлено, что нанотехнологии — приоритетное направление, что теперь на его развитие правительство выделяет финансирование, значительно превышающее бюджет всей академии, и что если выберут Ковальчука, то финансирование пойдет через академию. Было сказано, что этими деньгами будет управлять Ковальчук, а если его не выберут, то финансирование пойдет в обход академии через специально созданную организацию. Но члены РАН на эти обещания не соблазнились, и действительно вскоре было создано РОСНАНО, через которое пошли эти деньги. Правда, Ковальчук контроля над ним не получил. Зато на базе руководимого им с 2005 г. Курчатовского института был создан Национальный исследовательский центр с тем же названием, куда были переданы исследовательские институты из разных ведомств (например, Росатома), в том числе из академии, и который получил финансирование, превышающее бюджет РАН. Огромное финансирование, которое обещалось академии в случае принятия правильного решения, таким образом, пошло мимо нее. Наконец, в мае 2013 года на том же общем собрании, на котором в президенты академии выбрали В.Е. Фортова, произошло еще одно событие, которое, я думаю, стало последней каплей. Впрочем, и кандидатура Фортова, по слухам, властями не одобрялась — они предпочитали оставить во главе академии Ю.С. Осипова, но поддержка его

была столь мала, что он предпочел снять свою кандидатуру.

Директора институтов, как я говорил, выбираются отделениями, в которые они входят. Ковальчук кроме своего директорства в Курчатовском институте был директором Института кристаллографии, обычного академического института, входящего в отделение физики. Это как бы его малая научная родина, оттуда он вышел, об этом институте заботился, используя свои возможности, и был там действительно популярен. Директор выбирается на пять лет, и как раз подошел срок переизбрания Ковальчуку. Он был единственным кандидатом, за которого почти единогласно проголосовало общее собрание сотрудников. В общем, ничто не предвещало неожиданностей — обычно в таких условиях голосование на отделении формальное. Однако авторитет Ковальчука на отделении физики был так невелик, что его не выбрали. Переголосовывали во второй раз, что обычно не делается. При втором голосовании он набрал еще меньше. И это была настоящая пощечина — на мой взгляд, совершенно лишняя и не вполне справедливая. Тем более что Ковальчук все равно остался директором, хотя и с приставкой «и.о.». По слухам, Путину эта история была преподнесена как символический враждебный акт, атака против него лично — мол, Ковальчук в очередной раз пострадал за свою близость к Путину. Как бы то ни было, через месяц началась реформа.

Сравнение этой истории с попыткой Н.С. Хрущева «разогнать к чертовой матери Академию наук» в 1964 г. уже стало чуть ли не общим местом. Тогда Хрущев тоже реагировал на строптивость академии — в частности, на публичную критику любимца партии Т.Д. Лысенко и провал на выборах в академики его соратника Н.И. Нуждина. Тогда академию спасло, видимо, только то, что Хрущев вскоре был снят со всех постов. Через полвека история повторилась — но на этот раз чуда не случилось.

Академия вела себя непокорно и к началу 2010-х оставалась единственной институцией, которая позволяла себе не следовать предписаниям сверху и делать это довольно демонстративно. Здесь следует напомнить и довольно хорошо известное «дело Петрика». Авантюрист Петрик, пользуясь поддержкой председателя Госдумы Грызлова, которого даже сделал своим соавтором, пытался получить огромное бюджетное финансирование на внедрение своих «чудо-фильтров» для очистки воды. Некоторые члены академии под давлением власти поначалу высказались о Петрике соглашательски, но затем в дело вступила Комиссия по лженауке РАН, которая вывела его на чистую воду. Руководство РАН поддержало комиссию, результатом чего был довольно острый конфликт с Грызловым и его протеже, продолжавшийся и в судах. Академия вышла победителем, но много ли было в России 2000-х институтов, решавшихся на прямую конфронтацию с председателем правящей партии и третьим номером в государственной иерархии? Думаю, и это проявление независимости академии не забыли. Как мне кажется, воля власти к тому, чтобы была вертикаль и не было институций, которые находятся не под контролем,— первый и главный побудительный мотив реформы РАН.

Второй причиной, но игравшей, на мой взгляд, гораздо меньшую роль, вопреки часто встречающемуся мнению, был интерес власти к собственности РАН, которую можно с успехом использовать для пополнения бюджета. Тем более в условиях, когда с его наполнением есть большие проблемы. Пока собственность в руках академии, с ней ничего нельзя сделать, передав же ее в руки агентства, входящего в правительство, эту собственность легко «оптимизировать». Впрочем, повторяю, собственность была скорее инструментом уничтожения академии, а не целью: это показывает и наложенный Путиным годичный мораторий на операции с академической собственностью. Не исключен здесь, конечно, и коррупционный интерес некоторых чиновников и близких к власти бизнесменов. Если бы началась приватизация таких лакомых кусков, как особняки в центре Москвы, появилось бы немало желающих нагреть руки. Однако не думаю, что эти соображения оказывали влияние на принятие решения о ликвидации РАН — слишком уж высок уровень, на котором оно принималось, по сравнению с возможными плодами приватизации.

Наконец, наряду с этими двумя, политической и экономической, причинами есть и причина идеологическая. У академии были довольно серьезные «идейные» противники, которые искренне, на мой взгляд, считали, что это неправильная система организации науки и все должно быть как на Западе. К этой группе принадлежат выходцы из академической среды, в первую очередь А.А. Фурсенко и Д.В. Ливанов — бывшие ученые. Они считают себя экспертами в организации науки, но в действительности у них довольно превратные и упрощенные представления о том, как устроена наука на Западе. Для них существует только одна модель — американская, где чисто научных институций, занятых фундаментальной наукой, действительно очень мало, почти все происходит в университетах. Но, скажем, про европейскую модель они не знают совсем ничего и игнорируют ее, хотя она гораздо ближе к нам и именно европейский опыт следовало бы использовать. А в европейских странах научные организации, сходные с РАН, играют большую роль.

В эту же группу «идейных» ненавистников входят влиятельные экономисты, близкие (сейчас или в прошлом) к власти, в том числе либеральные (среди них такие люди, как С.М. Гуриев, Е.Г. Ясин или В.А. Мау). Они всегда имели дело со своими коллегами-экономистами, ставшими академиками еще в советское время, а затем избравшими близких себе по взглядам более молодых коллег вроде С.Ю. Глазьева. Возможно, их научный уровень действительно невысок, мне трудно судить. Как бы то ни было, «прогрессивные» экономисты считали секцию экономики РАН прибежищем ретроградов, которые ничего не делают или предлагают вредные меры и вообще плохие ученые. Беда в том, что свой опыт они переносили на всю академию. Борясь с ней, они боролись с этими своими противниками по цеху. Поэтому, например, экономисты ВШЭ и РЭШ были по большей части противниками РАН, в разной мере радикальными.

Есть и еще одно обстоятельство, которое, вероятно, также внесло вклад в формирование враждебности к академии со стороны представителей этой группы. Как я сказал, они являются выходцами из академической среды и сами в разное время баллотировались в академию. Про Ковальчука я уже говорил, но и Фурсенко, и Ливанов, и Ясин — все они в прошлом баллотировались в академию и по разным причинам не прошли. В.А. Мау, например, совсем недавно почти стал членом академии — он был избран по своему отделению, но не получил необходимых 2/3 на общем собрании. На мой взгляд, это было несправедливо: голосование было явным образом мотивировано политически, и Мау поплатился за свою репутацию человека, близкого к Б.Н. Ельцину и Е.Т. Гайдару и вообще пришедшего из политики. И то, и другое для значительного числа академиков — плохая рекомендация. Так что здесь есть основания подозревать и личную обиду. Е.Г. Ясин, например, считает (он это говорил в одном интервью), что если за него не проголосовали, а он крупный ученый, то, значит, это плохая организация, которая не выбирает ученых. Примерно так же, наверное, думает и Д.В. Ливанов. В любом случае мне кажется, что критика институции со стороны людей, которые пытались в нее войти, но их не взяли, сильно теряет в убедительности: это напоминает известную басню про лису и виноград.

Последствия реформы РАН для науки

Главное содержание реформы — это отделение институтов от академии. Академия превращается в клуб ученых, ни на что не влияющий. За ним сохраняются какие-то экспертные функции, которые, однако, очень нечетко определены. Институты, отделенные от академии, переданы в специальный орган — Федеральное агентство научных организаций, ФАНО. В чем отличие ФАНО от академии? Главное отличие в том, что ФАНО состоит из чиновников и все его руководство назначается. Это принципиальная позиция, выразившаяся и в назначении первого руководителя Михаила Котюкова, который в науке не работал никогда, а был раньше замминистра финансов. Он даже кандидатскую не писал, у него нет ученых степеней, и в научной среде он раньше совершенно не был известен. И, я думаю, это сделано специально и демонстративно — как символ триумфа чиновников над учеными. Весь состав ФАНО тоже таким же образом назначен. Туда попало немало выходцев из академии, в том числе есть и действующие ученые, но они были именно назначены и в случае необходимости так же легко могут быть уволены. Таким образом, самоуправление отменено как принцип. Тот принцип, который лежит в основе научной организации,— учеными руководят ученые — ушел, и теперь учеными руководят чиновники.

Результат этого решения очевиден: компетентность принимаемых решений падает. Одновременно происходит бюрократизация. Объем бумаг и уровень бюрократизации обратно пропорциональны уровню компетентности. Чем меньше чиновник понимает в руководимой им области, тем больше он требует бумаг от своих подчиненных, которые должны объяснять на понятном ему языке, что они делают и что вообще происходит. Ему приходится вводить всякие формальные критерии для оценки деятельности. Он же должен понимать, какой институт и какой ученый работают хуже или лучше. Например, приходит к нему ученый и объясняет, что у него есть гениальный проект, на осуществление которого требуется финансирование, и приносит экспертизы в подтверждение своих слов. Как ему понять, кто перед ним — будущий Гейм или новый Петрик? Если решение принимает ученый, даже если он не специалист в соответствующей области, разобраться ему гораздо проще, чем чиновнику, не знающему по своему опыту, что такое наука. Чиновнику же приходится ориентироваться на формальные показатели, по которым он может принять решение, не вникая в суть дела.

Поэтому начали придумывать все новые и новые формальные и часто недействующие показатели. Все директора институтов, с которыми мне довелось говорить в последнее время, жалуются, что за первые четыре месяца существования новой системы объем бумаг вырос безумно — нужно подавать справки, писать нелепые отчеты, давать все новые и новые сведения, причем часто одно и то же в разных, но жестко регламентированных формах. Несколько раз в неделю, а то и в день приходит письмо от ФАНО, на которое нужно немедленно отвечать. А когда наукой

заниматься? Для специалистов эти формальности были не нужны — они судят по другим показателям. Разница между экспертной и формальной оценкой состоит в том, что при формальной оценке вырастает уровень бюрократизации, душащей ученых. Для них это непривычно и губительно. Время, которое ученые могли бы посвятить работе, они посвящают отчетам. А для чиновников это привычный модус жизни и деятельности, они иначе не умеют. Это главный вред, который происходит от реформы. При этом в выигрышном положении оказываются те, кто умеет писать отчеты и «накручивать» требуемые чиновниками формальные показатели,— а это очень часто совсем не те, кто ведет лучшие исследования.

Далее, совершенно непонятно, как будет действовать громоздкая система выборов директора института. Выборность как бы сохраняется, но выдвигают кандидатов совет при президенте РФ по кадрам и ФАНО с учетом мнения академии. Но «учет» — это такая расплывчатая формулировка, что совершенно непонятно, что она означает. Видимо, академии будет предложено выразить мнение, но никто не обязан ему следовать.

Кроме нового устава академии есть новый устав институтов, который пока в стадии обсуждения. И он тоже в очень плохую сторону меняет ситуацию в институтах. Раньше в них большую роль играл ученый совет, избиравшийся научными сотрудниками, и никакое серьезное решение без ученого совета директор принимать не мог. Сейчас в предлагаемом модельном уставе ученый совет упоминается, но правила его работы и объем полномочий оставлены на усмотрение директора. То есть самоуправление исчезает на всех уровнях.

В результате реформы также появились разные странности, очень мешающие жить. Например, все учреждения академии переданы в ведение ФАНО, и бюджет, который раньше был отпущен академии, теперь разделен между РАН и ФАНО. Академия издает научные журналы, и это очень важное направление научной и научно-организационной деятельности. Большая часть журналов, издаваемых и финансируемых РАН, выходила в издательстве «Наука», которое было подведомственно академии. Система была очень простая: есть часть бюджета, выделенная на издательскую деятельность, и академия эти средства переводит в подведомственное себе издательство «Наука». Теперь «Наука», как любое учреждение РАН, перешло в ФАНО, но средства на издательскую деятельность остались у РАН. В результате с 1 января издательство «Наука» не получило ни копейки на издание журналов, потому что это другое ведомство, а по закону академия не имеет права перевести деньги учреждению, подведомственному другой организации. И РАН, и ФАНО пытаются найти решение, но прошло несколько месяцев, а его нет. И так на каждом шагу. У нас есть две структуры, полномочия которых разделены недостаточно четко. Конечно, все это можно отнести к издержкам переходного периода. Однако с такого рода издержками легко мириться, если есть уверенность в том, что, перетерпев их какое-то время, в результате получишь значительное улучшение ситуации. Такой уверенности, однако, ни у кого нет. Кроме того, количество и масштаб этих издержек показывают, насколько непродуманной была эта реформа и в какой спешке она проводилась.

Еще один пример. Академия наук за 300 лет своего существования всегда была хранителем документов, коллекций, библиотек. Есть архив РАН, архивы и музейные собрания есть во многих институтах. Некоторые музеи (например, петербургская Кунсткамера) имели статус институтов РАН и вели серьезную научную работу. В архиве академии хранятся очень ценные документы, например, бумаги Петра I и Екатерины II, документы Ломоносова и Эйлера, архивы академии и личные архивы академиков XVIII, XIX и XX веков. Обычно все учреждения передают свои бумаги на хранение в Госархив, но для РАН сделано исключение. ФАНО такого права не имеет, поэтому никто не знает, что будет с архивами и музейными коллекциями. И это только некоторые из возникших после реформы проблем.

Что произошло с самой академией как научным обществом или, если угодно, клубом? Одно из новшеств реформы, очевидно направленное на дискредитацию и уничтожение академии,— это слияние РАН с Академией медицинских наук и Академией сельскохозяйственных наук, входящими в число пяти отраслевых, или, как иногда говорят, «малых», академий. Понятно, что РАН по своему престижу и научному уровню несравнима с этими «малыми» академиями. И медицинская, и сельскохозяйственная академии по составу своих участников гораздо слабее, достаточно просто сравнить публикации. Конечно, в обеих академиях есть очень крупные ученые, многие из которых одновременно являются членами «большой» академии, но в среднем уровень несопоставим. Теперь по закону они все сливаются в одну. Академия и так уже была слишком большая, в ней было 500 академиков и 700 членов-корреспондентов, то есть 1200 членов — это уже очень много. А теперь число академиков и членов-корреспондентов увеличится вдвое. Соответственно это очень большая организация, совершенно неуправляемая, но зато голосующая как надо, потому что независимые люди теперь там в меньшинстве. При этом многие «новые» академики, пришедшие из «малых» академий, по своему уровню уступают членам-корреспондентам старой РАН.

Кроме того, эти академии входят в «большую» академию на правах отделений. В результате у нас есть отделение сельскохозяйственных наук, в которое входит почти 500 человек, и отделение историко-филологических наук, куда входит примерно 80 человек. Когда этот план был опубликован, академические остроумцы предложили переименовать РАН в Академию медицинских, сельскохозяйственных и прочих наук, потому что аграрии и медики по своему количеству почти равны всем остальным, что, естественно, будет играть большую роль при любом голосовании. Ситуация абсурдная, ведь это те науки, которые не являются фундаментальными, а РАН должна заниматься в первую очередь фундаментальной наукой. В итоге авторитет академии резко падает, потому что качество академика снижается. Это напоминает одну из распространенных схем рейдерского захвата акционерного общества, когда проводится обширная допэмиссия акций, которые попадают «к кому надо»; капитал прежних владельцев контрольного пакета размывается, и они оказываются в меньшинстве — их 70% акций превращаются, например, в 10.

Когда в начале июня был обнародован проект закона, вводящего эту реформу, то ее главными противниками стали именно активно работающие ученые, те, кто ратовал за изменения, за реформирование академии. Это неудивительно: их предложения и предложения правительства диаметрально противоположны. Предложенные изменения — вовсе не вестернизация и модернизация академии, как это преподносится, это ее советизация и архаизация. Более того, это явный регресс даже по сравнению с советской эпохой. Если реформаторы требовали большего участия ученых в жизни академии, то теперь все наоборот, ученые вообще отрезаны от управления. Они хотели меньшей бюрократизации, а она, наоборот, возрастает. Самоуправление уничтожено полностью.

Главный итог реформы — в том, что в России станет и уже стало заниматься наукой менее комфортно. Наука генерирует новые знания. Ей занимаются люди, которые к этому имеют особый вкус и способности. Большая часть их занимается наукой, потому что им это нравится, это дело жизни, некоторые без этого не могут жить. Поэтому все 90-е годы, когда за науку ничего не платили, она продолжала существовать — люди продолжали заниматься любимым делом фактически бесплатно. По этой причине наука в России не исчезнет. Но возрастет эмиграция, которая уже в 90-е годы была очень активной, выехали сотни тысяч и уже сложившихся ученых, и только формировавшихся. Люди уезжали главным образом потому, что оказывались перед выбором: менять ли профессию, оставаясь на родине, или продолжать заниматься наукой за границей. В последнее время этот поток уменьшился, и некоторые даже стали возвращаться. Теперь отток опять усилится.

Если говорить о перспективах, то сейчас, конечно, очень многое зависит от Михаила Котюкова, руководителя ФАНО. Как личность он производит впечатление позитивное — хорошего управленца с живыми реакциями, заинтересованного в результатах своей деятельности, прислушивающегося к чужим аргументам. Если он понимает специфику новой для него научной сферы и хочет добиться здесь положительных сдвигов, ему придется вернуться к опоре на самоуправление ученых, на экспертную, а не формальную оценку научной деятельности. В этом случае он должен будет опираться на ученых, а не на чиновников, предоставить реальные полномочия и свободу действий научно-координационному совету ФАНО, о котором говорится в законе, но который до сих пор не сформирован. Причем сформировать его из настоящих, активных ученых, пользующихся авторитетом в научном мире, не опасаясь того, что они могут стать по многим вопросам его оппонентами. Наконец, ему будет необходимо договориться с РАН о возвращении ей части полномочий по руководству чисто научной деятельностью академических институтов, оставив за ФАНО менеджерские функции и функции обеспечения хороших условий для научной работы. В конце концов, даже авторы правительственной реформы предполагают сохранение за РАН именно экспертных функций, и если опираться на квалифицированные экспертизы при принятии решений, именно в отделения РАН логично обращаться за ними. Президиум РАН здесь тоже может привлекаться, но, на мой взгляд, именно отделения должны здесь играть ключевую роль. Насколько М. Котюков при управлении ФАНО готов исходить из интересов науки, насколько он понимает роль научного самоуправления, насколько готов прислушиваться к мнению научного сообщества и насколько он свободен в принятии решений (не стоит забывать, что реформа была начата по решению президента Путина, который, вероятно, и определил ее основные контуры), станет понятно уже в самое ближайшее время.

http://www.colta.ru/articles/specials/3133?part=1
http://www.colta.ru/articles/specials/3133?part=2
http://www.colta.ru/articles/specials/3133?part=3

Перепечатка: «Научное Сообщество. Газета Московской региональной организации профсоюза работников РАН», 2014, №5 (153), 21-23

28. Письмо академика РАН В.Е. Захарова руководителю ФАНО России М.М. Котюкову

30 июля 2014

Руководителю ФАНО
М.М. Котюкову
от В.Е. Захарова,
академика РАН

Глубокоуважаемый Михаил Михайлович,

Я обращаюсь к Вам как человек, посвятивший свою жизнь науке. Первую научную статью я опубликовал в 1962 году, будучи еще совсем молодым человеком, с тех пор написал более трехсот статей и по сей день продолжаю интенсивную и напряженную научную работу. Я руковожу небольшой, но очень активной группой весьма компетентных ученых, успехи которой признаны мировым научным сообществом. В 2010 году я получил мегагрант на создание лаборатории в новосибирском Академгородке, а на днях мой коллектив в трудном конкурсе выиграл грант из числа объявленных Российским научным фондом.

У меня были первоклассные научные учителя, и они преподали мне урок, как работать с научной молодежью. И за долгую жизнь в науке я воспитал немало учеников, а они воспитали уже собственных,— так возникло то, что в научном сообществе называют «школой Захарова». К сожалению, многие члены этой школы теперь рассеяны по целому свету, от Австралии до Ирландии, не говоря уж о Соединенных Штатах. Занимаясь в основном научными исследованиями, я не сторонился и научноорганизационной деятельности: был директором одного из лучших научных институтов страны — Института теоретической физики им. Ландау, руководил и руковожу Научным советом по нелинейной динамике при РАН. В прошлом году мы провели юбилейную двадцатую сессию. Моя деятельность в науке отмечена многими наградами, индекс цитирования и индекс Хирша одни из самых высоких в стране.

Я привожу этот послужной список с единственной целью — убедить Вас, что имею моральное право говорить от лица российской науки и позволить себе высказать свои соображения о путях ее развития.

1. Ученые имеют самые разные специализации. Более того, не так легко найти двух подлинно крупных ученых, области научного поиска которых совершенно совпадают. Каждый сколько-нибудь яркий ученый имеет свою научную индивидуальность. Тем не менее, ученые разных специальностей — от филологов и историков до экспертов по ракетным двигателям — отлично понимают друг друга. После короткого контакта с новым знакомым очень быстро заключаешь, принадлежит он к цеху настоящих ученых или нет. Ученые, как правило, живо интересуются тем, что происходит в других областях науки, вовсе не обязательно смежных, а привычка к рациональному мышлению позволяет безошибочно распознавать имитацию науки. В нашей Комиссии общественного контроля в сфере науки активную роль играют настоящие ученые — историки, филологи, математики, физики, специалисты по кибернетике. И мы все отлично понимаем друг друга.

2. Наука интернациональна. Ученые, живущие в разных странах, часто занимаются близкими проблемами и при встрече легко находят общий язык и легко становятся друзьями. Когда-то языком общения была латынь, сегодня им является английский. Все сколько-нибудь компетентные ученые во всем мире понимают английский язык в степени, достаточной для коммуникации. Если человек называет себя ученым, но не владеет английским языком в степени, позволяющей ему говорить о предмете своих научных исследований, то слушать советы такого человека по делам науки просто не следует. Особенного внимания заслуживает вопрос о научных журналах, издаваемых на русском языке. Их обязательно нужно переводить на английский язык и выкладывать в интернет, иначе опубликованные в этих журналах статьи для мировой науки просто пропадут. Это, может быть, неприятно слышать людям, необоснованно называющим себя патриотами, но это так. Нужно ясно понимать, что никакой «чисто русской» науки, отделенной от науки мировой, не существует и существовать не может. Гитлер попытался создать «чисто арийскую» науку, не зараженную «тлетворным еврейским духом». Это привело к деградации некогда великой немецкой науки.

В продолжение этого тезиса. Нужно всячески развивать и поддерживать международное научное сотрудничество, как можно шире участвовать в международных научных проектах — по созданию новых ускорителей и новых телескопов, по проведению совместных археологических и палеонтологических исследований. Даже в худшие времена холодной войны это сотрудничество было довольно активным, оно было частью дипломатической активности вообще. Ведь ученые — самые естественные дипломаты. А что касается журналов, то в годы самой горячей Отечественной войны ведущие научные журналы на иностранных языках исправно выписывались. А сейчас библиотеки многих ведущих научных институтов не имеют средств даже на электронные подписки необходимых научных журналов.

3. Нельзя делить науку на «полезную» и «бесполезную». То, что сегодня кажется не имеющим практического применения, завтра может оказаться на острие востребованности. Тут можно привести множество примеров, один из ярких — ядерная физика. Перед Второй мировой войной эта область казалась бесконечно академической, далекой от всякой практики. Советские ученые, занимавшиеся ею, едва уцелели от репрессий, которым подверглись в то же время генетики. Однако вскоре в США началась работа над атомным проектом, и немногочисленная, но очень сильная группа физиков-ядерщиков, взращенная в школе А.Ф. Иоффе, оказалась очень кстати. Не будь ее, Советский Союз не смог бы, несмотря на самую успешную разведку, создать атомную бомбу. И вся история планеты оказалось бы другой.

Можно привести и менее известные примеры. Теория чисел была и остается одной из самых утонченных областей математики, и долгое время полагали, что она, в принципе, не может иметь никаких практических применений. Однако в наши дни теория чисел является основой современной криптографии, и специалисты, работающие в этой области, получают солидные дотации и от оборонных ведомств, и от финансовых структур. Еще о криптографии. Во время Второй мировой войны американцы додумались использовать в качестве кода редкие экзотические языки — индейцев навахо и апачи. В самих Штатах специалистов по этим языкам было немного, и казалось невероятным предполагать, что противник расколет этот код. С японцами это сработало, а с немцами — нет. В Германии издавна была прекрасная и очень сильная лингвистическая школа. Немецкое командование разыскало уцелевших полуголодных профессоров-лингвистов, и секрет кода перестал существовать.

Развитие науки непредсказуемо. Совершенно неизвестно, какие ее области, сегодня кажущиеся бесполезными, окажутся крайне востребованными завтра. Поэтому нельзя допускать, чтобы какие-то сектора науки были утеряны. Совершенно необходимо, чтобы в стране были специалисты, способные понимать, что написано абсолютно во всех западных научных журналах. Наука есть единый организм. Он сформировался давно и развивается по своим собственным законам, и произвольно удалять из него ученых некоторых специальностей — это то же самое, что препарировать живое тело. Все ученые, в том числе не вовлеченные в престижные на сегодняшний день области науки, должны иметь нормальные условия для работы и достойную базовую зарплату.

Необходимость поддержки всей науки в целом отнюдь не исключает грантовую систему. Грантовая поддержка совершенно необходима, особенно это касается тех областей, где в силу исторических обстоятельств российская наука отстает от мировой. Прежде всего это относится к микроэлектронике. Несмотря на все разговоры о нанотехнологиях, мы в этом направлении продвинулись мало и микрочипов для современных компьютеров производить так и не научились.

4. Перейдем теперь к самому болезненному и важному вопросу — реформе РАН, приведшей к кардинальному изменению всей системы управления наукой. Для такой реформы не было серьезных причин. Одним из распространенных аргументов был тезис о том, что Академия наук, в том виде, в каком она досталась нам в момент «перестройки», была продуктом советской эпохи и по этой причине должна быть уничтожена. Этот аргумент не может рассматриваться как серьезный. Другой аргумент звучит на первый взгляд более убедительно. Форма организации науки, в которой основная научная деятельность сосредоточена в институтах Академии наук, а не в университетах, не принят нигде в мире и потому нуждается в коренном изменении. Но это не так. Академическая система организации науки принята не только в России, но и в Китае, например. И там она прекрасно работает. Что-то напоминающее западный кампус у нас было создано лишь в новосибирском Академгородке: большой университет и на пешеходном расстоянии — множество научно-исследовательских институтов. Оригинальность организации вовсе не причина для ее реконструкции. На земле сосуществует и процветает множество форм жизни. Все дело в том, насколько эффективно данная система работает. Академическая организация науки, которая перенесла и двадцатикратное уменьшение финансирования в начале 90-х годов, и невиданную массовую эмиграцию ученых, доказала свою жизнеспособность. Казалось бы, академическая наука должна была умереть, но она, странным образом, выжила. Более того, в академические институты, особенно в последние годы, пришла научная молодежь. Последствия перестройки обнаруживаются в сегодняшних институтах в форме наличия в них «демографиче-

ской дыры» — дефицита научных сотрудников в возрасте 40–60 лет. А это для ученых возраст еще очень большой научной активности. Этот факт и делает таким трудным проводить в настоящее время замену директоров институтов по возрастному цензу.

Это одна из проблем, с которыми Академия пришла к выборам нового президента и президиума в 2013 году. Было, конечно, много и других проблем, прежде всего, проблем «внешних». Низкая зарплата ученых, трудности с жильем для молодых ученых, нехватка средств на покупку приборов и химикатов, недостаток средств на экспедиции, бедность библиотек. Эти проблемы Академия сама разрешить не могла, они должны были решаться на самом высоком государственном уровне. Были, однако, и внутренние проблемы. Прежде всего, проблема замены руководства РАН. Предыдущий президент Ю.С. Осипов имел несомненные заслуги, в 1991 году ему с группой ведущих ученых удалось Академию сохранить. Но Осипов и его президиум руководили Академией слишком долго — двадцать три года. За эти годы они утратили связь и контакты с основной массой научных сотрудников, в результате этого потеряли научный и моральный авторитет. Раньше я очень резко критиковал прежний президиум, активно выступал против переизбрания Ю.С. Осипова на новый срок, но сейчас продолжать эту тему считаю излишней. У нас есть новый президиум, к сожалению, практически полностью лишенный полномочий. Вторая проблема, которой предполагал заняться новый президиум — проблема «санации» институтов, серьезная и объективная оценка научных сотрудников, работающих в институтах РАН. Сейчас этим занимается ФАНО, и я хотел бы высказать по этому поводу некоторые соображения.

Оценка мастерства и продуктивности научного работника — очень деликатное дело, требующее весьма квалифицированного подхода. Нельзя использовать чисто формализованный подход, например, число печатающихся автором статей. Я знал людей, которые писали по статье в неделю, но уважением среди коллег не пользовались. А другие годами работают над трудной проблемой, публикуются редко, но их результаты оказываются потом очень важными. Индексы цитирования, в особенности индекс Хирша, имеют значение, но они не совершенны. Некоторые попадают соавторами в значительные работы, в которые их вклад более чем скромен. Некоторые работают в столь узкой области знания, что ожидать на их статьи множество ссылок никак нельзя.

Наукометрию можно принимать во внимание, но нельзя абсолютизировать. Намного важнее оценка квалифицированного эксперта, а лучше — нескольких независимых экспертов. Но как найти сотни признанных ученых, имеющих безусловный международный рейтинг и готовых быстро осуществить аудит академических институтов? Мне пришлось написать немало отзывов на проекты и рецензий на статьи. Каждый раз — это работа. Возможно, удастся привлечь многочисленную российскую научную диаспору.

Все сказанное показывает, какая огромная ответственность лежит на будущих действиях возглавляемой Вами ФАНО. Между тем состав Межведомственной комиссии по оценке результативности научных организаций, спущенный приказом Минобрнауки от 27 июня, мне кажется странным. Ученых высокого уровня там немного, в основном — администраторы от науки или просто администраторы. Начавшая свою деятельность рабочая группа ФАНО по разработке положения о Научнокоординационном совете, целью которого станет согласование взаимодействия между Агентством, подведомственными ему научными организациями и РАН, безусловно, выгодно отличается от этой Комиссии.В процессе оценки академических институтов должен выполняться главный принцип медицины — «не навреди!». Главное сегодня — это сохранить имеющуюся у нас науку, причем сохранить абсолютно все, что имеет ценность. Дать возможность этой науке активно развиваться, обеспечить приток в нее молодежи. Если мы хотим быть цивилизованной страной, мы обязаны это сделать.

С глубоким уважением, В.Е. Захаров

http://www.ras.ru/news/shownews.aspx?id=fd00d8af-4e1c-47d9–9583–7eb0b9b21954

29. «Нас последними встроили в вертикаль»

24 ноября 2014

Аскольд Иванчик
Член-корреспондент РАН
Интервью с Сергеем Шелиным
РОСБАЛТ

О том, как российская наука много лет противилась вертикализации, о пришествии ученых-хунвэйбинов и о своей вере в то, что научную преемственность не уничтожить, в интервью «Росбалту» рассказывает историк, член-корреспондент РАН Аскольд Иванчик.

За плечами у 49-летнего ученого одна из самых успешных научных карьер в постсоветской России. Антиковед с мировым именем, главный редактор нескольких журналов, автор сотен публикаций. Перечисление его регалий и достижений у нас и на Западе занимает на сайте истфака МГУ целую страницу. Несмотря на это, а возможно -именно поэтому, Иванчик занял непримиримую позицию во время реформы РАН и в последние год–полтора стал публичной фигурой. При этом он не считает политической деятельностью ни подписание призывов к миру с Украиной, ни участие в создании Вольного исторического общества, альтернативного объединения ученых. По его мнению, это те «малые дела», которые могут хоть что-то изменить к лучшему.

— Не кажется ли вам, что нашим гуманитариям придется перестроиться после того, как президент Путин встретился с молодыми историками (http://kremlin.ru/events/president/news/46951) и пункт за пунктом разъяснил, как они должны трактовать различные темы?

Разным гуманитариям, видимо, по-разному. Есть историки, которые охотно воспринимают такие сигналы, вот они и будут перестраиваться. Но они этим занимались и раньше. А есть такие, которые не будут воспринимать. До того момента, когда с теми, кто не готов исполнять указания свыше, просто расправляются, еще не дошло -и, надеюсь, не дойдет.

— Тем более, жаловались начинающие ученые скорее на иностранных своих коллег. Молодой доктор наук из Новосибирска просто душераздирающую историю поведал — что иностранцы воруют его открытия. Что какой-то западный журнал не берет статьи, навязывает своих соавторов.

Я сам с такими инцидентами не сталкивался, но знаю, что подобные вещи случаются. Я бы советовал с такими журналами и такими коллегами дело не иметь. На Западе много научных журналов, и если такая ситуация в одном из них, то надо забрать оттуда статью и отправить в другой.

— Наш президент не обязан знать всю номенклатуру мировых научных изданий. И он не мог дать совет молодому доктору, в какое именно из этих изданий перенаправить статьи.

Можно было бы обратиться к более осведомленным источникам.

— Однако вернемся к самой беседе научной молодежи с главой государства. Однажды Иосиф Виссарионович написал статью о языкознании, после чего специалистам в области языкознания пришлось изменить свои взгляды.

Путин все-таки не Иосиф Виссарионович. Сила его указаний немножко другая.

— Просто эти молодые ученые прямо-таки просили указаний.

Вы же понимаете, что это не репрезентативный срез поколения. Это специально подобранные товарищи, у которых есть профессия: «молодой ученый».

— А что им дает этот статус?

Вообще-то, омоложение кадров — дело хорошее. Однако среди молодежи есть хорошие ученые, а есть и плохие. Разные. Наши власти в какой-то момент решили сделать ставку на молодежь.

Но поскольку они иначе не умеют, то омоложение кадров стали проводить своими чиновничьими методами.

Как омолодить кадры? Да очень просто. Создать Совет молодых ученых. Обеспечить процентное представительство молодых ученых в разных инстанциях. И вот сейчас, при реформе академии, поскольку один из главных лозунгов был, что академики старые, ничего не понимают и вообще им пора на свалку, то кем их заменить? Ну конечно, молодыми учеными.

Вот и сформировалось сообщество людей, которые на своем статусе молодых ученых делают карьеру. Например, был Совет молодых ученых при академии, он и сейчас есть. Его долго возглавляла госпожа Вера Мысина — настоящий лжеученый, соавтор совершенно безумной книги о том, как «православно-социалистические идеи» и некое «модельно-конструктивное мышление» должны спасти мир от «мирового господства иудейской олигархии» и «теневого мирового правительства». При этом она биолог с кандидатской степенью — впрочем, как выяснилось, «клиент» «Диссернета». Однако именно она представляла поколение молодых ученых, и в таком качестве встречалась с Дмитрием Медведевым и Дмитрием Ливановым. Ее голосом «молодые ученые» требовали разгона РАН и удаления «старцев» от управления наукой, т.е. именно того, что хотели услышать ее высокопоставленные собеседники, а потом она стала одним из главных персонажей лживого телевизионного фильма «Диагностика РАН».

Это напоминает то, что было в Китае в эпоху культурной революции. Китайское партийное руководство сделало ставку на хунвэйбинов в противовес старым кадрам.

— И много хунвэйбинов в новом поколении наших ученых?

Уточню. Поколенческого раскола как раз нет. Когда была реформа академии, то ее авторы очень надеялись на поддержку молодежи. Но этого не произошло. Большая часть молодых ученых без кавычек — прежде всего ученые, а потом уже молодые. И они играли большую роль во всех протестных действиях и попытках отстоять академию. А «молодые ученые» в кавычках — они не ученые. Это такие «молодыеученые» в одно слово. Довольно узкая группа, которая делает карьеру на своем биологическом преимуществе, поскольку оно оказалось востребованным властью. Если бы сказали, что в качестве ученых теперь требуются рыжие с голубыми глазами, то сразу же сформировалась бы группа, которая эксплуатировала бы именно эти особенности.

— Вы были одним из самых упорных противников реформы РАН. Слово «реформа» тут, конечно, сбивает с толку. Фактически старую академию просто заменили другой структурой с тем же названием. Вы и сегодня считаете, что она этого не заслужила? Многие ведь говорили и говорят: «Сама виновата».

Я не считаю, что академия себя изжила, и не считаю, что она была неэффективна. Если мы говорим обо всей системе институтов РАН, то это была очень удачная система организации науки. Понятно, что идеального нет ничего. Если в стране в таком состоянии, как они есть, дороги и тепловые сети, суды и полиция, телевидение и пресса, да все, что ни возьми, странно ожидать, что вдруг только в сфере науки будет безупречная Академия. Но из того, что имелось, это была наиболее удачно действующая структура.

Можно сравнить ее с университетами. Только с российскими, а не с Гарвардом, как у нас любят. Можно с Курчатовским институтом (Национальный исследовательский центр «Курчатовский институт», возглавляемый Михаилом Ковальчуком). Можно со Сколковом (Инновационный центр «Сколково»). Куда ни кинь -везде сплошные плюсы в пользу академии. Если цифры брать, то 17% научных сотрудников России работали в системе академии. И на них приходилось примерно 55% публикаций, на которые есть ссылки в международных базах данных. Получается, что исследователь, работающий в академии, работает в 6 раз лучше, чем исследователь, работающий вне академии (на самом деле меньше, потому что часть статей написана в соавторстве сотрудниками РАН и университетов).

Кстати, подобная система организации науки существует и в других европейских странах и прекрасно там действует — во Франции, например, Национальный центр научных исследований (CNRS) очень похож на систему институтов РАН, да и создавался отчасти под влиянием советской Академии наук. Это, конечно, не значит, что академия была идеальной. Масса была претензий. Но другие научные институции были еще хуже, а разрушать решили как раз лучшую. Теперь академию как клуб выдающихся ученых, академиков, отделили от академических институтов. Сами институты сохранили, передав в ФАНО (Федеральное агентство научных организаций).

Если бы ФАНО перешло управление имуществом, а управление наукой осталось бы за академией, это было бы хорошее решение. Между прочим, такая система существовала в советское время. Тогда было управление делами академии, которое ведало хозяйственными вопросами и имуществом, и начальник которого не подчинялся президенту академии, а назначался напрямую правительством.

— Разве именно это не было сделано и теперь?

Нет, совсем не так. ФАНО имеет по закону и на практике все функции учредителя. Это значит, что не только имущество, но и научная политика, назначение директоров, оценка работы институтов, планирование научной работы, т.е. все связанное с институтами, находится в ведении ФАНО. Академия имеет право высказать свое мнение, которое ФАНО может принять к сведению, а может и не принять.

Академия превратилась в совещательный орган, а все функции, которые были раньше у президиума РАН, переданы ФАНО. При этом ФАНО состоит не из ученых, а из чиновников. А чиновники руководят, как привыкли. Изменений к лучшему в институтах никаких не наблюдается. Только огромный рост бумаготворчества и бюрократизма. Ученые все больше времени проводят не за прямой своей работой, а за предоставлением всевозможной отчетности, которую требует ФАНО. Всегда, когда чиновники начинают руководить наукой, именно это и происходит.

В Курчатовском институте все эти преобразования начались раньше, и когда началась реформа РАН, многие говорили: смотрите на Курчатовский институт, это именно то, что нас ждет. Буквально несколько дней назад коллеги из Курчатовского института сообщили, что от них уже требуют не ежегодных и даже не ежеквартальных, а еженедельных отчетов о работе. Скоро дойдет и до ежедневных. В Курчатовском институте для научной командировки, в том числе и крупнейшим ученым с мировым именем, нужно собрать множество подписей, и на любом этапе поездку могут без объяснения запретить — «не считать целесообразным», и все.

Михаил Котюков (глава ФАНО) говорит, что они проделали большую работу по инвентаризации имущества. Я уверен, что с этим ситуация действительно сильно улучшилась, и цифры здесь впечатляющие. Кроме того, коррупция, связанная с управлением имуществом, в президиуме Академии безусловно была, а что она есть в ФАНО, нет оснований утверждать, по крайней мере пока. Есть и совсем хорошие примеры: ФАНО удалось вернуть в собственность институтов здания, уже почти у них отнятые; знаю один пример, вероятно, есть и другие. Но это касается именно управления имуществом, т.е. той области, в которой сам руководитель ФАНО -специалист. А то, что они делают в собственно научной сфере, гораздо менее убедительно.

— То, о чем вы говорите, очень похоже на перестройку, происходящую в образовательных и научных учреждениях, к РАН вовсе не относящихся.

Да ведь вся страна так перестраивается. Наука и образование -последние секторы, которые еще не были перестроены. Страна превращена в вертикаль с всевластием бюрократии. Было бы удивительно, если бы сохранился какой-то заповедник в лице науки и конкретно РАН.

РАН была последней важной институцией, которая в эту систему не очень встраивалась. Понятно, что люди шли на компромиссы. Понятно, что прежнюю РАН можно много в чем упрекнуть, если смотреть с высот безупречности. Но все-таки это та институция, которая, несмотря на сильное и длительное давление со стороны власти и лично Владимира Путина, отказывалась выбирать своим президентом того человека, которого ей активно навязывали и которого она достойным президентом не считала.

Много ли институций в России, которые отказывали бы Путину на протяжении нескольких лет? И много ли было институций, которые вступали бы в прямое противостояние со спикером Государственной думы Борисом Грызловым и которым удалось из этого противостояния даже выйти победителем? (Речь о конфликте Бориса Грызлова с комиссией РАН по борьбе с лженаукой из-за так называемых фильтров Петрика, внедрение которых Грызлов лоббировал).

Академия не изжила себя. Она была уничтожена именно потому, что не вписывалась в вертикаль. Если все дышат гелием, то странно, что какая-то группа людей дышит кислородом. Они тоже должны гелием дышать.

— Так или иначе, прежней академии больше нет. Ее сломали. Назад не отыграть. Может, надо просто учиться жить без нее?

А вот когда появится возможность отыграть назад, тогда и посмотрим. Сейчас-то что об этом говорить? Сегодня таких возможностей явно нет. Некоторые мои коллеги в Академии считают, что все равно эту новую систему ждет провал, и вернутся к старой системе. Не знаю. Но есть люди, которые на это надеются. Или вот пример. Duce Муссолини в свое время разогнал старейшую европейскую академию, Академию деи Линчеи. И не было ее десять лет. А потом кончилась война, академию восстановили, и она до сих пор процветает и является одной из самых авторитетных в мире. Десять лет большинство прежних академиков пережили, так что преемственность не нарушилась.

— Десять лет -не так много…

Прошел год всего…

— Вы остаетесь членом Совета Минобрнауки. Считаете, что и сейчас можете там что-то сделать?

Что значит остаюсь? Идея его создания была совершенно правильная. Действующих ученых, именно ученых, а не научных начальников, с достаточным опытом работы и в стране, и за рубежом, вне зависимости от того, какое положение они занимают в официальной иерархии, собрать в Совет, который может осуществлять экспертизу решений министерства и давать идеи, как обращаться с наукой. Понятно, что когда решение принято заранее, Совет не может оказать на него влияние, разве что громко выразить свою точку зрения. Как было, например, с реформой Академии. Мы сразу высказались против. А по поводу каких-то более мелких вещей, которые все-таки довольно важны, мы можем исправлять просчеты или недостатки, которые люди из министерства не замечают или не видят их важности. И такое происходило не раз.

Совет формировался, когда было противостояние между Минобразования и РАН, но ни о каком разгоне еще речи не было. Я себя ассоциирую прежде всего с академией. И когда я решал, принять это приглашение или нет, то понимал, что многие мои коллеги скажут: ага, продался врагам! Я пошел на некоторый репутационный ущерб в своей среде, поскольку считал, что будет возможность влиять на решения министерства и это будет полезно для науки. Я вообще сторонник теории малых дел.

— Малые дела малыми делами, но в последнее время вы расширили инструментарий своей общественной деятельности. Стали сооснователем Вольного исторического общества. Ваши подписи стали появляться под различными политическими призывами — например, против войны с Украиной.

Борьба за мир — это не политика.

— Еще какая политика…

Моя позиция не изменилась. Для ученого, если он продолжает оставаться ученым, занятие политикой не может быть профессией. Нельзя заниматься двумя профессиями сразу, если хочешь это делать хорошо. Другое дело, каждый человек, кроме того, что он водитель троллейбуса, мясник или ученый, еще и гражданин. И вот как таковой, в личном качестве, он может и должен высказывать свою точку зрения. И ходить на митинги, и подписывать воззвания, антипутинские, пропутинские -неважно.

Глупо говорить: вот вы ученые, у вас нет никакой общественной роли, потому что вы за Pussy Riot не заступались. Кто заступался, кто не заступался. Когда я высказываюсь по поводу Украины или по другим общественным вопросам, я не выражаю свою позицию как члена академии, или сотрудника института, или специалиста по древней истории. Я гражданин, и мое мнение по этому поводу не более и не менее ценно, чем мнение любого другого гражданина.

— А Вольное историческое общество? По-моему, оно занято не столько проблемами истории, сколько продуцированием заявлений в защиту прав и свобод. По нынешним обстоятельствам, это, по-моему, естественно. Между собой и политикой барьер сегодня не поставишь.

Я воспринимаю это совсем иначе. Я придерживаюсь той точки зрения, что наше объединение внеполитическое. Оно профессиональное. Нас называли объединением либерально настроенных историков. Я против этого возражаю. Мы объединяемся по принципу профессиональному. Не секрет, что профессиональное сообщество историков в России и другие профессиональные

сообщества сильно дискредитированы. Среди так называемых историков «клиентов» «Диссернета» довольно много. И у людей, называющих себя историками, часто совсем иные профессии на самом деле.

Мы объединяем историков-профессионалов, для которых важна научная этика и просто цивилизованные нормы поведения в научном сообществе. К сожалению, даже это приходится сейчас защищать, поскольку это разрушено. Мы противостоим манипуляциям историей. При этом можем придерживаться самых разных политических взглядов.

— Я правильно понял, что вы не теряете оптимизма и считаете, что таким людям, как вы, есть место в нашей стране и нашей науке? Не подумываете оставить Россию?

Скорее наоборот. В последние годы я наращиваю свое присутствие в России. Я долго не преподавал в России, теперь преподаю. Больше занимаюсь и делами РАН. Часто публикуюсь на русском языке, издаю журнал. Потому что считаю, что от этого может быть польза. Если я не смогу ничего делать в России, то смысла в моем присутствии не будет. Но мне жалко было бы, чтобы то дело, которым я занимаюсь, в России исчезло. Надеюсь, этого не произойдет.

— У вас заслуженно высокие позиции и в российских, и в международных научных институциях. А какой совет вы дали бы молодым людям с хорошим образованием, у которых таких позиций нет? Чемоданные настроения среди них очень сильны.

Мой совет относительно отъезда, даваемый сейчас, не отличается от того, что я говорил и пять, и десять лет назад. Наука не может развиваться обособленно в одной стране. И для любого молодого человека очень важно и полезно поработать какоето время за границей, познакомиться с другими научными традициями, методами работы, да и просто с коллегами. В науке нормальная карьера — это карьера международная. В нормальной ситуации не должно быть так, что ах, он уехал из России и все, никогда не вернется, отрезанный ломоть, вот мы его учили-учили, а теперь он уехал, трагедия.

В нормальной ситуации должно быть так, что люди уезжают, потом возвращаются. Или не возвращаются, но имеют такую возможность. Или наоборот -оттуда приезжают к нам. Успех сильной научной школы определяется, среди прочего, и тем, что выходцы из нее работают во всем мире, поскольку способны составить конкуренцию любой другой научной школе. Когда Россия будет полностью включена в такую систему, как любая развитая страна, то можно будет считать, что ситуация нормализовалась.

http://www.rosbalt.ru/main/2014/11/24/1340885.html

30. Такое впечатление, что при разработке реформы РАН авторы не понимали, к чему стремились и чем это должно закончиться

8 декабря 2014

Валерий Рубаков
Академик РАН
Интервью с Ольгой Орловой
Телеканал ОТР

— Осенью 2013 года вступил в действие закон о реформе Российской академии наук, и сразу же после его принятия Владимир Путин ввел мораторий на имущественное и кадровое преобразование. Вот мораторий подходит к концу. Что ожидает российскую науку в будущем? Об этом по гамбургскому счёту мы беседуем с членом секретариата Комиссии по общественному контролю в сфере реформ науки академиком Валерием Рубаковым. Здравствуйте, Валерий Анатолиевич. Спасибо, что пришли в нашу программу.

Здравствуйте, Ольга.

— Валерий Анатольевич, за год с небольшим, как идет реформа российской науки,— прежде всего это реформа Российской академии наук,— много всего произошло. Давайте сначала опишем для наших телезрителей, как теперь устроена российская наука.

Вообще сейчас ситуация крайне ненормальная, надо сказать. Есть сразу несколько органов или организаций, которые отвечают за разные вещи в науке. Прежде всего, надо сказать, что академические институты были переданы во вновь образованное Федеральное агентство научных организаций (ФАНО), то есть оттуда идут деньги, приказы, указания, что надо делать, а что не надо делать административного плана.

— И это более 800 академических институтов.

Вместе с институтмами Академии медицинских наук, Академим сельскохозяйственных наук и Российской академией наук, которая существует до сих пор, но уже теперь без институтов. Но ФАНО не отвечает за качество научных исследований — за это вроде бы должна отвечать академия.

— А как может отвечать академия за качество научных исследований, если исследования проводятся вне академии?

Это большой вопрос. Думаю, что эта ситуация неустойчивая, что эта система какая-то нежизнеспособная, потому что не бывает так, что один платит деньги, а другой танцует девушку.

— Это мы узнаем.

Поэтому думаю, что это все должно как-то в другое трансформироваться, но сейчас ситуация такая, что формально и неформально мы все научные отчеты, все наши планы институтские и все такое прочее сдаем в Академию наук, а там их должны рассматривать, одобрять, не одобрять, научная составляющая этого дела. А деньги, финансы и административные решения принимает Федеральное агентство научных организаций.

— Но это ведь не все. У нас еще есть министерство науки и образования, которое никуда не делось.

Но Министерство науки и образования прямо никогда академическими институтами не рулило и сейчас оно академическими институтами не управляет. Но общие всякие нормативные документы — это его прерогатива.

— Представители Федерального агентства научных организаций (ФАНО) говорят о том, что научная политика формируется внутри ведомства министерства образования и науки.

В общем, да. Опять здесь все как-то непонятно, вроде бы и научная политика в этом деле должна участвовать, и Академия наук по закону, и Министерство образования и науки тоже, в общем, все эти вместе. Много голов у дракона, а кто управляет туловищем непонятно.

— Смотрите, есть три головы: Российская академия наук, ФАНО, министерство науки и образования, но есть еще и четвертая голова — это Российский научный фонд.

Немного общо. Российский научный фонд, Российский фонд фундаментальных исследований, Российский гуманитарный научный фонд.

— Где находятся деньги, предусмотренные на проведение фундаментальных исследований?

В том числе на конкурсной основе.

— А скажите, пожалуйста, как получается так, что сейчас государственные бюджетные деньги на науку идут сразу через Российский научный фонд, РФФИ и РГНФ, эти фонды, они идут через ФАНО и идут через Министерство науки и образования?

Через министерство науки и образования какие-то есть программы.

— Получается, что они идут через несколько каналов, но эти деньги не идут через Российскую академию наук.

Совершенно верно, ситуация именно такая. На самом деле то, что существует многоканальность финансирования это на самом деле неплохо, должна быть такая база устойчивая, которая не зависит от того, выиграл ты конкурс или не выиграл, какие-то минимальные расходы институт должен нести. Они довольно большие: и коммунальные расходы, свет, тепло, ускоритель должен работать.

— Мышки должны жить в лабораториях и не умереть от холода.

Совершенно верно. Инженеры должны существовать на что-то, у научного сотрудника должна быть какая-то минимальная подушка безопасности, не все же выигрывают гранты.

— Валерий Анатольевич, мы в эфире Общественного российского телевидения уже неоднократно с самого начала реформы записывали с вами интервью и беседы, и ваши комментарии. И вот в то время, полтора года назад, у всех был такой шок, и мало кто понимал, что происходит и все ожидали, что будут заявлены цели. За это время стала ли понятна Вам стратегия?

У меня такое складывается впечатление, что при разработке этого законопроекта, при проведении этой реформы, авторы ее сами не понимают, что они хотят, куда они стремятся, чем должно все это закончиться, к какому состояние управление научной системой должно прийти и вообще наука должна прийти. Например, много разговоров ходит об объединении институтов в большие конгломераты. Тоже цель не сформулирована и нет особой осмысленности.

— В прессе по поводу этой темы по поводу объединения появилось несколько документов: письмо Андрея Александровича Фурсенко, который в администрации президента курирует вопросы науки, это первое письмо. Теперь вот появилось второе письмо. Плюс есть письмо главы Федерального агентства Михаила Михайловича Котюкова тоже с предложением объединить. При этом административно понятно, что управлять несколькими большими организациями проще, чем несколькими тысячами маленьких.

Это как дело поставить. Например, во Франции больше 10 тысяч научных исследовательских организаций, занимающихся фундаментальной наукой, независимых совершенно, самостоятельные юридические лица со своей печатью и ничего, они управляются. Все они подчиняются CNRS и как говориться, никакой трагедии в этом нет.

— Как вам кажется, может быть, в этой ситуации отсутствие стратегии понимания это и хорошо?

Все-таки развиваться надо, наука, научные сообщества, система институтов — это живой организм и нельзя, чтобы он был застывший, да еще в таком подвешенном состоянии, как сегодня находится. Поэтому движение нужно и все это понимают. Кстати сказать, и в научном сообществе понимают, что стоять на месте не годится.

— Вы знаете, Валерий Анатолиевич, за это время не раз высказывалось мнение от ученых из Академии наук, что нужно бы мораторий продлить, нужно бы реформы опять-таки застопорить, чтобы изменений пока не было и дальше посмотрим, что будет. Вот Вы считаете, мораторий надо продлевать?

Мораторий как таковой я не уверен, что надо продлевать, преобразования какие-то необходимы. Может быть, и в каких-то местах нужно объединения институтов производить, я не исключаю и этого, там, где это требуется по существу, там, где видно, что это принесет пользу, почему нет. Но в любом случае все эти реформы нужно делать, поставив перед собой ясные цели и обсудив с научным сообществом, чтобы это было понятно людям, с одной стороны. С другой стороны, эти цели и подходы надо корректировать, оглядываясь на то, что думают сами ученые, но ничего этого не происходит.

— Почему ученые так боятся процесса слияния и поглощения институтов?

Вызывает тревогу то, что дальше произойдет.

— А что может произойти?

Может произойти все, что угодно, это опять зависит от того, какие цели. Если поставить себе цели освободить площади в центральной части города Москвы там или где-то еще, это один вопрос. Значит, людей надо разогнать и т.д. Если поставить себе цели совсем другие, значит, можно к этому и по-другому относится.

— За это время опасения научного сообщества о том, что реформа повлечет за собой довольно масштабные сокращения и увольнения ученых, остаются?

Пока да, в этом все и дело, что нету диалога тех, кто принимает решения, с подопытными кроликами в виде обычных нормальных ученых.

— Вот вы член Комиссии общественного контроля за реформами в сфере науки, и за это время ваша комиссия проводила конференцию научных работников. Туда съехались представители со всей страны с разных институтов, на этой конференции наш канал снимал репортажи. Сидели в президиуме и руководитель ФАНО Михаил Котюков, и Владимир Фортов -президент РАН, и глава Российского научного фонда Александр Хлунов. Все они были, и ученые имели возможность задать им вопросы. Формально диалог существует, никто из них не отказывается от диалога.

Не отказывается. Но, скажем, Андрея Александрович Фурсенко, например, приглашали — но он не пришел на эту конференцию, а письма-то пишет Андрей Александрович. Нынешний толчок к объединениям, слияниям, поглощениям пошел после этого письма. Поэтому диалог ограниченный, прямо скажем.

— Расскажите, какая у вас есть положительная повестка дня?

Есть, конечно, очевидные вещи. Например, давно настала пора (и этим комиссия активно занималась) посмотреть, что у нас собственно в академической науке есть, провести, используя модное сейчас слово, «оценку», понять, что дышит, что находится на уровне, что не находится на уровне, где надо помочь, где наоборот, помогать некому. Это первоочередная, на мой взгляд, задача должна бы быть. Но вместо нее начинаются разговоры про административное слияние, поглощение.

— Первая вещь: надо провести оценку эффективности российских институтов. Вторая вещь тоже, на ваш взгляд, важная, что еще нужно было бы сделать?

Цель должна бы была быть -плотно связать науку и образование. Это очень трудная задача. Я себе отдаю отчет, у меня кафедра в Московском университете существует, и я слегка знаю и ту, и другую сторону, и академическую среду, и университетскую среду.

— Мы сейчас вступаем действительно на очень болезненную территорию, я бы сказала. Дальше я не могу вас не спросить про процессы исследовательских университетов, их программы в России. У нас не так давно в этой студии была проректор Высшей школы экономики Мария Юдкевич, которая является в ВШЭ проводником реформ и таким драйвером исследовательских университетов в России. Вы сейчас про это говорите, про то, что в лучших университетах должны преподавать лучшие ученые?

Я не про это говорю. Я говорю про то, что у нас достаточно своеобразная система, у нас все-таки основная доля сильных ученых работает в академических институтах, и чувствуют они пока себя достаточно комфортно. Поэтому переманить их в исследовательский университет это дело, я думаю, почти безнадежное.

— Вы считаете, молодежь надо приводить в институты?

Я бы сказал, что надо просто в разы снизить педагогическую нагрузку в университетах тем преподавателям, которые там сейчас преподают и сделать максимум, это сложно, но можно, наверное, для того, чтобы люди, которые работают в академических институтах, пришли туда на полставки или как-то преподавать, но немного по времени. Я вам расскажу подробнее. На кафедре, которая сравнительно недавно была организована, два человека: я заведую кафедрой

и есть у нас там профессор, который на полную ставку в университете работает. Значит, два преподавателя. Реально работает на кафедре человек 12 из моего института.

— Это вы подтянули совместителей?

Это молодые и не очень молодые. Нет, они не совместители.

— А как?

А так, они работают на общественных началах.

— Это волонтеры?

Да.

— А как эти люди согласились на такие условия?

А так и согласились. Они сами прошли через такого рода систему.

— То есть они, грубо говоря, пришли туда за детьми, иначе они тогда потеряют студентов.

Что делать, приходится.

— Это просто такой вид интеллектуальной благотворительности.

Ну, что делать, приходится. Нет такой логики, что такого рода деятельность должна оплачиваться, поддерживаться, стимулироваться всеми возможными способами, такой логики сейчас нет. Это непростое дело, потому что пойдите вы скажите в университете, что мы вас освободим от половины нагрузки, а вместо вас притащим людей из академического института. Я уверен, что это сразу будет взрыв.

— Первое — это инвентаризация, оценка эффективности, второе — это вхождение в образовательный процесс, чтобы иметь доступ к студентам. И третье что?

Вы будете смеяться, но деньги.

— Вы знаете, при слове «деньги» я не смеюсь — я плачу.

Должен сказать, что до сих пор, не говоря уже о 90-х годах, которые были совсем провальными, до сих пор фундаментальная наука в России сильно недофинансирована, а без денег ведь ничего не сделаешь.

— Когда Андрей Александрович Фурсенко был министром образования и науки, да и сейчас, и теперь Дмитрий Викторович Ливанов, будучи министром, и не только они, но и другие главы ведомств, которые как бы причастны к финансированию науки, они не устают говорить о том, что деньги в науку бюджетные уходят, а результата нет. Или, скажем, нет такого результата, который они ожидают. Хотя мы не знаем до сих пор, какого они результата ожидают. Мы с вами начали программу с того, что не знаем, какого ожидаем результата. Но с другой стороны, если мы вспомним первое письмо Андрей Александровича Фурсенка по поводу укрупнений и слияний, то там как раз ссылается на то, что чтобы не делали, результата нет.

Вы знаете, мгновенно результата не добьешься. И если сейчас вы поднимите втрое финансирование академического сектора или вообще фундаментальной науки, то эффект от этого будет не завтра и даже не послезавтра. Понятно, что это не мгновенное дело. Поэтому, во-первых, рассчитывать на то, что вы создали Российский научный фонд, вложили туда деньги, и завтра у вас сразу будут какие-то фантастические результаты получены,— на это трудно рассчитывать и, наверное, не стоит. Во-вторых, если говорить об, академическом секторе, об институтах Академии наук, там такого роста нет и близко. Если брать в сопоставимых ценах, то этот уровень плоский уже давно и даже немножечко снижается. Поэтому, куда они деньги в науке девают,— это их дело, а вот для академических институтов этого незаметно.

— Можете вы сформулировать свои ощущения и ожидания сейчас, что будете делать Вы, Ваши коллеги в ситуации затянувшегося перехода?

Я и многие из нас вполне готовы к тому, что после этого моратория может опять появится необходимость в сопротивлении,. Впрочем, этим, в общем, и занимались в последнее время, правда, не так интенсивно, потому что был мораторий на всевозможные изменения и кадровые, и имущественные, поэтому не так много чего происходило, но кое-то происходило. А дальше увидим.

— А Вы допускаете мысль, как некоторые ваши коллеги иногда в кулуарах говорят о том, что все еще может вернуться назад, что реформа РАН может дать обратный ход?

Нельзя сказать, чтобы не допускал. Я бы сказал, что ситуация с управлением фундаментальной наукой сейчас совсем ненормальна, когда деньги у одних, а за качество отвечают другие.

— А за цели не отвечает никто?

Да, когда за цели не отвечает никто, это как-то ненормально. В какую сторону может повернуться? Может, и в эту сторону тоже, кто знает.

— А вам бы этого хотелось, чтобы все вернулось на круги своя? Представляете, если институты вернут обратно в Академию?

Это зависит от того, какая альтернатива. Непростой вопрос, не могу сказать.

— За это время есть ученые, которые говорят, что им ближе уже ФАНО, чем прежнее руководство РАН, потому что здесь мы хотя бы можем договориться, а там мы годами не могли решить простые вопросы.

Это, я думаю, так администраторы говорят, а не обычные ученые, которых эти вопросы не очень-то и касались и касаются. Сложный вопрос Вы мне задали, на который я не готов ответить, хочу я или не хочу.

— Вы хотите назад или вперед?

Вперед, конечно, только вопрос что такое вперед.

— И с кем. Вы же знаете, с кем вы сейчас?

Как-то знаю, да. Может быть, и хотел бы, так априори не отрицаю, что это могло бы быть оптимальным решением. Правда, не в ту академию, которая была и тем более продолжает существовать сегодня.

— Вы хотите в новую академию?

Не то чтобы в новую, но она должна сама, если будет опять разворот в противоположную сторону, то Академия наук должна сама перестроиться.

— А сейчас у меня к Вам блиц короткие вопросы, которые подразумевают короткие ответы. О реформе РАН было объявлено в июне 2013 года, и тогда вы сравнили эти события с августом 1991 года. Сформулируйте Ваш самый ценный сильный опыт за это время?

Опыт такой, что я увидел, что в стране есть очень много неравнодушных ученых, людей, которым небезразлична наука, небезразлично отношение общества к науке и т.д. Вот это, пожалуй, самое сильное впечатление мое.

— Что вы вместе?

Да, что мы вместе.

— Скажите, пожалуйста, при каких обстоятельствах Вы бы пришли и предложили Комиссию по общественному контролю в сфере науке распустить, что должно произойти?

На горизонте этого времени не видно, скажем так. Думаю, что впереди на обозримую перспективу так или иначе нужно будет заниматься и смотреть, какие делаются шаги по изменению управления наукой в России.

— *Если бы Вам приходилось вновь принимать решения стать ученым или заняться чем-то другим, вот исходя из того, что Вы теперь знаете про устройство российской науки стали бы Вы ученым?*

Конечно, стал бы. Это не связано никак с устройством науки — это призвание. Отдельный вопрос, тут, говорится, я бы может еще подумал, принял бы я те многочисленные предложения, которые у меня были о переезде в другие страны. Пока думаю, что остался бы здесь, но если все это повернется куда-то сильно не в ту сторону, то прокручивая назад, может, это была моя ошибка, когда я отказывался.

— *Спасибо большое. У нас в эфире был главный научный сотрудник Института ядерных исследований РАН, член президиума РАН академик Валерий Рубаков.*

http://www.otr-online.ru/programmi/gamburgskii-schet-24869/valerii-rubakov--32588.html

Год 2015

31. Выступление на Общем собрании РАН

24 марта 2015

Сергей Стишов
Академик РАН
Вестник РАН

Прошло уже более года как мы живем в новой реальности. Уже возможно подвести некоторые итоги, и я собираюсь поделиться с Вами своими впечатлениями. Я директор ИФВД и председатель Троицкого научного центра. Действия государства в отношении науки хаотичны: РФФИ, РГНФ, научные школы, президентские гранты для молодежи, Роснано, Сколково, университеты, мегагранты, РНФ и т.д. Все это вместо планомерной работы по финансированию институтов и закреплению молодежи. Наконец решили, что именно РАН мешает развитию науки. Ну и совершилось. Теперь РАН — это клуб ученых, институты отделены от РАН. Гос. задание для РАН представляет собой полное издевательство над здравым смыслом и знаменует собой торжество победителей. Ну и что дальше, что возросла эффективность? Безусловно, нет. Тогда зачем все это? Наверное, по подобному поводу Ильф записал в своей записной книжке: «сбылась мечта идиота». Теперь вместо Президиума АН и отделений -ФАНО. Что такое ФАНО? Мы уже это хорошо знаем. Это — бесконечный бумагооборот. Каждый день требования, прислать нечто не позже, чем вчера. По-видимому, каждый столоначальник считает нужным выпустить по крайней мере 1–2 циркуляра в день. Нужно содержать специальный аппарат. Только сейчас я понял принцип работы наших министерств и ведомств — перекладывание бумаг.

Взаимодействие с администрацией ФАНО затруднительно. Я лично не знаю, с кем взаимодействовать. Каждый институт имеет куратора. Обычно — милую девушку с зарплатой выше, чем у директора Института. Однако ее работа сводится к рассылке циркуляров. Прием Высшим руководством по письму. Однако письма теряются.

1000 организаций. Управлять всем этим невозможно. Раньше были отделения, которые с этим справлялись. Фактически институты РАН управляются очень большой, плохо структурированной бюрократической организацией, напоминающей гигантскую бухгалтерию. Каждый может себе легко представить все последствия. Для этого попробуйте вообразить на месте директора Вашего института — главного бухгалтера. У меня нет никаких претензий к руководству ФАНО, им дали неподъемную задачу, и они решают ее как умеют. Однако финансисты не могут и не должны руководить наукой. Из письма Капицы Сталину: «…дирижер должен не только махать палочкой, но и понимать партитуру.»

Следует признать, что проведенные преобразования разрушительны с точки зрения развития науки. Все эти разговоры об освобождении ученых от хозяйственных забот оказались, как и следовало ожидать, чистым враньем — элементами прикрытия. Нагрузка только увеличилась.

Итоги:

1) Увеличилась бюрократическая нагрузка: всевозможные отчеты, справки, непроизводительная затрата времени.

2) Исчезли вертикальные связи, отсюда невозможность оперативного решения вопросов. Из моего опыта — как правило, на обращения приходят формальные отписки. Сокращается финансирование.

3) Уменьшилось финансирование на капитальный ремонт

4) Медицинские учреждения РАН лишены финансовой поддержки.

5) И что самое разрушительное для науки -в этом году закрыты программы Президиума. Это был единственный источник средств для проведения научной работы. То есть все, что можно было отнять — отняли. Пока осталось только зарплата и коммуналка. Если к этому еще добавить различного рода ожидания, неопределенности, глупости с назначением и выборами новых директоров, то все это представляется отличным способом угробить окончательно остатки российской науки. Короче говоря, полная бессмыслица происходящего достаточно очевидна. Но почему мы об этом молчим? Генетический страх?

Хрущев в свое время разогнал выставку художников и скульпторов в Манеже. В своих воспоминаниях он написал, что, возможно, был неправ, но ему сказали, что все они гомосексуалисты ("пидорасы"). Мы не знаем, что сказали про нас нынешнему руководству, однако госпожа Голодец с рыданиями говорила в Думе, что 50% собственности РАН не зарегистрирована, по-видимому, намекая, что мы, возможно, распродали эту собственность. На самом деле все это неправда. Реестр собственности РАН существует. Нужно только заплатить денежки «кровопийцам» из БТИ, чтобы сделать еще какие-то бюрократические движения. А так откуда бы Голодец узнала про 50%, если эта собственность не зарегистрирована? Известно, что Маргарет Тэтчер тоже не жаловала Королевские научные общества (аналог АН) в связи с неудачной попыткой стать членом одного из них. Но ей в голову не приходило реформировать до неузнаваемости эти общества, может быть потому, что они «королевские». Учитывая наше сегодняшнее отношение к царской власти, возможно, нам следовало бы вернуться к старому названию: «Императорская академия наук», и тогда бы мы избежали этой бессмысленной реформации. С другой стороны, эта была Тэтчер, а у нас другие люди — Ливанов, Фурсенко, Ковальчук — которым ничего не жалко. Здесь уместно вспомнить изречение из записных книжек Сергея Довлатова: «Тигры, например, уважают львов, слонов, гиппопотамов. Мандавошки — никого.»

По ряду признаков создается впечатление, что сверхзадача всех преобразований состоит в уничтожении не только РАН, но и Институтов РАН и их замену какими — то новыми образованиями, то «вольными» лабораториями и группами (кто будет обеспечивать инфраструктуру и научную питательную среду при этом сейчас не рассматривается). Параллельный вариантпоглощение институтов университетами. Какова здесь роль ФАНО не вполне ясно.

И, наконец, эксперименты над нами ставят люди, либо не имеющие представления о том, что такое наука, или те, кто давно потерял интерес к научной деятельности. Пора выразить наше отношение к происходящему. Наше молчание грозит окончательной гибелью российской науки.

Вестник РАН, 85,8, 2015, 725–726.

32. Выступление на Общем собрании РАН

24 марта 2015

Аскольд Иванчик
Член-корреспондент РАН
Вестник РАН

На мой взгляд, ключевой сейчас является проблема разграничения полномочий между Российской академией наук и Федеральным агентством научных организаций, которое руководит институтами.

С начала реформы РАН прошло полтора года, и уже можно довольно уверенно судить о том, каково научным сотрудникам жить и работать в новых условиях, под управлением ФАНО. Существенные достижения у ФАНО, несомненно, есть. Среди них прежде всего следует назвать активное продвижение юридического оформления прав собственности на имущество РАН, чем прежний Президиум довольно долго пренебрегал. В некоторых случаях ФАНО удалось выиграть длительные тяжбы, например, вернуть институтам здания, которые в противном случае могли бы быть утеряны. Создается впечатление, что Агентство лучше справляется с управлением собственностью, чем это делал прежний Президиум РАН, и с этой точки зрения следует признать его деятельность успешной и поблагодарить за это М.М. Котюкова.

Однако главное в научных институтах — это всё-таки не собственность, а научная работа. И здесь результаты руководства ФАНО представляются менее убедительными. Часто они описываются словами «удалось избежать», «удалось сохранить», например: «удалось избежать разрыва финансирования», «удалось сохранить научные направления и научные издания» и т.д. Но если главным результатом реформы оказывается лишь сохранение прежних достижений, то совершенно непонятно, зачем она затевалась и каков её смысл.

Впрочем, на самом деле результаты реформы видны, и было бы ошибочно говорить о том, что простые научные сотрудники её не заметили. Речь, к сожалению, идёт прежде всего о резком повышении бюрократической нагрузки. Это отмечают практически все сотрудники. Из ФАНО в институты приходит множество бумаг, требующих немедленного ответа. Запрашиваемая информация часто дублируется, и смысл запрашиваемых сведений неочевиден.

В первую очередь нагрузка падает на администрацию институтов, в которой работают также действующие учёные, и если им приходится заниматься множеством бумаг, то на исследования времени практически не остаётся. Обычные сотрудники, конечно, тоже не остаются в стороне. Они постоянно составляют планы, отчёты, регламенты и т.д. Иногда приходится слышать, что это издержки переходного периода. Однако он длится уже полтора года, и конца ему пока не видно.

Возрастание бюрократической нагрузки свидетельствует обычно о недостаточной компетентности управленцев. Поскольку они плохо ориентируются в той области, которой управляют, то чувствуют себя неуверенно и стремятся компенсировать неуверенность, а заодно и обезопасить себя обильным бумаготворчеством.

Вероятно, сотрудники ФАНО чувствуют себя вполне уверенно в своей профессиональной сфере — управлении имуществом и финансами и не так уверенно в управлении наукой, специфику которой представляют плохо. Например, чего стоит требование планировать для каждого сотрудника на три года вперёд не только число статей, но и их точное название, объём и даже место публикации. Это требование, к счастью, было отозвано ФАНО, которое вняло доводам здравого смысла, но всё же оно было выдвинуто и обсуждалось.

Другой пример — обсуждаемая сейчас, в частности, на сегодняшнем собрании — реструктуризация, а если говорить проще, укрупнение институтов. Её причины никак не связаны с наукой. Укрупнение проводится без предварительной научной экспертизы, без оценки институтов и без внятно сформулированных научных целей. Задача здесь — совершенно очевидно — чисто управленческая. Трудно управлять примерно тысячью организаций. Кажется, что уменьшение их числа за счёт укрупнения сделает эту задачу более лёгкой.

В то же время опыт показывает, что для многих научных исследований (хотя, конечно, не для всех), эффективными оказываются как раз небольшие специализированные институты. Пожалуй, полезно сравнить нашу ситуацию с ситуацией во Французском национальном центре научных исследований (CNRS), который по своей структуре и по типу является самой близкой к РАН научной организацией на Западе. В CNRS на 30 тыс. сотрудников, из которых 12 тыс. научные сотрудники, приходится 1170 так называемых исследовательских единиц, которые соответствуют нашим институтам и являются юридическими лицами с собственным директором, бухгалтером, администратором, счётом и т.д. Как видно, этих институтов значительно больше, чем институтов в РАН на гораздо меньшее число сотрудников. Типичный французский институт — несколько десятков человек, а не несколько сотен, как у нас. Хотя, конечно, есть исключения, существуют и очень крупные институты.

Как показывает опыт, небольшие специализированные институты обеспечивают наибольший комфорт для исследователей: меньше бюрократии и доступнее администрация. Разумеется, в CNRS есть и надструктуры — 40 секций, объединенный в 10 «Национальных институтов» по тематике, что примерно соответствует отделениям и секциям в прежней РАН. Возможно, именно тот факт, что отделения не получили в системе ФАНО адекватной замены, сильно затрудняет управление институтами и приводит к желанию их укрупнить.

Предлагаемая реструктуризация таким образом, на мой взгляд, представляет собой движение в противоположную сторону по сравнению с общемировой тенденцией. Это усиление централизации и бюрократического контроля там, где требуются автономия и самоуправление. Хорошо известно, что управление наукой эффективно только в условиях самоуправления. Наукой должны управлять учёные, а не чиновники.

Выход из нынешней ситуации, с моей точки зрения, очевиден. Каждый должен заниматься тем, что он лучше умеет. ФАНI должно оставить за собой управление имуществом, а управление наукой вернуть Академии наук, у которой это получается лучше. Я именно так понимаю разграничение полномочий между ФАНО и РАН на основе принципа «двух ключей», который предлагает Владимир Евгеньевич Фортов. Призываю всех поддержать это предложение.

Есть и еще одна причина поддержать этот принцип. Надо сказать, что Россия — не первая страна, где проводились реформы академии. Они осуществлялись в ряде постсоветских стран, а ещё раньше — в ГДР. На их фоне российская реформа выглядит, скорее, мягкой и компромиссной, поскольку предполагает сохранение системы академических институтов, хотя и отделённых от самой академии.

В Грузии, например, реформа была гораздо радикальнее -сама система академических институтов была уничтожена: одни были закрыты, другие — сильно сокращены, и то, что от них осталось, передано в университеты, учреждения культуры, музеи. Результат оказался катастрофическим: сократилось число занятых в науке и число публикаций, уровень исследований упал.

У нас, к счастью, система академических институтов сохранена. Но не секрет, что в России немало сторонников реформы по грузинскому сценарию, в частности демонтажа системы академических институтов и передачи остатков университетам.

Опасность того, что реформу будут пытаться развивать в этом направлении, довольно велика. А это противоречит интересам и РАН, и ФАНО, (поскольку будет означать уничтожение ФАНО), и академических институтов, и российской науки. Поэтому ФАНО и РАН являются, на мой взгляд, естественными союзниками, и лучшей базой для сотрудничества и взаимной поддержки, чем принцип «двух ключей», придумать трудно.

Я призываю Общее собрание и других наших коллег поддержать разделение компетенций по упомянутому принципу. ФАНО должно управлять имуществом и обеспечивать условия для занятия наукой, а академия — осуществлять координацию и экспертизу научных исследований и отвечать за научную сторону дела. Я поддерживаю Валерия Александровича Рубакова в том, что это разграничение должно быть закреплено законодательно, например, в качестве поправок к закону о реформе РАН.

Вестник РАН, 85,8, 2015, 735-736.

33. Александр Кулешов: «Много раз падал, много раз вставал»

15 апреля 2015

Александр Кулешов
Академик РАН
Интервью с Ольгой Орловой
Телеканал ОТР

На «Общественном телевидении России» выходит программа «Гамбургский счет», которую ведет научный журналист Ольга Орлова. Публикуем сокращенную версию ее беседы с академиком РАН, директором ИППИ РАН Александром Кулешовым. Александр Кулешов — специалист в области информационных технологий и математического моделирования. В 1970 году окончил механико-математический факультет МГУ им. М.В. Ломоносова. В 1987 году защитил диссертацию доктора технических наук. До 1991 года работал в оборонной промышленности. С 1983 года занимал должность главного инженера НПО «Кибернетика» (Москва), с 1984 года — первый

заместитель директора Научно-тематического центра. В 1990-е годы занимался предпринимательством в странах Западной Европы. С 2006 года руководит Институтом проблем передачи информации им. А.А. Харкевича РАН и возглавляет кафедру предсказательного моделирования и оптимизации в Физтехе. В 2011 году избран академиком РАН. В 2013 году стал одним из инициаторов создания Комиссии общественного контроля за реформой науки.

— Математикам не дают Нобелевскую премию — таково было решение Нобеля, поэтому высшей наградой для молодых исследователей стала премия Филдса. Три обладателя этой премии вышли из Вашего института. Вы как-то умудрились прожить сразу несколько разных жизней.

Да, все об этом говорят.

— И про каждую из этих частей можно написать целую повесть, а вместе — большой увлекательный роман. Каким было Ваше начало? Вы же очень рано освоили школьную программу.

Да, всё это правда. Проблема в том, что это мне никогда в жизни не помогло. На самом деле опыт говорит о том, что раннее развитие вообще ничего не гарантирует и ничего не улучшает. Мне кажется, что надо давать детям развиваться так, как они могут развиться до какого-то уровня. В Советском Союзе была действительно великолепная система: даже если ты жил в глухой сибирской деревушке, то этот огромный невод, который был создан властью, вылавливал талантливых детей с помощью всесоюзных заочных физико-математических школ, олимпиад и т.д. Хочешь ты или не хочешь, но он тебя всё равно пригребал и в Колмогоровский интернат, и на мехмат, и в МФТИ, и на физфак, и т.д. В этом смысле страна абсолютно максимизировала свои потенциальные возможности.

— Когда Вы попали на мехмат, там было много таких ребят?

Это был 1964 год — год бэби-бумеров 1946 года рождения, тогда учились 11 лет. Когда я поступал, там был конкурс 27 человек на место. Все, кто поступил, считали себя как минимум Лагранжами. Это был мехмат, где такие люди, как Колмогоров, Гельфанд, Новиков, учили таких людей, как Манин, Новиков-младший, Арнольд.

— То есть получалось, что одно поколение гениев учило другое поколение гениев.

Владимир Игоревич Арнольд, будучи математиком с всемирным именем, вел у нас в группе семинары по теормеху.

— А он уже доказал проблему Гильберта, был известен?

Да-да. В 26 лет он вел у нас семинар по теоретической механике. <…> То же самое, кстати, и Новиков: уже будучи членкором, тоже 26 лет, он вел у нас семинар. И это было типично для мехмата. Думаю, у меня в зачетке есть девять или десять автографов академиков. Это действительно была абсолютно уникальная концентрация интеллектуальной мощи, которой не было ни до, ни после. На самом деле это было довольно трудно выдержать психологически. Процент людей, попадавших в психиатрические больницы, был невероятно высок. Это, конечно, связано с тем, что люди не выдерживали такого стресса. <…> Вот ты живешь в трехмерном пространстве и ощущаешь в нем себя как дома. Что это значит? Если тебя спросят: у тебя есть куб, если рассечь его плоскостью, что будет? Любой здравый человек подумает и перечислит все возможные варианты. А Израиль Моисеевич Гельфанд мог ответить на вопрос: а что будет, если в 18-мерном пространстве куб посечь пятимерной плоскостью?

— Откуда они взялись, Гельфанд и Арнольд, как это получилось?

У меня с одним олигархом, не хочу называть фамилию, но это очень известный человек, как-то состоялся забавный разговор. Он мне с некоторой долей иронии сказал: ты что, действительно думаешь, что в России есть какая-то особенность, которая порождает значительное количество умных людей? Я говорю, что, конечно, нет, я верю в законы биологической эволюции: сначала формируется некий социальный вектор, а потом под него формируется уже биологический. Если в течение пяти поколений ученые, условно говоря, были «лучшими женихами», то через некоторое время в популяции их становится больше. <…> Если в данной популяции возникает нужда в отчаянных, смелых, решительных и т.д., то через определенное время они так или иначе появляются.

— И, соответственно, наоборот.

Да, если не требуется — значит не требуется. Потихонечку всё это вымывается, и талантливые люди становятся редкостью.

— После мехмата Вы попали в оборонную сферу. Не выдержали груза чисто фундаментальной науки?

Во-первых, конечно, не выдержал. В тот момент я попал в НИИ автоматической аппаратуры, в котором благополучно отработал большую, лучшую часть своей жизни. Это была система управления стратегическими ядерными сетями, начиная с того самого знаменитого чемоданчика, на самом деле являющегося лишь мелкой деталью огромной системы. В нашей кооперации тогда работало почти 200 институтов и заводов, это было нечто гигантское. А сейчас это сделать нельзя — сейчас просто физически нет таких ресурсов.

— Возможно ли возродить ту самую оборонку, о которой сейчас столько говорят?

Нет, невозможно.

— Почему?

Тут очень много причин. Во-первых, Советский Союз — это не Россия. Да, людские, материальные ресурсы совершенно иные. Во-вторых, система Советского Союза вытаскивала в очень раннем возрасте способных к чему-то людей и формировала их будущее. Этой системы уже нет, и никто, собственно, не озабочен ее созданием. Без этого ничего подобного тому, что было в Советском Союзе, сделать нельзя, без этого ничего не получается. В нашем институте работало очень много мехматян, физтехов и т.д., они составляли как бы основной интеллектуальный костяк того, что производилось. Сейчас происходит грандиозная утечка мозгов, все на самом деле боятся сказать правду, боятся посчитать.

— У Вас нет ощущения, что та модель, когда лучшие интеллектуальные силы концентрируются вокруг оборонных государственных заказов, уже устарела?

Вне всякого сомнения, она погубила Советский Союз. Она, возможно, его в какой-то момент спасла, а потом погубила. Потому что, безусловно, мы прекрасно понимали, что всё это крайне избыточно. С другой стороны, избыточность создавала конкуренцию. Вы поймите, в Штатах есть Боинг и Локхид, которые занимаются одними и теми же вещами и у которых один из основных заказчиков — это государство. Зачем это делать, почему бы их не объединить в одну корпорацию, и еще плюс к этому добавить какой-то Рэтион (Raytheon)?

— Если раньше технологии приходили из военных отраслей в гражданские, то сейчас ровно наоборот.

А потому что без конкуренции всё умирает. Советский Союз создавал такую же сознательную конкуренцию, мы тоже работали в очень конкурентной среде. У нас была действительно масса трагических ситуаций, когда, можно сказать, генеральные конструктора попадали в психушку, проиграв очередной конкурс, и т.д. Конкуренция создавалась искусственно, но совершенно сознательно.

— Вы сказали, что сейчас невозможно воссоздать ту оборонку в том виде, в котором она была, но, может быть, и не нужно?

Нет, невозможно, да и не нужно. Я выскажу непопулярную, особенно в своей среде, точку зрения: я абсолютно убежден, что у России должна быть мощнейшая армия и лучшее вооружение. Может быть, не так, как в Советском Союзе, потому что это действительно был грандиозный перебор. Вы знаете, я вообще охотник и часто, бывает, летаю на вертолете. Летишь, например, вдоль монгольской границы со стороны России и видишь: там стоят километры-километры устаревших танков, никому, простите, на хрен не нужных. Эти танковые поля на многие километры — совершенно ужасающее зрелище. Советский Союз погиб именно из-за этой избыточности.

— Вы рассказывали про модель, когда концентрация интеллекта рождала огромные оборонные возможности. Сейчас ровно наоборот: если у вас есть хорошие технологии, научная система

развита и т.д.— тогда вы можете себе и оборонную отрасль позволить, и достаточно сильную.

Да, если раньше технологии приходили из военных отраслей в гражданские, то сейчас ровно наоборот: сейчас военные живут на неких следствиях гражданских технологий. Бывают даже совершенно смешные вещи. Например, взять indoorпозиционирование. Понятно, что GPS нигде у нас в помещениях не работают, но сейчас это становится некой важной опцией. Огромные аэропорты, моллы, где человек хочет ориентироваться, но и не только это. Крупные предприятия, где хозяин хочет смотреть за тем, что в данный момент делают его сотрудники, и т.д. А есть некоторые средства внутреннего позиционирования, которые основаны на некоем анализе полей, не буду сейчас в детали погружаться. Странным образом оказывается, что это — абсолютно гражданская технология. Зачем она нужна? Больше всего для таргетирования рекламы: ты проходишь мимо моего магазина в большом молле, я это вижу и сбрасываю тебе — оглянись направо, и ты увидишь «месседж». Что может быть более гражданской технологией? Ничего. Но оказывается, что и очень военная технология.

— А как бы ее применили военные?

Для точности наведения. GPS — это дело хорошее, но она очень легко глушится. А есть некие константные вещи. Ведь как ты заглушишь электромагнитное поле Земли? Оно везде немножко разное. Если ты этот рельеф каким-то образом снял, то можешь наводиться и по нему тоже. Короче говоря, сейчас мы живем в мире, где очень трудно сказать, что военное, а что гражданское. На самом деле такого разделения уже просто не существует. Строго говоря, сейчас любая новая технология — двойная.

— Вы покинули оборонку в достаточно такой трагический момент для страны. Думаю, что и для Вас, главного инженера научно-тематического центра НПО «Кибернетики», это был серьезный момент в жизни. У Вас была высшая форма секретности, правильно?

Выше не бывает. Я был первым заместителем генерального конструктора. Моим руководителем, учителем, наставником был Игорь Александрович Мизин. У нас была смешанная система, генеральным конструктором был академик Владимир Сергеевич Семенихин, гениальный человек, я просто снимаю перед ним шляпу, это был человек действительно фантастического интеллекта, организационных способностей и т.д. Но через два года после его смерти, в 1990 году, руководителем предприятия и генеральным конструктором стал наш бывший бухгалтер.

— Бывший бухгалтер?

Да, плановик. Институт за год-полтора развалился до основания. Конечно, принимать какое-то решение было очень тяжело. Потому что, Вы знаете, это как выйти на мороз. И годы мои были совершенно не юные. Когда у тебя машина «Татра», помощники, секретари, уже после кольцевой ГАИ должна была тебе отдавать честь. И вот так просто выйти в никуда было очень сложно.

— У Вас было ощущение крушения?

Мне надо было проходить регулярную диспансеризацию, и там сказали, что у меня опухоль. Говорю — хорошая, плохая? На что ответ: вскроем — посмотрим. Я хорошо помню момент, когда после наркоза уже угасает сознание, и я вдруг понимаю, что если я из этого не выйду, то с моей семьей будет очень плохо. Я понял, что мне нужно уходить,— я просто закрыл дверь и вышел. Произошло это ровно так: закрыл дверь и вышел в ровно никуда — уехал в Европу.

— А как Вас отпустили при той форме секретности в Европу?

Это хороший вопрос. В 1990–1991 годы был период полного развала, когда вдруг всё стало можно, никакого контроля уже не было. Потом он вернулся опять. Но это был период, когда не было ничего, и я уехал в Европу. У меня два свободных языка — французский и английский. Я понимал, что я не пропаду ни в коем случае. Я довольно долго, больше десяти лет, занимался собственным бизнесом, работал сам на себя.

— Что Вы делали в Европе, что это был за бизнес?

Всю свою жизнь я занимался только тем, что умею и чем могу заниматься. В обобщенном смысле это информационные технологии, хотя, на самом деле, можно это назвать прикладной математикой. Это не программирование в таком классическом смысле, хотя программированием мне тоже

в жизни пришлось заниматься, безусловно,— но это то, что ближе к математике. Собственно, ровно и то, что мы развиваем в нашем институте. В ноябре 2014 года на Физтехе был международный конгресс, и я на нем делал доклад, который назывался «От теоремы до индустриального продукта». На примере того, как совершенно абстрактная вещь, так называемое снижение размерности, условно говоря, приводит к продукту, который не просто можно продавать, а который всем нужен. Мне моя работа в промышленности дала умение и понимание того, что такое индустриальный продукт. Я думаю, что это умение я сумел передать в институте и в те стартапы, которые у нас есть.

— *Вокруг вашего института огромное количество стартапов, и они совершенно не типичны для академического института.*

Да. Очень важно, что эти стартапы действительно достигают индустриальных результатов. Например, наш стартап DATAADVANCE (www.datadvance.net), созданный совместно с компанией Airbus. Мы сделали продукт, который сейчас в действительно «коробочном» виде продается Бог знает где — от «Роллс-Ройса» до «Аревы», «Еврокоптера», «Мицубиси», «Порше», «Ай эйч ай» и т.д. Где угодно, только не в России. Это такая маленькая деталь, необходимая для интеллектуального анализа данных и оптимизации, в частности робастной оптимизации, и т.д.

— *Почему он не продается в России, нет покупателей?*

Это продукт, который нужен в условиях очень жесткой конкуренции. Если ты бегаешь 100 метров за 12–13 секунд,— это очень хорошо на самом деле,— ну и бегай дальше, вокруг дома можешь, а в спорте высоких достижений ты должен бегать за 9,6–9,8 секунды. Там действительно играют роль милли-и микросекунды, они важны. Этот продукт важен, когда конкуренция идет за каждый грамм веса, за каждый процент топливной эффективности. А если у тебя нет конкуренции, если ты делаешь просто что-нибудь, только бы сделать, он тебе действительно не нужен. Такова печальная правда жизни.

— *Как бы Вы сравнили ведение бизнеса там и здесь, особенности европейского бизнеса и российского?*

У нас было очень много иллюзий в начале 1990-х годов в отношении того, что другие люди по-другому ведут бизнес. Мы вообще не понимали, что такое бизнес…На самом деле особых иллюзий здесь быть не должно: те же самые люди, попадая в другие условия, очень часто мгновенно коррумпируются еще хуже наших. Мы выросли в агрессивной среде, и у нас есть больше устойчивости к коррупции, чем у людей Запада. Я знаю очень много случаев, когда человек приезжал сюда и начинал с того, что говорил: «Да что вы! Как же так можно?» Проходит год, и ему говоришь: «Слушай, ты что делаешь? Остановись, берега-то знай».

— *Скажите, а какая из трех жизней — в оборонке, бизнесе и в науке — самая яркая, самая значимая для Вас?*

В оборонке.

— *Что было самым серьезным провалом в Вашей жизни?*

Неудавшиеся стартапы, неудачные вложения — всё это было, и через всё это пришлось пройти. Я много раз падал, много раз вставал, и это нормально.

http://www.ras.ru/news/shownews.aspx?id=602b3adc-62a7-4e72-91a1-ed17958ee786

34. Власть «послушных»

23 апреля 2015

Роберт Нигматулин
Академик РАН
Интервью с Александром Чуйковым
Аргументы Недели

На состоявшемся недавно общем собрании Российской академии наук (РАН) присутствовали первые лица страны. В том числе премьер Дм. Медведев и глава Минобрнауки Дм. Ливанов. Говорят, что Ливанов не собирался встречаться с учёными. Но премьер настоял. О «холодной войне» между министерством и РАН, о судьбе нашего научного флота, о рукотворном экономическом кризисе и о большой политике «АН» поговорили с выдающимся российским учёным, директором Института океанологии РАН академиком Робертом НИГМАТУЛИНЫМ.

«Оптимизаторы» жизни

— Роберт Искандрович, какие сейчас отношения между академией и Минобрнауки?

Никаких. Нынешнее министерство не решает ни одной из поставленных задач. Уровень образования, его финансирование падают до разрушительных величин. Конечно, я понимаю, что тот же Ливанов не печатает денег, но он вместо отстаивания интересов образования и науки, по-моему, занимает позицию «чего изволите?». Финансисты говорят -надо сокращать расходы на образование. Министр берёт под козырёк. Что касается науки, то я -директор крупнейшего научного института, член президиума РАН -совершенно не понимаю, какое отношение это министерство к ней имеет. Когда Ливанова назначили на этот пост, я и ряд моих коллег, в том числе вицепрезидент РАН, пытались записаться к нему на приём. Нам ответили, что у него нет времени с нами встречаться. И вы хотите поднять страну, создать систему импортозамещения с таким отношением министра к учёным, руководителям академических институтов?!

— Владимир Путин говорил, что финансирование науки будет не сокращаться, а расти до 1,77% от ВВП. Доросло?

Вся российская наука еле-еле получает 1% от ВВП. РАН достаётся 0,15%. В текущем году это примерно 110 миллиардов рублей. Но уже проявился секвестр. Между тем нормальные, или «цивилизованные» страны, которые у нас приводятся в качестве эталона, выделяют на научные исследования минимум 2% ВВП. А США –2,8%, Япония –3%, Израиль –4%. У них дороже оценивается и человеческий капитал -на здравоохранение, как минимум, 5% ВВП. На образование –7–8%. Без ссылок на кризис и прочие обстоятельства. Наоборот, в период экономического кризиса госрасходы должны расти. А у нас «оптимизируются».

«Оптимизация» медицины, которой командуют товарищи «чего изволите?», уже привела к росту смертности, которая и так гораздо выше, чем в странах новой Европы (Польша, Венгрия Чехия и др.) с таким же ВВП на душу населения, как в России. За два месяца (январь-февраль 2015 года) по отношению к тому же периоду прошлого года уровень смертности в России вырос на 2,6%, а в Москве -на 8,5%. И об этих последствиях «оптимизации» специалисты предупреждали. По таким «организаторам медицины», у которых нет необходимой квалификации в организации медицины, нет ни стыда, ни совести, руководство страны должно сделать кадровые выводы. Смертность людей -лакмусовая бумажка, показывающая, насколько государство является социальным. Как только система ухудшается, смертность растёт моментально. Человек живёт долго, а умирает быстро.

Какой нынче кризис на дворе?

— Вы сказали о мизерной доле финансирования науки. Вам закономерно ответят: кризис, всем плохо.

Во время экономического кризиса надо, сокращая расходы на «увеселения», тем не менее увеличивать государственный бюджет. Потому что экономический кризис возникает из-за деградации покупательского спроса, определяемого фондом оплаты труда среднего и бедного классов. Надо не давить сокращением госрасходов покупательский спрос, а создавать условия для его роста со стороны этих классов, значительная часть которых состоит из так называемых бюджетников.

Это учителя, врачи, военнослужащие, учёные. За счёт чего? В основном за счёт перераспределения части доходов очень богатого класса, составляющего 1–2% населения. Самый известный кризис был в 20–30-е годы прошлого века в США. В то время на 1% богатейших людей приходилось 20% национального дохода. За несколько лет удалось снизить этот центильный коэффициент до 8%. Богатые стали делиться, в том числе и с государством, которое смогло нарастить расходы. Средний класс стал покупать больше товаров, начался промышленный рост. В США тогда поняли, что покупательский спрос -это главный, пожалуй, даже единственный двигатель рыночной экономики. Если уж вы строите такую же, то извольте учитывать её законы. Сейчас в США центильный коэффициент опять вырос до 19%. И это показатель кризисной экономики. Там богатый класс всячески сопротивляется увеличению налогов с богатых. В России он, по моим оценкам, 40–50%. Об этих цифрах даже не говорят. Конечно, исправлять это очень сложно, ведь надо вводить прогрессивный налог на доходы, на большие наследства, на поместья, которыми владеют в том числе и сами чиновники, и депутаты, и семьи министров. Надо принимать массу непопулярных у богатейших людей законов. Но без жёстких решений невозможно выйти из кризиса и обеспечить экономический рост. Но всё можно сделать, если опираться не на «послушных» и «чего изволите?». А выстроена именно такая система управления. Говорилось, правда, об управляемости, а выстроили именно «послушную».

— Но чиновники говорят, что экономика растёт…

Знаете, зачем убивают образование? Только плохо образованным и не думающим людям можно внушить, что у нас экономика в 2013 и 2014 годах росла на 1–2%. При падении потребления электроэнергии, объёма грузовых перевозок и снижении инвестиций экономика объективно не может расти. Так что это подтасовки для обмана народа и самоуспокоения правительства.

— Поэтому большая наука не нужна нынешнему государству -может ткнуть носом в обман?

Чиновникам не нужна. Почему-то именно себя они и считают государством. Сидит такой исполнитель в Минфине или Минобрнауки, распределяет государственные деньги, сокращает науку, образование, здравоохранение и говорит от имени государства. Судит о нас от имени государства. А я не часть государства?! Другие учёные, руководители научных учреждений -не государство?! В научной политике страны первичным звеном является учёный, организатор науки. А чиновник должен ему помогать. У нас всё наоборот. Когда-то академик АН СССР получал зарплату большую, чем глава государства Сталин. А сейчас в России зарплата профессора в 10 раз меньше зарплаты депутата парламента. Других таких стран нет. Поэтому говорить об уважении к науке, к учёным в таких условиях так же нелепо, как говорить о росте экономики.

— «Рост» вы чувствуете и на себе?

Научный флот Института океанологии получает на экспедиции деньги, которых хватает ровно на неделю в году. Остальное время он должен стоять в порту? Только «Академик Мстислав Келдыш» или «Профессор Штокман» за месяц стоянки «съедают» 5 миллионов рублей. Вот и приходится свои суда сдавать в аренду, для туристов, а во время круиза там работают мои научные сотрудники. Вот отношение к своей науке. На зарубежные научные суда пробиться же невозможно. Очередь на экспедиции расписана на годы вперёд. И это естественно -на дне океанов есть вся таблица Менделеева. Нефть, руды, редкоземельные металлы. И это будет осваиваться в ближайшие десятилетия. При современных технологиях это уже можно делать, сейчас решаются вопросы удешевления стоимости добычи и проблемы соблюдения экологических норм.

Сочинение на заданную тему

— Вы критикуете власть, а что бы сделали в первую очередь, если вдруг оказались на высоком государственном посту?

Первое — ротация кадров. Уровень компетентности и честности — безобразный. Показательный пример — сахалинский губернатор. Как это столько лет можно было не замечать его воровство, исчисляемое миллиардами? Должны лишиться должности все, кто его рекомендовал президенту. Все руководители правоохранительных органов, которые по должности были обязаны контролировать его деятельность. Если они прозевали — никчёмные. Если знали — жулики. Дискредитирована высшая власть страны, а такого нельзя допускать. Второе -чёткая стратегия развития страны. Решили, не спросив нас, пойти в капитализм? Прекрасно. Но соблюдайте его законы, в том числе главный — развитие покупательского спроса. Но об этом даже не говорят. Повторюсь, аномальное распределение доходов тормозит экономику и убивает её эффективность. При сбалансированной экономике 1 кг хлеба стоит примерно столько же, сколько 3–4 литра бензина.

У нас же за 1 кг хлеба производитель получит эквивалент 1 литра бензина. Следовательно, кто делает бензин — богатеет, а кто хлеб — нищает. Сколько можно терпеть этот диспаритет? При советской власти с каждого рубля вложений мы получали 4,2 рубля эффекта. Сейчас — 2,5 рубля. На Украине — 1,95. Даже та «госплановская» экономика, которой мы были недовольны, существенно была более эффективной, чем нынешняя хвалёная рыночная. Руководители экономического блока должны не следить за тем, как оторвать ещё кусок финансирования от науки, образования или здравоохранения, а разработать рыночные меры для сбалансированного распределения доходов, используя прогрессивные налоги. Нужен независимый депутатский корпус. Когда я был в Госдуме, то меня нельзя было заставить поднять руку за ущербные законы. Должны быть фильтры для таких законов, а у нас при послушности все они проходят. В наше время эффективных информационных систем нельзя управлять «на глазок». «Физические» законы для динамических систем, какими являются социально-экономические системы, работают и в экономике, и в обществе: если динамическая система не сбалансирована, то она останавливается в своём развитии или её разносит. И тогда не будет развития страны, какие бы патриотические речи мы ни говорили.

«Божественный ветер» науки

— *А для академии что бы сделали? Как бы выстроили горизонталь: власть-наука?*

Во всех структурах, которыми руководит президент, в том же Совете безопасности, должны быть представлены самые авторитетные учёные из разных наук. Они должны иметь возможность представлять независимые от чиновников научные решения.

— *Практически то же самое предлагал Путин во время реформирования РАН: создать главный экспертный совет.*

Сейчас это очень сложно сделать. Средний возраст академика –75 лет. Средний возраст членов-корреспондентов –70 лет. Удручающая статистика, которая говорит о том, что РАН в нынешнем составе скоро будет не способна выполнять функции, которые на неё возлагаются. В первую очередь -быть координатором и «законодателем моды» в науке. И неспособность будет катастрофически усиливаться.

Если мы хотим сохранить академию, в том числе и как главный экспертный совет, нужно срочно избирать в неё, но через систему многоступенчатых выборов, около тысячи докторов наук. Присваивать им звания «профессор РАН», все права членов академии и академическую стипендию, например, половину от член-корреспондентской. РАН нужен новый свежий ветер из ведущих учёных всех научных учреждений страны.

В противном случае мы, конечно, не потеряем большую науку -Россия всегда возрождается, но мы потеряем экспертнуюроль Академии наук, и эта функция перейдёт непонятно кому.

http://argumenti.ru/science/n485/397292

35. Наука – не только звезды

13 мая 2015 г.

Валерий Рубаков
Академик РАН
Радио Свобода

В начале мая российские ученые опубликовали письмо-обращение к Председателю правительства РФ Дмитрию Медведеву с просьбой не утверждать ряд документов, устанавливающих новые правила игры в управлении российской наукой, и прислушаться к мнению научной общественности. Два года назад, весной 2013 года, жесткими высказываниями министра образования и науки Дмитрия Ливанова в адрес РАН де-факто была запущена подготовка капитальной реформы Российской академии наук. Роль академии в итоге сократилась до своеобразного элитного клуба ученых, функции бюрократического управления наукой взял на себя новый административный орган, ФАНО (Федеральное агентство научных организаций), а научное сообщество практически лишилось возможности влиять на свою судьбу и судьбу российской науки. На фоне происходящих в России в последнее время событий атака Министерства образования и науки на РАН

двухлетней давности стала забываться, но в действительности бюрократическая реформа только начала подбираться к базовым единицам исследовательской работы — научным институтам и лабораториям.

Научный обозреватель Радио Свобода встретился с физиком, академиком Валерием Рубаковым, ставшим одним из главных защитников российской науки от необдуманных действий чиновников, и расспросил его об обращении ученых к Дмитрию Медведеву, последствиях реформы РАН, общественной деятельности ученых и приоритетности квантовой теории черных дыр.

— *Открытое письмо к председателю правительства — отчаянный шаг, последний шанс предупредить какие-то катастрофические последствия реформы науки, или рабочая ситуация, просто часть уже почти двухлетнего противостояния между научным сообществом и чиновниками?*

Нет, это не отчаянный шаг, это шаг продуманный, но ситуация далека от рабочей. В случае принятия документов, о которых идет речь в нашем письме, ситуация с наукой в стране сильно изменится.

— *В письме упоминается недавнее выступление Медведева на общем собрании РАН. Оно дало повод надеяться, что Дмитрий Анатольевич сможет и захочет повлиять на ситуацию?*

Он дал понять, что правительство, руководство страны готово действовать аккуратно, прислушиваться к разным мнениям. Из его слов было понятно, что нет настроения рубить топором.

— *Немного странная ситуация: с самого начала обсуждения реформы РАН высшее руководство регулярно намекает, что готово прислушаться к мнению научного сообщества, а чиновники уровня министерства, ФАНО словно этого и не замечают, продолжают действовать в своем стиле, особенно на пожелания ученых не обращая внимания.*

Да, странная ситуация. Это в меньшей степени относится к ФАНО, хотя и они играют свою скрипку, но вот то, что исходит от Минобрнауки, в основном сильно настораживает, и Вы, по-моему, правильно оценили ситуацию: на самом верху в общем виде говорится одно, а конкретные шаги, которые делает или пытается делать министерство, часто оказываются зубодробительными.

— *За два года, прошедших с начала реформы РАН, вам стала понятна мотивация министерства? Желание своеобразным способом войти в историю?*

Сложно сказать. Я думаю, то, что они делают, связано с плохим пониманием того, как устроена наука, как живут ученые. Есть стремление побыстрее провести реформы, преобразования, не очень задумываясь о последствиях. Но что ими в принципе движет, не знаю, я в душу ни Ливанову, ни другим чиновникам не заглядывал. Возможно, у них есть представление, что ученых слишком много, что они дармоеды и бездельники.

— *А ведь про Ливанова говорили, что он как раз и сам занимался научной деятельностью и как-то должен представлять себе, что это такое.*

Вроде бы занимался, но, если судить по действиям, которые сейчас пытается произвести министерство, представления министра о науке достаточно своеобразны. По-видимому, он плохо понимает, что есть не только звездные ученые в звездных институтах, но и широкий круг исследователей по всей стране, что важны не только отдельные выдающиеся люди, но и среда вокруг них. Понимания, что такая среда необходима, что без нее не будет никаких больших успехов, видимо в министерстве нет, во всяком случае, их планируемые действия направлены на то, чтобы эту среду уничтожить. Сигнал, который сквозит во всех документах, исходящих от чиновников: наука — удел избранных, она делается исключительно людьми сингулярными, выдающимися.

— *Другими словами, стране нужна пара придворных алхимиков и все.*

Грубо говоря, да. Должно быть какое-то количество придворных алхимиков, хорошо оплачиваемых, может быть, приглашенных из-за границы, вот и вся наука. На самом деле, конечно, ничего подобного.

— Что именно ужасного в документах, разработку которых вы просите приостановить в открытом письме?

Два из них исходят от Минобрнауки. Это так называемая "Программа фундаментальных исследований", а также документ с невинным названием "Методические рекомендации по распределению субсидий". Там фактически есть две основные идеи. Одна идея в том, что в науке должны быть установлены жесткие приоритеты, какие-то области надо поддерживать, а другие, в общем-то, можно и закрыть. А вторая идея — что то базовое финансирование, которое сейчас есть в институтах, финансирование, выделяемое институту как таковому, надо заменить на конкурсное. То есть ученых нужно заставить бороться за жизнь, грызть друг другу глотки. Пусть победит сильнейший, а остальные пойдут подметать улицы. Примерно такая выстраивается картина: приоритеты исследований и конкурсное финансирование на всех уровнях.

— Чем это плохо?

Это противоречит тому, что у науки сегодня есть одни приоритеты, а завтра — другие. Например, сегодня кажется, что квантовая теория черных дыр никак не может быть приоритетом. А завтра может получиться — это я фантазирую,— что квантовая теория черных дыр станет основой квантовой информатики. А может, и не будет квантовой информатики — это неизвестно, как бы много сейчас ни говорили на модную тему квантовых вычислений и квантовых компьютеров. И вот вы занимаетесь квантовой теорией черных дыр, подаете заявку на конкурс, но это тема мало кому сегодня интересна, даже из ученых. Конкурс проигран, куда деваться? Либо полностью менять направление, либо уходить из науки или уезжать из страны. Последнее более вероятно.

— Как вы считаете, государство вообще может формулировать приоритетные направления для науки?

Конечно же, государство должно быть участником этого процесса. Какие-то приоритеты государство уже поставило, например, Арктика, развитие Арктического региона. И это нормальное дело, если есть деньги, дополнительные к тому, что имеют институты. Государство не просто имеет право, оно обязано ставить научные приоритеты и стимулировать ученых заниматься направлениями, которые оно считает важными. Но ограничить все государственными приоритетами означает, что через 10 лет мы окажемся не в состоянии даже понимать, что происходит в мировой науке, в тех областях, которые, между прочим, могут вдруг оказаться приоритетными и очень нужными.

— Кто должен определять приоритетные направления исследований по нынешним правилам?

По каким-то документам — Академия наук, по каким-то — вообще непонятно кто. Но в любом случае — не научное сообщество как таковое.

— В новой, послереформенной структуре есть РАН, ФАНО, Минобрнауки. Научное сообщество существует как-то отдельно от всех этих организаций?

В общем да, это верное представление. Диалог между научной общественностью и командирами пока не очень получается. Понятно, что научное сообщество должно быть полноправным участником и обсуждения перспективных исследований, и вообще принятия решений об организации науки.

— Но для этого в научном сообществе, оказавшемся в таком подвешенном состоянии, должны возникнуть какие-то общественные институты. Сейчас есть много организаций — и Комиссия общественного контроля за реформой РАН, и Конференция научных сотрудников РАН, и Общество научных работников, и много чего еще. Оттого что у ученых нет единого голоса, бороться за свои права и за будущее науки должно быть очень сложно?

Да, сложно. Сейчас действительно есть проблема, не знаю, разрешима ли она в принципе,— проблема самоидентификации научного сообщества. Раньше был статус-кво, когда более-менее было понятно, кто за что отвечает. Теперь идут такие процессы, в которых и разобраться-то бывает непросто, особенно человеку, который не вовлечен постоянно в какой-то организационный процесс. Нужно было бы иметь площадку или площадки для обсуждения такого рода вещей. Я бы считал, что в организации такого рода площадок должны бы были быть заинтересованы

наши начальники, руководство РАН, ФАНО, Минобрнауки. ФАНО, кстати, шаги в этом направлении делает, всевозможные обсуждения проводит, другое дело, что не всегда к результатам этих обсуждений прислушивается.

— Вместе с началом реформы РАН у многих ученых впервые появилась необходимость задуматься — как же на самом деле наука должна управляться.

Да, одного из таких ученых вы видите перед собой.

— И у вас сложилось понимание, как в российских реалиях научный ландшафт должен был бы быть в идеале устроен?

Знаете, к идеалу можно приближаться бесконечно. Если говорить об обозримой перспективе, такое представление существует. Думаю, должно быть несколько уровней исследовательских организаций, коллективов. Во-первых, широкий пласт ученых, которые занимаются самыми разнообразными тематиками. Вполне допускаю, что их уровень может быть разным, где-то сильнее, где-то слабее. Эта часть составляет базис, необходимый для того, чтобы наука могла вообще существовать. Это — примерно то, что раньше называлось институтами Академии наук. Сюда применимо и нормальное развитие грантовой системы. На втором уровне должны быть специальные меры поддержки наиболее сильных, наиболее продуктивных на мировом уровне научных коллективов — где-то институтов целиком, где-то — отдельных лабораторий, научных школ. И эта адресная поддержка наиболее сильных коллективов должна существовать дополнительно к общему финансированию. И конечно, будет перетекание и оплодотворение с одной и с другой стороны. Кроме этого, должны быть и государственные приоритеты, которые нужно реализовывать программным образом. Плюс к тому, и это то, о чем я постоянно говорю, должно происходить постепенное сближение науки и образования. Не механическим путем, нельзя взять академический институт и передать вузу — в современных условиях с большой вероятностью от этого института ничего не останется. Нужно создавать совместные лаборатории, давать возможность ученым из академических институтов преподавать, стимулировать это. Ну и, конечно, еще один очень важный элемент, с которым у нас большие сложности,— развитие научной инфраструктуры. В этом мы очень сильно отстали практически от всего мира.

— А как это могло бы выглядеть в бюрократической форме? Нынешнее разделение на ФАНО, как управляющей компании, и на РАН, как своего рода элитного клуба, вам кажется правильным?

Я выступал против того, чтобы создавалась новая бюрократическая структура, институты отделялись от РАН, и я до сих пор считаю, что это было ошибочное решение, но это случилось, и в такой ситуации приходится учиться жить. В принципе, пресловутое правило двух ключей, подразумевающее научное руководство Академии наук и хозяйственное руководство со стороны ФАНО, это потенциально работающая схема, если ее по-человечески реализовать. С другой стороны, ситуация с наукой в стране могла быть улучшена и без реформы академии, в рамках той структуры, которая была в РАН. Для этого нужна была политическая воля, достаточная, чтобы провести глубокие преобразования.

— Тем не менее, реформа, вызвавшая резкое неприятие значительной части ученых, стартовала, с тех пор прошло уже почти два года. У нее уже появились первые жертвы?

Слово «жертвы» я бы пока не употреблял, но то, что местами ситуация обострилась, это факт. Катастрофы пока не произошло, я думаю, только потому, что этой горе-реформаторской деятельности есть достаточно серьезное сопротивление. Письмо, о котором мы начали с вами говорить, это реакция на то, что начался новый виток этой деятельности.

— А может быть, где-то ситуация улучшилась, реформа оказалось не совсем бесполезной?

Такого улучшения я не вижу. Даже если говорить о библиометрических показателях, которые так любят в Минобрнауки, за последние год-два позиция России в рейтинге публикационной активности понизилась, хотя чиновники стремились ровно к обратному. И это естественно, ведь условия существования ученых никак не улучшились. Кроме того, например, резко возросла бюрократическая нагрузка. Если вы спросите у директоров, чем они занимаются, то окажется, что заметную долю времени, которое можно было бы потратить существенно более продуктивно, они пишут справки и читают бумаги, которые бесконечно исходят от ФАНО, на которые надо мгновенно отвечать. Конечно, это не способствует никакому развитию и деятельности по существу.

— А ведь какая-то часть риторики, сопровождавшей реформу РАН, казалась здравой. С необходимостью изменений, повышения эффективности управления наукой были согласны многие ученые.

Эта риторика была только риторикой. Никто до сих пор не оценил реального положения дел в науке, никто не разобрался, где, кто, чем и на каком уровне у нас занимается. Вот у министерства был для этого проект "Карта российской науки" — он был воплощен на таком уровне, что эту карту прозвали картой Ивана Сусанина. А ведь, казалось бы, именно на основании такого анализа только и можно делать какие-то преобразования. Так же и в новых документах, которые обсуждаются в открытом письме. Вы предлагаете: давайте сделаем вот так… Но предъявите расчет, что из этого получится. Какие установки надо будет закрывать, сколько народу надо будет уволить, сколько институтов останется. Объясните, сделайте такой расчет, предъявите людям, чтобы было понятно, куда мы идем. Ничего этого нет.

— Можно ли считать положительным следствием реформы то, что она заставила многих ученых выйти из башни из слоновой кости, сплотиться, заняться какой-то общественной деятельностью?

Я не вижу ничего в этом хорошего, честно говоря. Ученые занимаются творчеством, общественная деятельность для них обуза. Они вышли из башни из слоновой кости не потому, что их мнение стало интересно обществу, а потому что над ними самими нависла угроза. Если бы был общественный запрос на то, чтобы ученые высказывали свое мнение по самым разным вопросам, другой разговор. Но как-то этот запрос не очень просматривается.

— Вы активно занимаетесь защитой интересов науки и научного сообщества с самого начала обсуждения реформы. Не утомились?

Конечно, это все отнимает достаточно много сил, энергии. Сейчас я понимаю, каким был счастливым человеком до лета 2013 года: сидишь, формулы пишешь, студентов учишь, результаты получаешь. Но если уж я во все эти дела с реформой ввязался, забросить их теперь я не могу.

http://www.svoboda.org/content/article/27013957.html

36. Реформа Российской академии наук — что будет дальше?

27 мая 2015

Александр Кулешов
Академик РАН
Валерий Рубаков
Академик РАН
Ольга Соломина
Член-корреспондент РАН
Анна Щербина
Ученый секретарь Совета молодых ученых РАН
Евгений Онищенко
научный сотрудник ФИАН, член Центрального совета профсоюза работников РАН.
сайт Pravmir.ru

29 мая в РАН пройдёт третья сессия конференции в защиту Академии наук. 26 мая организаторы этого мероприятия дали пресс-конференцию, на которой рассказали о проектах новых документов по реформированию РАН, о том, что, похоже, вскоре ждёт отечественную науку и о том, как представляют реформу сами учёные. В пресс-конференции принимали участие академик РАН Александр Кулешов, академик РАН Валерий Рубаков, заместитель директора Института географии РАН Ольга Соломина, ученый секретарь Совета молодых ученых РАН Анна Щербина, научный сотрудник ФИАН, член Центрального совета профсоюза работников РАН Евгений Онищенко.

Затишье в реформе РАН закончилось

В. Рубаков: Конференция в защиту Академии наук впервые собралась в августе 2013 года и объявила себя постоянно действующим органом, сейчас собирается третья её сессия.

Предшествующие два года были относительно спокойным временем для научных сотрудников, поскольку реформа РАН несколько затормозилась — ФАНО в эти годы только начинало свою работу. Однако в последнее время появился ряд проектов очень важных документов — в частности, «Программа фундаментальных исследований Российской Федерации» и «Методические рекомендации по распределению госзаданий». Если они будут приняты, произойдёт переворот в организации науки и жизни исследователей. Например, в «Программе» предусмотрен некий Координационный комитет, который будет иметь полномочия перераспределения ресурсов.

Сейчас финансирование Академии делится на базовое и грантовое. В дальнейшем, согласно Рекомендациям, доля конкурсных исследований должна увеличиться. Но отсутствие базового финансирования означает, что некоторые научные подразделения в принципе должны исчезнуть. Цели реформы государством до сих пор не озвучены, и есть основания полагать, что для РАН её последствия будут печальны, тем более, что есть ряд вузов и других неакадемических организаций, которые с удовольствием приберут к рукам научные институты.

Щедрые обещания — стоит ли верить?

Е. Онищенко: Профсоюз сделал экспертизу некоторых опубликованных документов, чтобы понять, как предлагаемая реформа будет выглядеть в цифрах.

Сейчас научно-исследовательские институты получают субсидию на выполнение госзадания. Этих денег хватает на выплату зарплат сотрудникам и на коммунальные услуги. На остальное — в том числе на оборудование для научных исследований деньги выделяются по конкурсу.

В будущем Миннауки предлагает изменить порядок финансирования. 15% средств будет выделяться на финансирование сотрудников, достигших в работе значительных результатов. 60% — на конкурсное финансирование подразделений. При этом минимальная зарплата успешного научного сотрудника прописана в документах как «превышающая средний заработок по региону не менее чем в четыре раза». Для Москвы сейчас это — около 250 тысяч рублей. В настоящее время среднестатистический научный сотрудник-москвич получает 30 тысяч. Заработок сотрудника конкурсного подразделения вычисляется сложнее, но тоже должен составить порядка 70 тысяч.

Всего при сохранении нынешней численности исследователей на одну только зарплату у ФАНО должно уходить порядка 120 миллиардов рублей в год, а с учётом содержания исследовательской базы, коммунальных услуг и услуг ненаучного персонала — около 250 миллиардов рублей в год. Вместе с тем, мы знаем, что реально бюджет ФАНО в нынешнем году составил 83 миллиарда рублей. То есть, вероятно, чтобы вписаться в эту сумму, число научных сотрудников в стране в ближайшие годы будет сокращено втрое, а то и вчетверо. Кроме того, очевидно, что регламенты проведения научных конкурсов с учётом специфики различных институтов, порядок решения трудовых конфликтов должны быть тщательно проработаны. Но эта работа не проводилась и не начиналась вообще.

В то же время даже подготовленный текст Рекомендаций содержит явные юридические ошибки. И него видно, что составители не знакомы со спецификой вопроса. Более того, местами Рекомендации очевидно не соответствуют Трудовому Кодексу. При их введении неизбежен многомесячный коллапс, необходимый для того, чтобы состыковать оба документа. И это всё притом, что Рекомендации писались два года — с момента основания ФАНО. Понятно, что никакая быстрая доработка этого документа, как нас сейчас хотят уверить, невозможна и проведена не будет.

Невозможно оценить реформу, цели которой не озвучены

А. Кулешов: Представленные проекты документов таят в себе огромные опасности. И нельзя сказать, что на наши сигналы об этом никто не реагирует. С нами охотно встречаются представители ФАНО и Минобра. И дальше…ничего не происходит.

Нельзя сказать, что никакая работа не проводилась совсем. Например, с участием учёных ФАНО разработало порядок экспертной оценки научно-исследовательских институтов. Он не идеален — просто потому, что нельзя вписать в одни рамки 750 разных институтов. Но его…никто не применял. ФАНО ограничилось оценкой имущества Академии. Хотя, казалось бы, вступая в управление незнакомой областью, логично оценить, что у тебя там есть.

Особая сложность состоит в том, что государство до си пор не озвучило цели реформы — отсюда невозможно оценить и её качество. Ведь невозможно поверить, что конечной целью глобальных научных реформ в стране является достижение 2,44% суммарного мирового объёма научных публикаций, как это было озвучено Президентом Владимиром Путиным.

Везде в мире наука самоуправляема, потому что, поверьте, ни один футуролог не в состоянии точно предсказать, что нам понадобится завтра. Государство же платит за научные исследования в том случае, если они проводятся квалифицированно. Нужно было провести оценку интеллектуального потенциала институтов, а дальше для реформы нужны цели. Разумеется, государство может вмешиваться в ход развития науки, у него цели свои. Основная проблема в том, что сейчас государство никак не может сформулировать, что же именно оно от науки хочет. Разумеется, цели научной реформы где-то сформулированы и существуют. Но донести их до учёных — не получается. А в СССР порядок такого донесения был.

Итог всех этих рассуждений можно сформулировать следующим образом:

— наука должна иметь механизм самоуправления и развиваться сама;

— государство должно сформулировать свои цели и мотивировать исследователей заниматься изучением каких-либо особо интересных ему областей.

Должен оставаться ряд фундаментальных исследований, вмешиваться в которые нельзя вообще. Для оценки прочих нужно создать Экспертный совет.

800 миллионов — на бумажки, 5 миллионов — на исследования

О. Соломина: Наука подобна дереву. Как дерево нужно постоянно удобрять и поливать, на содержание науки нужно направлять стабильный процент ВВП. Нужно быть уверенными, что основные структурные подразделения и научная база сохранятся. Нельзя ждать эффекта от вливаний в науку немедленно. Иначе это очень напоминает анекдот про чукчу, который сегодня посадил картошку, а завтра выкопал, «потому что очень кушать хочется».

Да, в науке должны быть грантовые исследования. Для этого нужны научные фонды. И наша беда в том — что у нас их, по сути, три — РФФИ (Российский фонд фундаментальны исследований), РГНФ (Российский гуманитарный научный фонд) и Фонд содействия отечественной науке. Суммы, которые идут через первые два — невелики, гранты последнего — солидны, но немногочисленны. Во всех странах мира есть ещё частные фонды, но у нас их крайне немного. Только что, по сути, умер фонд «Династия». А у них были очень интересные программы поддержки молодых учёных, получением которых молодёжь гордилась. И они же издавали 95% научно-популярной литературы в стране.

Да, в Академии есть некоторый балласт кадров. Но я бы предложила такое решение: пусть на каждого сокращённого научного сотрудника ФАНО сокращает одного чиновника. Думаю, тогда мы быстро придём к паритету. Кроме того, отчётом научного сотрудника должны быть его публикации и его аспиранты. А что происходит у нас? Вчера я видела проект подготовки отчётности научного сотрудника за базовое финансирование. Полное название этого документа нельзя ни воспроизвести, ни понять. Но главное даже не в этом. Грант, на который был составлен этот проект, составил 800 миллионов рублей. Для сравнения — самый большой грант, который когда-либо получала рабочая группа Института географии — 5 миллионов.

Ответы участников пресс-конференции на вопросы журналистов

— Представителей каких организаций вы ждёте на конференции в защиту РАН?

На конференцию приглашён премьер-министр Дмитрий Анатольевич Медведев, руководство ФАНО, заместитель Министра образования и науки Людмила Огородова, Президент РАН Владимир Евгеньевич Фортов. На сегодняшний день на конференции зарегистрировалось более тысячи человек и заявлено 37 коротких докладов. По результатам конференции будет принята резолюция.

— Контактируете ли вы с какими-то рабочими группами в правительстве, чтобы донести до них ваши проблемы и необходимый объём финансирования?

Увы, всё, что касается денег, в правительстве составляет табу. При принятии бюджета наши поправки тоже игнорируются. Ведь на самом деле проект программы поддержания ведущих исследований, предложенный учёными, есть в РАН ещё с 2005 года. Цена вопроса при этом — около 10 миллиардов рублей в год, это — ничто по сравнению с гигантскими проектами ФАНО и найти такие деньги в стране — несложно. К сожалению, до правительства Минобр доносит позицию учёных однозначно: как будто ничего, кроме «оставьте нас в покое», мы не говорим.

— Возможна ли интеграция научных институтов и вузов, о которой так много говорилось?

Научные сотрудники, несомненно, могут и должны преподавать. Но опыт показывает, что передача научного подразделения в вуз быстро приводит к его гибели. Невозможно заниматься наукой, если при этом у тебя 20 часов горловой нагрузки в неделю. В США такая нагрузка — не больше двух часов. То, что наука в некоторых странах делается только в университетах,— тоже миф. Даже в США параллельно с университетами существует 17 национальных лабораторий, которые вообще не связаны с системой образования. В каждой из них работает от тысячи до пятнадцати тысяч человек. Суммарно это больше нашей РАН.

— В чём, по-вашему, состоит смысл реформы?

На самом деле, мы уже представляем, что с нами произойдёт. Подобная реформа только что проведена в образовании и здравоохранении. В вузах это закончилось увольнением всех совместителей. А оставшиеся преподаватели от нагрузки стонут. При этом деньги в вузах распределяются крайне неравномерно.

— Чем опасно конкурсное финансирование?

Оно не должно подменять собой базовое. В противном случае, скорее всего, это ударит, в первую очередь, по региональным научным центрам, которым будет сложно тягаться со столицами..И потом — начнётся дикое лоббирование. Кому нужен конкурс «у кого крыша лучше»?

— Какая наука нам вообще нужна?

Я не думаю, что система академических институтов будет полностью сломана. Сейчас с помощью заинтересованного государства она вполне может подняться с колен. Если же её уничтожат — на пустом месте возникать будет нечему. Я не думаю, что изменения в науке нужны прямо сейчас. В конце концов, если нам нужна вузовская наука, давайте посмотрим, как будут работать новоосновванные федеральные университеты. В конце концов, может быть учёные туда сами побегут. Но пока этого что-то не видно. И никто не говорит, что реформа отечественной науке не нужна вообще. Проблема в том, что учёные — это люди головы, а чиновники — люди карьеры. Когда вторые начинают управлять первыми, возникает порядок, ведущий к хаосу.

http://www.pravmir.ru/reforma-ran-poryadok-dostizheniya-haosa/

37. Мы сейчас не науку делаем, а индексы зарабатываем

29 мая 2015

Сергей Стишов
Академик РАН
Сайт Pravmir.ru

29 мая проходит третья сессия Всероссийской конференции научных работников. На повестке дня — проводимые реформы, которые могут оказаться для отечественной науки фатальными. Накануне этого события мы поговорили с одним из организаторов конференции — директором Института физики высоких давлений академиком Сергеем Михайловичем Стишовым.

В свои семьдесят семь Сергей Михайлович — один из ведущих отечественных физиков-экспериментаторов, чьи научные показатели соответствуют высоким современным требованиям.

В интервью «Правмиру» он рассказал об опыте работы в СССР и США, о том, как на самом деле устроены и финансируются научные системы разных стран, о проблемах Академии — прошлых и настоящих, и о перспективах отечественной науки.

Как на самом деле финансируется западная наука

Прежде всего, нужно сказать: представление о том, что наука на Западе делается в университетах,— неправильное. Система научных центров типа академий наук существует во Франции, там есть Национальный центр научных исследований Франции (CNRS). В Германии есть Общество Макса Планка, Общество Гельмгольца, общество Фраунгофера и Общество Лейбница, и прочие. И объединяют они институты, а не университеты. Система университетов на Западе развивается сама по себе, а наука делается и там, и там.

Сотрудники западных научных институтов могут параллельно с работой преподавать в университете — так же, как и мы. Могут преподавать, а могут — и нет. Представление о привязке науки к университетам зиждется, в основном, на английской и американской традиции. Но тут тоже не вполне правильно. Потому что в Америке существуют, во-первых, национальные лаборатории, которых очень много. Это мощнейшие организации по многу тысяч человек. Сам я много лет сотрудничал с лабораторией в Лос-Аламосе, мои друзья в Америке работают в других подобных местах.

Там, по-моему, около двадцати национальных лабораторий, которые практически не связаны с университетами. Эта система сформирована во времена Манхэттенского проекта для проведения исследований, связанных с созданием атомной бомбы, и соответственно финансируется государством.

Однако помимо военно-ориентированных, там много и других исследований. Но финансирование несколько разное. По крайней мере, в Лос-Аламосе, делается так: там, где непосредственно государственный заказ, связанный с военными приложениями, исследователи, так сказать, горя не знают.

Вторая категория — так называемые мегаустановки — ускорители, источники нейтронов разного типа и так далее. Это так называемые user facilities. Эта система рассчитана на то, что ученые подают заявки и получают по конкурсу время для работы. Это считается национальной приоритетной задачей. И те люди, которые обслуживают всю эту систему, тоже сидят, грубо говоря, на зарплате. В том смысле, что государство их кормит и дает им деньги, чтобы они поддерживали всю эту машину в рабочем состоянии.

Третья категория людей в этих лабораториях — те, которые ведут свободный поиск. Для них существует система внутреннего конкурса. Ежели они не выигрывают грант, чтобы получать зарплату, изволь записаться к кому-то, кто грант выиграл. Причем в ведомости нужно написать, откуда ты получаешь деньги. И иногда можно видеть, что человек получает деньги, скажем, из пяти источников, из пяти каких-то грантов. Особенно теоретики — они могут кому-то тут посчитать, там посчитать. А если человек сам не выиграл грант, и никто его никуда не включил, то есть его skill — его умение как физика, химика, ботаника, неважно кого,— никому не нужно,— тогда иди и ищи себе чего-нибудь в другом месте.

Итак, в США есть национальные лаборатории, есть фирменные лаборатории, их тоже достаточно много, где мощная наука и люди получают Нобелевские премии, есть университеты. Кстати, работа в национальных лабораториях на Западе не очень престижна, потому что там сильна бюрократия. Когда я работал в Лос-Аламосе, то говорил им: «У вас система на восточногерманский коммунизм больше похожа». Потому что надо выполнять всё четко по расписанию. У нас можно было иногда отклониться от генеральной линии, а там — нет, нельзя.

Так что, на Западе у науки много источников, и практически каждый может найти себе место. У нас западная система не может работать в силу следующего обстоятельства: если там, допустим, я где-то работаю и оказался не нужен,— ну, хорошо, я поехал в Оклахому, попросился работать. Мне там дали какую-то работу, я получаю зарплату, могу себе, по крайней мере, арендовать квартиру или дом…А здесь? Если я никому не нужен, куда я пойду? Куда я могу переехать? В Саратов? Кому я нужен в Саратове? Где я возьму деньги, чтобы арендовать жилье? Нужно еще заметить, что у нас в науке имеется некоторое количество людей, которые еще с советских времен ничего не делают или делают очень мало. А что с ними можно сделать? Выгнать их? Они умрут, потому что — ну куда они денутся? Понимаете, это переходное время, тут очень трудно что-либо предпринять…

Откуда в Академии наук брались люди, которые ничего не делали?

В советское время было и престижно, и выгодно идти работать в научные институты — и зарплата повыше, и режим относительно свободный — не такой, как на заводе. Других вариантов просто не было. Бизнеса не было. Ну, можно было пойти завхозом куда-то, в коммунальную службу, в исполком; кто мог, двигался по партийной линии. Возможности были ограничены. То есть часто в науку шли люди, в принципе, безо всякой мотивации к научной деятельности. И как-то там работали.

А вот когда всё рухнуло, и когда мы все стали получать копейки, тогда эти люди начали говорить: «Я не буду работать за такие деньги». Я тогда крайне удивился: как же так, что ж, у человека нет внутренней мотивации? Если ты хочешь что-то познать, чего-то ты хочешь сделать, при чем тут зарплата? Причём я бы еще понимал, что люди не хотят заниматься наукой в данный момент, поскольку им нужно зарабатывать на хлеб; что они нашли какую-то другую работу, где-то подрабатывают, стараются. Оказалось: есть довольно большое количество людей, которые просто ничего не делают. Приходят на работу, пьют там чай, поговорят, уходят домой. До перестройки и обнищания был в какой-то степени командный дух, были группы, все работали, не работать было неудобно. Хотя, если честно, советская наука всегда была избыточна.

Когда я окончил университет и аспирантуру, институты были переполнены людьми, личного стола поставить негде, и вообще была такая драка за площади. Люди хотели работать. Ставили новые задачи, под них выбивались ставки, всё это росло. Хотя способом, условно говоря, «остаться в Москве» наука не была. Если человек представлял интерес и был талантлив, его пытались оставить. Однако надо было где-то жить, а получить московскую прописку было безумно тяжело. И если за душой не было ничего, кроме стремления остаться в Москве, женились на москвичках. Таких тоже было много. Сейчас приток новых людей в науку очень мал. Многие уехали, и много умерло. У меня в институте молодых мало, но это в Троицке. Туда надо доехать, жить там негде — тяжело. Так что вакансий много — я могу брать сколько угодно людей. И аппаратура есть…

Что такое Академия наук?

Как раньше была устроена Академия? Есть научные институты. Управляются они отделениями — физика, астрономия, биология, химия, филология, история и так далее. В отделениях сидит аппарат — академик-секретарь, члены бюро. И они реально командуют повседневной жизнью. Затем, есть Президиум академии, который фактически руководит всей оперативной и стратегической работой. Есть президент, вице-президенты и свой аппарат — плановый отдел, бухгалтерия, первый отдел, второй и всё прочее.

Существует мнение, что академики ничего не делают и получают деньги напрасно. Но в академики люди выбираются за заслуги. Во всем мире где-то выбирают академиков. Другой вопрос, всюду ли платят им деньги. У нас платят. Это, как говорится, давняя традиция. В свое время, Пётр Первый платил членам академии, потому что это был единственный способ их выживания.

Да, академик — это звание. Но одновременно он может быть и научным сотрудником, и это не возбраняется. Вот я — академик. И что? Я работаю каждый день. Вдвоём с коллегой мы производим в год где-то две статьи. Чужих статей я не подписываю. У всех это по-разному, но большинство академиков работают. И говорить о том, что они ничего не делают — неверно. Это просто массовое обывательское сознание.

Понимаете, вопрос очень сложный. Вот я помню 90-е годы, люди в Академии жаловались, как тяжело жить. А с другой стороны, говорили: "А директора институтов жируют". А я тогда слушал и думал: "Я директор. Как же я жирую-то?" И теперь — то же самое. Ну что, выходить, рубашку рвать на себе и говорить, что «да, я вот хороший, хоть и академик? Извините меня, пожалуйста». Я могу сказать, что большинство академиков — работающие люди. И избраны не случайно. Конечно, есть какой-то процент, кто был избран не по заслугам. Ну, всегда есть проблемы.

Может быть, я сужу необъективно, поскольку сам принадлежу к этому, так сказать, клану. Но мне кажется, что большинство людей работает. Возможно, производительность как-то и упала, но они преподают, они создают какой-то климат, являются моральным научным авторитетом. Они создают соответствующую атмосферу. Поэтому огульно осуждать академиков было бы напрасно. И потом Академия — это, как сейчас принято говорить, социальный лифт для ученых. Это признание коллег, и получить его не так просто. Допустим, в нашем отделении для того, чтобы избраться в академики, надо получить приблизительно тридцать пять голосов из пятидесяти. Причем в конкуренции.

По указке ли ЦК создавалась наука?

Формирование научных планов всегда было самостоятельным творческим процессом. И многое в этих планах, которые спускались якобы государством, на самом деле было инспирировано самими же учеными. Потому что, какой чиновник мог сам что-то придумать? То есть сначала рождалась идея. Например, создание сверхмощного лазера. Потом в нужные инстанции подавались записки. Потом комитет по науке и технике формулировал заказ. Просто так в планах ничего не рождалось. Знаменитый анекдот о том, что занятие наукой — это удовлетворение собственного любопытства за государственный счет, справедлив абсолютно. Это, безусловно, так. Но, понимаете, в чем дело? Всё-таки наука — это элемент культуры, очень мощный элемент, один из самых главных. Поэтому, если мы хотим, чтобы у нас было культурное государство, то нужно иметь науку. Если не будет науки, то постепенно начнётся одичание. Мы и сейчас уже видим, что происходит: гадания какие-то, еще что-то. Поэтому, говоря высокопарно, всё наше стремление познать природу находится в соответствии с задачей государства как такового, чтобы быть технологически и культурно развитым. То есть я бы сказал, всё это не противоречит государственным интересам, а наоборот.

Возможен ли в науке сторонний менеджмент?

Одно из самых опасных сейчас предложений со стороны Министерства науки — давайте будем финансировать науку на конкурсной основе. То есть люди будут получать базовые копеечки какие-то, остальное должны зарабатывать в жестокой борьбе друг с другом. Да, на Западе — та же конкурсная система, но не совсем и не так.

Был такой писатель Новиков-Прибой, он когда-то плавал на корабле, и описал, как избавляются от крыс. Оказывается, есть такой способ: ловится, не знаю, пятьдесят крыс, сажаются в какое-то закрытое пространство, и с течением времени один крыс всех там перегрызает. Потом это можно повторить. И, наконец, остается один самый сильный крыс, который перегрыз всех. Вот одного этого крыса можно держать на корабле, он грызёт всех, кто проникает по канатам. Вот такую систему хотят устроить в науке.

Но вопрос в том, насколько это правильно. В обращении клуба учёных «1 июля» к Председателю правительства написано довольно образно: если мы действительно устроим такую систему, и у нас останется вместо пятидесяти работников пяток гениев, то они, как головешки разбросанного костра, потухнут. Потому что нужна среда, нужны разные ученые. Без среды и гении перестанут быть гениями. Такая вот вещь. А что касается менеджеров, как можно быть менеджером в науке, если ты сам ничего в ней не смыслишь? Мне трудно это себе представить. Бухгалтер — да, будет считать: «Сорок и сорок равно рубль сорок». В общем, больше он ничего не может. А сторонний менеджер — откуда он знает, что надо оплачивать, а что не надо? Ну, вот придите ко мне в институт и скажите, что надо делать.

По моему опыту в Лос-Аламосе, менеджеры там есть, но они из ученых. Другой вопрос, что там ситуация такая: ежели человек попадает в менеджеры с более высокой зарплатой, у него очень мало времени остается на науку, если он даже хочет продолжать ею заниматься. Потому что там происходят непрерывные заседания. Такая псевдодемократия. Даже если речь идёт о лабораториях на производстве, это вопрос сложный. Потому что в свое время была такая лаборатория фирмы «Белл». Там, кстати, Джон Бардин работал, дважды лауреат Нобелевской премии, и много выдающихся людей. Это была богатая лаборатория, и люди там занимались, кто чем может, никаких ограничений у них не было. Правда, не так давно они такую широкую лабораторию закрыли и стали ставить более прикладные задачи. У меня опыта с фирменными лабораториями особенно не было. Но я знаю, что было так, а потом не стало, потому что, очевидно, тяжелей стало жить. А когда была возможность, фирмы содержали некоторое количество свободных фантазёров. Причём содержали-содержали, и, в итоге, Бардин придумал полупроводниковый транзистор и за это Нобелевскую премию получил. И оттуда пошла вся наша современная электроника. И это было невозможно запланировать: сделай мне вот это. Я думаю, это была инициативная работа, что называется.

В чём заключается реформа науки?

Когда начиналась реформа, нам говорили: для того, чтоб мы лучше работали, нас нужно освободить от всевозможных хозяйственных забот. Раньше учёные сами этим занимались, а теперь мы сделаем ФАНО, они будут заниматься хозяйственной деятельностью, а учёные — только почивать на лаврах и писать статьи.

Более того, как раз перед этими решениями Думы, была развязана кампания, в основном, клеветническая, о том, что мы чуть ли не всё разворовали. Но, понимаете, это же невозможно. Я не

знаю, что за история была там с кораблями Института океанографии, но вот насчет аренды, мы сдаем некоторые площади. Там невозможно ничего сделать, потому что по всем регионам есть нормы, по которым мы и сдаем площади. И есть несколько организаций, которые нас контролируют. Зато за счёт арендных денег можно ликвидировать дефицит по зарплате. И потом, сколько в институте расходов? Сейчас вокруг каждого института наше любимое правительство расплодило множество организаций, которым надо платить. Причем делать это обязательно.

Скажем, уборка мусора — изволь только вот с этой фирмой. Сантехнический паспорт — изволь тоже только вот с этой фирмой, заключай с ней договора и плати. И за это плати, и за то. Нас попрекали, что в Академии есть неучтенное имущество. На самом деле, это полное вранье, потому что реестр имущества был в Академии всегда, всё было известно. Голодец тогда выступала, говорила, что не учтено 50%. Вопрос: как она узнала, что 50%, ежели оно не учтено? Другое дело, нужно было это оформлять, провести геодезические работы, всё промерить. А Бюро технической инвентаризации заламывает безумные цены за то, чтобы промерить какую-то там ржавую трубу. Сейчас на самом деле Президиум уже не управляет институтами. Остались академики, остались отделения. Но это скорее по привычке: мы собираемся иногда на бюро, обсуждаем какие-то дела, но реально мы уже не управляем институтами. Развалилась эта система, точнее, её развалили. Поэтому сейчас с нами ФАНО. Там, я не знаю, пара финансистов, бухгалтеры возглавляют все академические институты. Ну, что они могут? У них действительно нет внутреннего стимула, нет интереса к науке. Они карьерные молодые ребята…

Вот сейчас Миннауки готовит нам опять всякие реструктуризации, конкурсное финансирование, еще чего-то. И за институты некому вступиться, потому что в том же ФАНО им это совершенно неинтересно. Это карьерные люди, которые сегодня здесь, а завтра там. Они с наукой никак не связаны. Сегодня они сидят в ФАНО, завтра будут заведовать цементным производством.

Вот это менеджеры. Но дело в том, что они же хотят руководить наукой. Я уж не говорю о том, что примерно с прошлого Нового года нас просто завалили бумагами. Присылают запросы, на которые надо ответить вчера или не позже, чем через час. С ужасом приходишь на работу. Каждому институту назначен куратор. У меня куратором милая девушка Лена, сама из Института астрономии,— в общем, на повышение пошла. Очень симпатичная, но она ничего не решает. Она пересылает бумаги, которые получает откуда-то еще. Обычно она это делает по ночам, и рано утром я от нее получаю букет: отчеты, планы, предложения, соображения. И мы же госзадания теперь пишем. Более того, мы сейчас себе пишем госзадание, что в 2017 году, например, я должен написать в первом квартале одну статью, во втором квартале — две, и так далее. То есть я должен уже знать, сколько статей я рожу в 17-м году, если не сдохну, к примеру. Пока, в основном, эта нагрузка на дирекцию. Поэтому для научного сотрудника это пока не критично. Критично будет тогда, когда введут борьбу друг с другом за финансирование. Денег-то не прибавляется.

Мы не науку делаем — мы индексы цитирования повышаем

Ситуация с изданием научных трудов в точных науках заключается в следующем. Существует достаточно много журналов, издающихся здесь, в России. Но всем нужны индексы цитирования, все выучили, что такое индекс Хирша, импакт-фактор журнала и так далее. Поэтому сейчас, по крайней мере, в физике принято публиковаться по возможности за границей — оттуда идет цитирование и, поскольку индекс цитирования издается американцами, англоязычные статьи всё-таки цитируются чаще, чем русскоязычные. Хотя их и переводят, но сейчас столько статей, что всего не прочтешь. Поэтому вы можете публиковаться здесь. И, по-моему, если статья приличная — проблем нет. Либо вы публикуете в иностранных журналах. Но тут проблема в том, что этим надо заниматься. Помимо того, что Вы написали статью, надо всё-таки написать её на приличном английском языке. А дальше идет реферирование, надо ответить на замечания рецензентов. На всё требуется время. Тем не менее, проблем с публикацией, в общем, нет.

В свое время не было особенно принято публиковаться за границей, публиковались здесь, и был такой наш мир. И переводили наши журналы, и там читали, и, в общем, не было особых проблем. Помню, в первый приезд в Америку, в Ливерморской лаборатории, ко мне приходили люди с ксероксами моей статьи в "Успехах физических наук", с просьбой дать автограф. Тогда это было как-то в диковинку. То есть наши собственные научные журналы, известные на Западе, были — переведенные там. Сейчас у нас делают какую-то систему учета, и свой индекс мы какой-то вводим. Я вообще очень кисло отношусь ко всем этим индексам…Но, опять же, некоторые наши ученые, вдруг обнаружив, что у них по какой-то причине сильно вырос индекс цитирования, начали эту идею развивать. В свое время они научили Министерство науки, и теперь от нас всех требуются эти индексы. Значит, то мы говорим о том, что нужно развивать российскую

науку, российские журналы. А с другой стороны, если нам нужны индексы, надо публиковаться на английском.

Проблема вся в том, что сейчас, на самом деле, мы уже не науку делаем, а мы индексы зарабатываем. Особенно это научились делать индусы, китайцы. Нам президент тоже поставил задачу (не сам, конечно, придумал), чтобы мы достигли 2,5% мировых публикаций, а мы в этом году имеем всего 1,5%. Не выполнили указание Путина. Так что, количество публикаций нам сейчас нужно, и цитирование. Неважно, что из этого следует, это становится вопросом национального престижа. Правда, у нас все эти "Протоны" падают, но зато…

Проблемы Академии: gap, жильё и аспирантура

Сейчас ни для кого, наверно, не секрет, что относительно молодые и активные люди, вообще-то, уехали. У нас сейчас, что называется, gap: сорокапяти-, пятидесяти-, пятидесятипятилетних — нет, их вымыло, они все где-то там. Начальники почемуто этого не понимают и требуют, чтобы мы поменяли всех директоров: всех старых надо поснимать и выбрать новых. Ну, а где их брать-то? Откуда, из какой среды? Непонятно.

А что касается новых людей, то главная проблема — это, во-первых, качество нынешнего образования. Это одна из главных проблем, потому что народ перестал учиться. Даже в таких престижных вузах типа Физтеха, куда приезжают вроде бы талантливые люди. Якобы они где-то в школах отличались на олимпиадах и прочее, а тут начинают работать в каких-то фирмах, зарабатывать деньги. Сейчас много соблазнов, на самом деле, и соблазнов доступных.

Во-вторых, что касается, скажем, моего института в Троицке, а куда я их дену? Если брать сотрудников, нужно их куда-то поселить. А куда? Когда-то было постановление: Медведев в свое время выделил какое-то количество квартир для молодых, чтоб построить. Но вот мы пытаемся в Троицке построить дом для молодых ученых. Это совершенно невозможно сделать, дикие бюрократические препоны. Мы начинали это делать, когда были еще Московской областью, потом перешли в Москву,— а там свои нормы, технологические всякие штуки и техусловия; всё поменялось. И мы не можем пока ничего сделать, всё это тянется уже много лет. К сожалению, ФАНО в этом деле нам не помогает. Мы пытались у них попросить что-то сделать, я был на приемах у какого-то зама…Если раньше у меня были проблемы, я шёл в Академию, в отделение. Не решали –к вицепрезиденту. Сейчас я, вообще-то, не знаю, куда идти. Как-то я попросил позвонить Котюкову, договориться о встрече. Мне объяснили, что надо написать обоснование — письмо. Такое письмо было написано. Потом оно было утеряно. И я понимаю, почему,— потому что на попечении ФАНО тысяча организаций. Может, и не утеряно, но найти было трудно. Затем поехал человек уже с новым письмом, договорились: хорошо, Котюков примет по поводу строительства. Назначили дату приёма, потом её несколько раз переносили. Потом оказалось: нет, с Котюковым встретиться уже не удастся, он очень занят, вот с заместителем. Поговорили с заместителем. Вроде всё было замечательно: всё поможем, всё сделаем. А потом через два дня пришло письмо — абсолютно бюрократическая отписка, что и то нельзя, и это нельзя, потому-то и потому-то. Ничего нельзя. В итоге домом мы занимаемся до сих пор — бумаги какие-то и всё прочее.

С аспирантурами ситуация такая: не то, чтобы их закрыть, но надо получать лицензию и аккредитацию и большие деньги платить. А чтобы получить все это, там очень много всяких норм — чтоб столовая была, еще что-то. Но многие институты просто не потянут аспирантуру в соответствии с этими нормами, которые предлагает Министерство науки. А, с другой стороны, аспирантура важна. Чтобы человек где-то защитился и пришёл работать со стороны — может быть, и такие вещи где-то и есть. Но у нас, например, наши студенты физтеховские, потом идут, естественно, к нам же в аспирантуру. По-моему, это важно. Поскольку человек, если он воспитался в нашем институте, проникся духом, получил здесь навыки конкретной работы, его не надо переучивать, это просто хорошо. По-моему, это очевидные ответы.

Науку на Западе делают аспиранты

Кстати, одно замечание про аспирантов. На Западе система аспирантуры есть, это называется graduate students. Undergraduate — это нормальные студенты, а есть graduate students — это аспиранты, которые, скажем, в Америке лет пять работают в этом положении. Им надо уже платить зарплату. Соответственно, для этого профессор должен выиграть грант. И именно градьюэйты являются главной рабочей силой, главной лошадкой, которая всё тянет, делает всю науку. Профессор, условно говоря, читает лекции, гранты получает, а аспиранты работают и руководят младшими студентами. Если угодно, это такой аналог наших м.н.с. Но у них, может быть, больше мотивации. Потому что он идёт в аспирантуру, защищает работу, получает PhD — степень доктора философии, эквивалент нашей кандидатской. После чего идёт работать уже так называе-

мым «постдоком». За время, какое он проводит как «постдок», тоже надо выложиться, написать несколько хороших работ, после чего получить где-то постоянное место. Это еще, по крайней мере, лет пять. То есть там после PhD степени нет, но эту степень надо получить обязательно, а потом ещё подтвердить свое право заниматься наукой. У нас можно мнс-ом просидеть всю жизнь и не защищаться, твое дело.

О перспективах Академии наук

Академию наук развалили, это обратно уже не вернешь, не склеишь. Единственное спасение — убрать этих управляющихфинансистов из ФАНО и сделать так, чтобы этим монстром управляли всё-таки ученые. То есть вернуться к системе самоуправления. Я даже ничего плохого про этих финансистов сказать не могу. Они, наверно, хорошие ребята. Но им дали непосильную задачу — управлять наукой. Откуда? Как? Они пытаются, конечно, что-то сделать. Они дисциплинированные люди, люди системы. Вообще-то говоря, если бы они сказали: «Мы не в состоянии это делать, освободите нас, пожалуйста»,— нашлись бы другие. Там зарплата высокая, еще какие-то надежды.

Учёные должны и могут управлять наукой. Я же тоже управленец — директор института и еще председатель Троицкого научного центра. И занимаюсь наукой, нахожу время. На цели управления я трачу меньшую часть дня, если нет каких-то дурацких заседаний. В Москву, в Президиум я не езжу и никогда не ездил, в заседаниях не участвую. Это, как говорится, если есть желание, то можно сказать: я — там-сям, заседаю и прочее. Всё зависит от желания. Нельзя сказать, что Президиум был идеален. Большинство членов Президиума были директорами институтов. Они, конечно, расхватывали какие-то ресурсы приоритетно себе, и прочее. Но, тем не менее, в целом они держали всю Академию на каком-то уровне. Поползновения разогнать академию были всегда. Говорили, что академия не тем занимается: надо практические вещи делать — ветвистую пшеницу, а вы какую-то другую делаете или вообще никакой. Я помню, райкомы всегда наседали, что нужно делать что-то практически. Обычный человек, даже партийный, не в состоянии понять, что это такое — какие-то кривые, какие-то формулы, зачем это всё. Надо вещь какую-то, пощупать — вот вещь сделана, неважно, хорошая она или плохая, нужна она или нет. ФАНО — «современная» организация. Ей нужны индексы цитирования, количество публикаций. Руководители ФАНО не будут бороться за интересы институтов. Они будут выполнять указания высоких инстанций. Они, например, настаивают на бессмысленной реструктуризации (объединении) институтов. Президиум старой академии, возможно, отбил бы эту атаку, но ФАНО с этим согласно. В этом вся разница. Так что я не являюсь оптимистом. Посмотрим.

http://www.pravmir.ru/sergey-stishov-uchyonyie-dolzhnyi-i-mogut-upravlyat-naukoy-1/

38. Государство не формулирует, что ему нужно от науки

1 июня 2015

Александр Кулешов
Академик РАН
Интервью с Надеждой Петровой

Коммерсант-Деньги

Как разрушить ведущие научные институты? Как ликвидировать национальную интеллигенцию? Есть ли польза от реформы Академии наук? Проблемы российской науки «Деньги» обсудили с Александром Кулешовым — академиком РАН, директором Института проблем передачи информации, одним из создателей Комиссии общественного контроля в сфере науки.

— Реформа РАН идет почти два года. С вашей точки зрения, в каком состоянии она находится сейчас? Что в происходящем не устраивает академическое сообщество?

В первое время все происходило как в известном анекдоте: пролетая мимо 18-го этажа, отбил эсэмэску, что пока все идет неплохо. Действительно, пару лет негатива не было. Я бы даже сказал, были элементы позитива. Хотя количество бумаг, безусловно, увеличилось, но жалобы на это я считаю не очень разумными, потому что в правильно организованном институте бюрокра-

тическими делами должны заниматься специально обученные люди, это не должно спускаться на уровень научных сотрудников. У нас, например, это абсолютно экранировано. У этих людей выросла нагрузка, кого-то пришлось дополнительно взять, но это не очень большая проблема. Зато Федеральное агентство научных организаций (ФАНО) отсудило у Москвы одно наше здание и, кажется, отобьет второе.

— То есть вашему институту стало даже лучше?

Мы жили уже, можно сказать, на полном пределе, потому что надо было платить Москве за аренду здания, и плата каждый год повышалась. Это старая история: при передаче имущества в 1991 году несколько десятков зданий в пределах Садового кольца, включая наше, не были отписаны Академии наук. Неизвестно, по какой причине, но РАН в свое время запрещала нам судиться. В схожем положении довольно много академических институтов — я таких зданий знаю по крайней мере двадцать. Но сейчас произошел прецедент — думаю, дальше все пойдет автоматически. Мы просто были первыми, поскольку давно к этому готовились, и я сразу же обратился к руководителю ФАНО Михаилу Котюкову — все отсудили. Тут даже говорить нечего: управлять имуществом ФАНО, несомненно, умеет лучше, чем люди, которые этим занимались в РАН. В этом плане все шло довольно разумно.

— А в чем ситуация стала меняться к худшему?

В последние месяцы появились проекты документов, принадлежащих Министерству образования и науки, ФАНО и, кстати, аппарату РАН (он ничем не лучше всех остальных), в которых присутствуют очень существенные угрозы. И угроза номер один заключается в том, что значительную часть и так урезаемого финансирования пытаются перевести на конкурсную основу. Для гвардейских институтов — как Институт теоретической физики имени Ландау, Математический институт имени Стеклова и наш институт, из которого вышли три филдсовских лауреата и еще один лауреат премии Абеля (в этом случае лавры мы разделяем с Институтом Ландау),— разделение фиксированного бюджетного финансирования на фиксированное и конкурсное абсолютно неприемлемо.

— Но, собственно, почему?

Смотрите: вот я директор. У меня есть фиксированный бюджет и есть фиксированное количество людей. Никакого резерва у меня нет, на самом деле нет, и фиксированные деньги, которые институт получает, я должен отдать на зарплату. Естественно, институт получает гранты, контракты и так далее, но вот эта фиксированная часть теперь уменьшается, скажем, на 30%. Это значит, что я должен сделать? Я должен 30% людей уволить. Или — другой вариант — вызвать их к себе и сказать: «Слушай, напиши заявление на 0,7 ставки. Я тебе твои деньги все равно заплачу так или иначе, но заявление ты напиши». Как вы думаете, что мне ответит, к примеру, мой зам, который до 1 января был деканом математического факультета Колумбийского университета? Я думаю, он мне скажет: «Не нужно ничего, спасибо, я пошел». У нас в институте нет ни одного человека, который бы не работал за рубежом. Если молодой парень хочет сделать здесь карьеру, он обязательно должен пройти стажировку за рубежом. Это мое требование. Полгода, год стажировки — минимум. Потому что российская наука со страшной скоростью провинциализируется, и, чтобы этот процесс остановить, необходимо общение. Невозможно просто читать статьи и считать, что ты находишься на мировом уровне. Общение нужно. Без этого все умрет.

Поэтому для ведущих институтов требование часть бюджетного финансирования перевести на конкурсную основу действительно катастрофа. Его выполнить нельзя. Единственное, что я смогу сделать в этой ситуации,— написать заявление об увольнении. Это совершенно объективно. Ничего другого.

— Вы говорите только о ведущих институтах. Считаете, что тем, кто похуже, в этой ситуации будет проще?

Плохие институты, которых в Академии наук на самом деле достаточно много, наверное, останутся. Если человек знает, что не нужен он никому ни в какой заграннице, а здесь ему платят мелкие деньги, то какая ему разница, будет у него полная ставка или 0,7? Для него это все равно как пенсия… Это решение приведет к разрушению именно лучшей части.

Да, гранты — это существенная часть организации научного труда. Но грантовое финансирование проявляется и должно проявляться не в размере ставки. А в том, что я могу набрать

людей на эти гранты, купить новое оборудование, ездить на конференции и так далее. В этом смысле гранты — очень большое преимущество. У нас же, как всегда, берется западная система и имплементируются чисто внешние признаки. Так, как кажется, что она работает, а не как она устроена на самом деле.

— Финансовыми проблемами угрозы не исчерпываются?

Вторая угроза — так называемая реструктуризация. Поймите меня правильно, я ни в коем случае не призываю сохранить Академию наук в том виде, в каком она была. Потому что, когда говорят, что мы до сих пор делаем атомную бомбу, это правда: структура академии соответствует структуре науки 1960-х годов. Но структурные преобразования всегда делаются под четко сформулированные государственные задачи, а не наоборот.

Невозможно производить преобразования, если не сформулирована их цель. А у нас государство не сформулировало цель, зачем это нужно. Ну не может быть у государства цели выйти на уровень 2,44% мирового уровня публикаций! Или цели сократить количество юридических лиц. Хотя их сейчас около 900. И я руководителей ФАНО отлично понимаю: как можно руководить такой толпой? Хорошо бы, чтобы их стало 100–150. Но кроме удобства руководителей ФАНО в чем смысл этого действия с государственной точки зрения?

Решили, например, а давайте мы все региональные организации объединим в региональные научные центры. В одном центре почвоведы, математики, лингвисты… Наша комиссия (общественного контроля в сфере науки.— «Деньги») посылала делегацию в Кабардино-Балкарию, в Нальчик. Там попытались слить пять или шесть институтов: прикладной математики и автоматизации, экологии, этнологии и так далее. Мелкие структуры.

Да, конечно, по формальным критериям институт прикладной математики в Нальчике не может конкурировать со Стекловкой или с нами. Но ребята там неглупые. Окончившие мехмат. Они возятся с местной молодежью, школьниками, студентами. Они выполняют огромную социальную функцию — как говорится, меньше джигитов в горы уйдет. Они формируют тот тончайший слой национальной интеллигенции, благодаря которому что-то еще удерживается. Да не лезьте вы в это! Или решили: давайте сделаем федеральные научные центры. Ну вот пять уже сделали, сейчас сделают еще семь. А в чем смысл? Что, там какая-то синергия возникнет от того, что объединили три института, которые находятся в трех разных городах, между ними два-три часа лета? Единственное оправдание — что вроде бы бухгалтеров будет меньше. Но и это на самом деле ерунда, потому что никто не будет ездить из Самары в Москву только для того, чтоб подписать командировку. На данном этапе это просто бессмыслица, бюрократические игры в песочнице. Но очень часто бессмыслица, к сожалению, вырождается во что-то по-настоящему злое — как из родинки появляется меланома. Я все веду к одному: сначала сформулируй цель, для которой тебе нужен тот или иной предмет или тот или иной инструмент, а потом уже под эту цель его оптимизируй.

— А что делать, если делать не атомную бомбу?

Ну если XX век был веком физики, то XXI, видимо, век lifescience. Но если вы посмотрите на простой показатель — публикационную активность, вы увидите, что у нас по физике элементарных частиц 8,45% мировой публикационной активности, почти 6% по математике, 6% с лишним в ядерных технологиях. А по клинической медицине — ноль. По биологии — тоже не блестяще. И если мы сегодня решим перекинуть средства на lifescience за счет, например, физики, мы и физику угробим, и биологию не построим.

Знаете, когда Иран хотел сделать ядерную программу, с чего они начинали? С международных олимпиад. Вдруг иранцы начали получать призы на международных физических и математических олимпиадах. Это железный признак совершенно. А сейчас, вы знаете, китайцы бессменные чемпионы. Начинать надо со школьников, с высшего образования. И через какое-то время образуется критическая масса, которая превращается в открытия, в технологии, в то, что полезно людям. Но невозможно сказать: давайте переведем 70% финансирования в lifescience — в науки о мозге, генетику, биологию, клиническую медицину. Нет, то есть деньги, конечно, освоят. Но они уйдут как вода в песок, потому что нет инфраструктуры, способной их принять. Ее нужно выращивать поколениями.

— Это очень небыстрая история. Но как сейчас быть с теми 900 научными организациями, о которых вы говорите?

Мы предлагали в качестве первого шага провести оценку эффективности научных организаций. И принципиально все с нашим предложением были согласны. ФАНО создало рабочую группу с участием наших представителей, были сформированы документы, которыми экспертное сообщество было довольно. А потом эти документы отложили в сторону, пять месяцев прошло — ничего с места не сдвинулось, никакой оценки эффективности не происходит. Почему? Потому что в результате возникнет некое ранжирование — и у ФАНО будут связаны руки.

Вопросы были. Как быть, например, если провинциальные институты точно уступят московским или новосибирским? Но у нас было предложение: введите в качестве одного из критериев социальную значимость. Потому что понятно, что, какой бы ни был институт прикладной математики в Кабардино-Балкарии, его, наверное, не надо трогать. Есть документы, которые четко говорят, как провести эту оценку, которую нужно было сделать. Любой здравомыслящий хозяин, придя в новую организацию, начинает с инвентаризации, чтобы понять, с чем он имеет дело. Но нет, никто ничего не проводит.

— Предположим, инвентаризацию провели. Что дальше?

Выделить людей, лаборатории, коллективы, которые могут заниматься фундаментальной наукой на международном уровне, довольно просто. Есть корпус экспертов, которые могут проводить такую экспертизу, есть зарубежная диаспора, которая с удовольствием примет в этом участие. Это легко. Если человека принимают на международных конференциях, если он публикуется в хороших журналах, значит, он может работать на современном международном уровне, надо просто дать ему возможность это делать. Не надо вмешиваться, не надо ему объяснять, что это несвоевременно, это не нужно для страны. По одной причине: мы не знаем, что окажется нужным завтра.

В науке невозможно предвидеть, что будет востребовано. Работы Эвариста Галуа, которого в 20 лет убили на дуэли, 100 лет не были востребованы; его современники, великие математики, говорили, что это чушь. А через 100 лет поняли, что он заложил основы совершенно новой математики и что криптография, которую нужно было создать, вся есть в работах Галуа. В Высшей школе КГБ даже пословица была: «Кто не знает Галуя, тот не знает…ничего». Прошу прощения.

Или, скажем, в начале 1960-х годов сделали отделение структурной и прикладной лингвистики в МГУ. Ну занимались там люди каким-то машинным переводом, получалось вроде не очень, но на них смотрели так: да ладно, пусть копаются… А потом оказалось, что это самые охраняемые технологии современного мира. Потому что для того, чтобы содержать системы, которые отслеживают интернет-переписку и телефонные переговоры, нужно уметь делать семантический анализ. Поэтому, что касается фундаментальной науки, главный принцип — дать людям заниматься тем, чем они хотят и могут заниматься. Нам очень важно удержать критическую массу. Даже если завтра где-нибудь в Нигерии родится, не знаю, Максим Концевич (французский академик, но все еще сотрудник ИППИ, лауреат Филдсовской премии), он там не задержится, уедет, потому что там нет критической массы, там не с кем разговаривать. У нас она еще есть, пусть и в минимальном объеме. Если мы ее разрушим — а мы сейчас на грани этого события,— потребуются многие поколения, чтобы ее воссоздать. Это вот первая часть — то, что касается фундаментальной науки.

— Вторая часть, видимо, прикладная?

Вторая часть должна быть сформирована под воздействием государственных потребностей. Государство должно уметь формулировать задачи. Как они формулируются в США. У них была программа по геному. В 2013 году Обама объявил, что программа закончена и каждый вложенный в нее доллар принес экономике США $140. Открыли программу по картированию мозга. Думаю, через пять-шесть лет будут очевидные результаты. Они уже есть, причем первые результаты получили военные. Например, благодаря транскраниальной магнитной стимуляции им удалось в 2,5 раза быстрее готовить снайперов. Совершенно практический результат.

То есть американское государство формулирует направления. К примеру: мне нужны исследования мозга. Ты можешь этим не заниматься — твое дело, но, если ты будешь этим заниматься, получишь вот это и вот то. Такой подход срабатывает — не столько из-за денег, сколько потому, что ученые нуждаются в признании. Социальный статус — великий рычаг, при его правильном использовании многого можно добиться.

А у нас государство не формулирует, что ему нужно от науки. И главное, исчез приводной механизм для удовлетворения этих запросов. В Советском Союзе формулировали госзадания, назначали ответственных, выделяли ресурсы — не хочу сказать, что это был очень хороший

механизм, но он существовал. Сейчас никакого механизма нет. А потребности у государства есть в огромном количестве. У нас перестают работать антибиотики. У нас ракеты падают. Самый старый спутник GPS работает 25 лет, а у нас спутники отстреливают и отстреливают, а они все выходят из строя и выходят — а почему? Устойчивость против радиации — это мультидисциплинарная задача, это задача государственная. А ее никто не может сформулировать. У нас государство не связывает факт того, что падают ракеты, и то, что наука плохо финансируется. Для него это некоррелированные факты. И мы не в состоянии доказать свою необходимость для нашего государства. Вот это действительно радикальная проблема.

http://kommersant.ru/doc/2738490

39. На пороге нового витка реформ

2 июня 2015

Валерий Рубаков
Академик РАН
«Троицкий вариант»

В августе 2013 года мы собирались в этом зале, для того чтобы выразить протест против так называемой реформы Российской академии наук. Жизнь показала, что мы были правы. Реформа не принесла ученым ровным счетом ничего, кроме многократно возросшей бюрократической нагрузки, стрессов, связанных с происходящей и грядущей реструктуризацией, конфликтов, скандалов.

Застарелые проблемы академической науки, доставшиеся нам еще с 90-х годов, только обострились. Эти проблемы всем хорошо известны: отток из страны молодых и не очень молодых ученых; разрыв между фундаментальными исследованиями и инновационным сектором; устаревшая приборная база и вообще научная инфраструктура; отсутствие внятных механизмов, обеспечивающих связь между наукой и высшим образованием, привлечение в науку молодежи; и далее по списку. Отсюда первый тезис моего выступления: мы вправе потребовать от профессиональных управленцев Федерального агентства научных организаций повернуться лицом к реальным проблемам, вместе с Академией наук найти способы их решить. Если для этого требуется принять решения на самом высоком уровне — добивайтесь этих решений. Только при таком развитии событий ученые начнут убеждаться, что ФАНО существует не зря.

Теперь о том, какое нам пророчат будущее и каким его на самом деле хотелось бы видеть. Из проектов последних документов Минобрнауки видно, что чиновники министерства исходят из двух основных принципов. Во-первых, они полагают, что сохранения и развития достойны только те направления науки, которые сегодня кажутся приоритетными.

Во-вторых, они считают, что науку делают только выдающиеся ученые и выдающиеся небольшие коллективы. Реализация первого принципа приведет если не к уничтожению, то к свертыванию целых научных направлений в нашей стране: потеря сегодня компетенции в какой-то области науки грозит провалом в будущем. То, что сегодня не выглядит приоритетом, вполне может стать приоритетом лет через 10–20, и наоборот. Примеров тому множество; не буду их приводить, у каждого из нас перед глазами свои.

Отсюда второй тезис моего выступления: фундаментальная наука — самоорганизующаяся система, главная движущая сила которой — стремление познать непознанное. Ее нельзя загонять в прокрустово ложе приоритетов. Наоборот, поддержки заслуживают все направления исследований, если они ведутся на достойном уровне.

Это не означает, конечно, что государство или само научное сообщество не должны выделять первоочередные, приоритетные задачи, но на их решение должны выделяться дополнительные ресурсы, а адекватным механизмом реализации, на мой взгляд, служат государственные программы, в том числе межведомственные и междисциплинарные. Второй принцип, о котором я говорил,— «науку делают только выдающиеся ученые и выдающиеся лаборатории» — особенно четко прослеживается в методических рекомендациях по распределению средств в рамках госзадания, опубликованных Минобрнауки. Их основная идея — бол.ьшую часть тех мизерных средств, которые получают сегодня институты в качестве базового финансирования, предлагается перераспределять по конкурсу и направить частью выдающимся ученым, частью — победившим в конкурсе лабораториям. Большая часть — в опубликованном проекте это 75%, и только четверть нынешних средств останутся для институтов базовыми, внеконкурсными. Конкурс есть

конкурс, проигравшие в нем — а таковых по определению будет большинство — будут буквально выкинуты на улицу. Я не хочу на таких условиях конкурировать с коллегами из Уфы, Красноярска или Махачкалы! Я не хочу претендовать на роль выдающегося ученого по версии методических рекомендаций, потому что это выбросит из науки нескольких моих коллег, которые ничуть не хуже меня. Мне, как, думаю, и большинству из вас, важно, чтобы в стране имелась и развивалась научная среда, без которой даже выдающиеся коллективы обречены на деградацию. Разговоры о том, что носителями этой среды служат университеты — чистой воды лукавство: многие из нас знают, как обстоят дела с наукой в университетах, там проблемы на порядок тяжелее, чем — пока? — в академическом секторе.

Отсюда третий тезис выступления: базовое финансирование институтов необходимо сохранять и развивать. Тезис этот, конечно не мой, он, например, четко сформулирован в Обращении Президиума Уральского отделения РАН к Председателю Правительства Д.А. Медведеву, поддержанном практически всеми институтами Урала. Снова оговорюсь: никто не предлагает отменить конкурсное финансирование, в частности по линии научных фондов, но оно должно оставаться важным, но дополнительным механизмом поддержки и развития наиболее успешных сегодня научных коллективов.

Наконец, о реструктуризации. Много говорилось о том, что она проводится без четко заявленной цели, если не считать общих слов об эффективности, междисциплинарности и т.д. Без оценки реального положения дел в институтах и лабораториях. Говорилось о том, что стремление объединить под одной крышей коллективы самых разных научных профилей ничем не оправдано и способно какие-то из этих коллективов свести на нет, что особенно пострадают ученые, работающие в регионах, в республиках.

Всё это так. Но я хотел бы обратить внимание еще и на такое обстоятельство. Создаваемые в результате реструктуризации новые организации, например, федеральные исследовательские центры, будут иметь форму автономного учреждения. Насколько я понимаю, они будут на самом деле автономными, в том числе и от Российской академии наук. С юридической точки зрения пресловутое «правило двух ключей», предусматривающее определяющее участие РАН в решении важнейших вопросов, к автономным организациям будет неприменимо. А отсюда прямой путь к раздербаниванию системы академических институтов. Ни для кого не секрет, что есть много охотников забрать эти институты себе, например, для того, чтобы повысить свой рейтинг или просто поживиться имуществом. Тем более что известный мораторий на имущественные и прочие изменения заканчивается.

Дорогие коллеги! Мы находимся на пороге нового витка реформ, по сравнению с которым всё происходившее до сих пор может оказаться мелкими неприятностями. От нашей позиции, от поддержки друг друга зависит очень и очень многое.

http://trv-science.ru/2015/06/02/na-poroge-novogo-vitka-reform/

40. Наукой должны управлять ученые!

8 июля 2015

Валерий Рубаков
Академик РАН
Интервью с Людмилой Глазковой
«Российская Федерация сегодня»

После двухгодичного затишья Российскую академию наук вновь залихорадило. РАН стоит перед новым этапом реформирования. Возникла угроза уничтожения базовых единиц исследовательской работы — научных институтов и лабораторий. 29 мая состоялась Третья сессия постоянно действующей Конференции научных работников. О том, что волнует ученых, по просьбе редакции журнала «РФ сегодня» рассказывает один из руководителей оргкомитета конференции, известный российский физик-теоретик, главный научный сотрудник Института ядерных исследований РАН, академик РАН Валерий Рубаков.

— Валерий Анатольевич, почему проект распоряжения Правительства РФ об утверждении Программы фундаментальных научных исследований в РФ на долгосрочный период, проект приказа Минобрнауки РФ «Методические рекомендации по распределению субсидий, предо-

ставляемых федеральным государственным учреждениям, выполняющим государственные работы в сфере научной деятельности» и проект Плана реструктуризации научных организаций спровоцировали, можно сказать, панические настроения в институтах РАН?

Реформа РАН стартовала в 2013 году, когда начался период становления новой бюрократической структуры -Федерального агентства научных организаций (ФАНО). Потом было некоторое торможение, благодаря чему в научной среде вспомнился анекдот: «Пролетая мимо 18-го этажа, отбил эсэмэску: пока все идет неплохо». Теперь мы приземляемся. Появились проекты вышеназванных серьезных документов с безобидными названиями, которые в случае их реализации приведут к полному перевороту в организации и финансировании работы научного сообщества.

Сегодня финансирование делится на две части. Базовая обеспечивает само существование научных институтов. Грантовая, стимулирующая, направляется отдельным коллективам и личностям, победителям конкурсов. Теперь львиная доля финансирования, которое было базовым, будет идти на конкурсной основе. Мы понимаем, что это такое. Между лабораториями и даже группами ученых возникнет борьба за ресурсы, они будут сталкиваться лбами и грызть друг другу глотки. Фундаментальная наука не может существовать без базового финансирования. Если ученые, особенно молодые, не будут уверены в завтрашнем дне и начнут думать, где бы им найти денег, процесс исследования станет невозможным.

Превращение основного финансирования в конкурс создаст нездоровую конкуренцию и отсеет большое количество коллективов совсем не по научным критериям. Планируется, что 60 процентов всех средств будет распределяться по конкурсу лабораторий, 15 -пойдет на адресную поддержку ведущих ученых (то есть вместе 3/4), еще четверть -на функционирование научно-технической инфраструктуры учреждений. Профсоюз работников РАН прогнозирует сокращение численности сотрудников в 3–4 раза или перевод большей их части на неполную занятость. И куда они отправятся? Подметать улицы?

— *Как это сопрягается с поставленной задачей перехода на инновационный путь развития экономики?*

Плохо сопрягается. Приходит на ум, что основная цель преобразований -получить полный контроль над распределением материальных ресурсов. Коррупционная составляющая таких намерений очевидна. Конкурсное или грантовое финансирование -само по себе нормальная вещь, если под этим понимается выделение дополнительных средств для сильных коллективов. Здесь возражений нет. Но подмена им базового финансирования переводит дело совсем в другую плоскость. Это будет труба! Пострадают, прежде всего, региональные научные центры. Возникнет лоббирование и начнется всеобщая грызня, в которой верх одержат не обязательно научно состоятельные, а те, у кого «крыша» крепче.

Не очень разумна и идея установить жесткие приоритеты в науке, поддерживая одни области и закрывая другие. Тютчев писал: «Кто смеет молвить: до свиданья чрез бездну двух или трех дней?» В науке это ощущение еще острее: сегодня одни приоритеты, завтра -иные. Именно поэтому везде фундаментальная наука самоуправляема. А у нас хотят надевать ученым шоры на глаза. Не пройдет и десятка лет, как мы окажемся не в состоянии даже понять, что происходит в мировой науке.

— *Но есть же пример с созданием атомного оружия. Сталин поставил задачу, Берия взял ее под контроль — и она была в кратчайшие сроки решена. Тот же случай, когда государство определяет приоритеты. Сейчас актуальна тема развития Арктики.*

Да, государство имеет право формулировать цели и создавать мотивацию для их достижения. В советский период был понятный механизм для этого. Сегодня его нет. Нормальная практика такая: для стимулирования решения важных задач выделяются дополнительные ресурсы, а не закрываются имеющиеся направления. При этом важно, чтобы научное сообщество оставалось полноценным участником обсуждения проблематики перспективных исследований и принятия решений. А госприоритеты реализуются методом программ. Оптимально, чтобы существовал базис — широкий пласт ученых и развитая грантовая система. Второй исследовательский уровень — поддержка наиболее сильных научных коллективов и школ. Плюс развитие научной инфраструктуры, где мы сильно отстаем от мировой планки.

— *Ученые обратились с открытым письмом к Дмитрию Медведеву, где просят о приостановке принятия вышеупомянутых документов. Но нет ли наивности в предположении, что министр*

Дмитрий Ливанов проводит какую-то «свою», не санкционированную свыше реформу или же обращение к премьеру — это просто жест отчаяния?

Мы не теряем надежды. Основание — выступление главы Правительства РФ на общем собрании РАН, в котором он выразил мысль о том, что рубить топором никто не собирается. На наш взгляд, реформа системы институтов РАН проводится без понимания реальной картины состояния и деятельности этих институтов и лабораторий, без учета мнения научного сообщества и в конечном итоге не в интересах долгосрочного развития науки и самого государства. Ее целеполагание неизвестно. Инвентаризации, грубо говоря, то есть проведения экспертной оценки того, что есть и что как работает, не проведено. А между тем нынешнюю модель организации и финансирования науки уже предназначили к слому. Согласно Программе фундаментальных исследований, руководить ей будет некий координационный комитет, от формирования которого РАН устранили. Что он решит, то и будет. Скажет не давать денег — не дадут. Отрезание от базового финансирования резко сокращает количество научных кадров в стране. Может, в этом и цель? Так же, как и реструктуризации. Никто не сказал, для чего вся эта реформа происходит, какой результат хотят получить. Нельзя исключить, что в результате многие академические организации будут поглощены вузами или другими структурами. В США большая часть науки делается в университетах. Но у нас же другие исторические традиции. Хотите иметь и университетскую науку -пожалуйста. Создали федеральные университеты -давайте посмотрим, как они работают.

Мы не против реформ. Но они не должны вести к уничтожению. Наука ведь и без того стоит на коленях. Вот уже почти два года с начала реформирования РАН мы пытаемся донести до госструктур свою позицию. Она заключается в том, что нельзя академию отлучать от участия в управлении наукой. Неправильно смотреть на исследовательские институты исключительно как на «хозяйствующие субъекты».

— Вы говорите о самоуправлении, а высокие должностные лица государства считают, что управление наукой должно быть централизовано и сосредоточено в правительстве.

Если все это передать на откуп чиновникам, мы можем просто потерять российскую науку. Вместе с научными коллективами и институтами исчезнут целые направления, а оставшиеся выродятся в бюрократические учреждения, где не будет места научному творчеству. Сегодня три главных субъекта национальной науки — Минобрнауки, ФАНО и Президиум РАН сошлись в клинче. Уже сейчас видно, что эта реформа повторяет худший сценарий реформирования здравоохранения и образования. У тех специалистов, кто уцелел, при незначительном повышении оклада резко выросли нагрузки. В науке это вызовет обвальное падение продуктивности и срыв выполнения Госпрограммы развития науки и технологий. Должно быть обеспечено самоуправление науки. Дебюрократизация и уважение академических свобод -необходимые условия восстановления эффективности, а также авторитета и роли науки в обществе. Наукой должны управлять ученые!

— Но есть хоть какие-то положительные результаты за два последних года?

Я их не вижу. Реальные проблемы академической науки не решаются, а только обостряются. Это отток из страны ученых, разрыв между фундаментальными исследованиями и инновациями, устаревшая приборная база и инфраструктура, отсутствие механизмов связи между наукой и высшим образованием. Роль академии свелась к своеобразному элитному клубу ученых. Функции управления наукой все больше берет на себя ФАНО. Научное сообщество практически лишилось возможности влиять на свою судьбу и судьбу российской науки. Усиление бюрократизации деятельности руководства научных организаций затронуло и самих сотрудников. Возникают конфликты в академических институтах и региональных научных центрах. И причина очевидна: узкоутилитарный подход к сфере науки и высшего профессионального образования.

— Глава ФАНО М. Котюков считает, что уровень госфинансирования науки в России уже соизмерим с расходами развитых стран и сегодня речь может идти лишь об увеличении негосударственных вливаний.

Это не так. На фундаментальную науку выделяются мизерные средства. И их сокращение в сложившейся экономической ситуации приведет к необратимым последствиям. Мы считаем, что финансирование науки и образования должно осуществляться в приоритетном порядке на уровне, объявленном Указом Президента РФ от 7 мая 2012 года. Экономить на науке и образовании — значит уничтожать будущее! Теряя науку в регионах, в том числе в национальных ре-

спубликах, где у нее важная социальная функция — формирование и поддержание слоя местной интеллигенции, научных работников и просто образованной молодежи,— мы закладываем мину под единство нашей многонациональной страны.

— Одной из общих проблем нашего развития является невостребованность результатов научных исследований со стороны российской экономики. Обвинять в этом академическое сообщество как-то странно. Но как тогда вы расцениваете голоса с высоких трибун, призывающие ученых думать о заработках?

Нам действительно необходимо в сфере прикладной науки воссоздать национальный сектор исследований и разработок инновационный локомотив промышленности и бизнеса. Без него мы не вступим в клуб мировых технологических лидеров. Однако было бы ошибочно всю науку воспринимать как совокупность бизнес-проектов. Это совсем особая среда. Показатель общего уровня развития страны — главный инструмент модернизации общества и государства. Если мы хотим поддерживать и укреплять национальную конкурентоспособность, приумножать человеческий капитал, мы обязаны сохранять и постоянно развивать научную и научно-техническую среду. В ее питательном бульоне формируются научные лидеры мирового уровня. Значит, нам нужно иметь исследовательские институты, охватывающие широчайший спектр областей фундаментальной науки и с достаточным числом ученых. Никакие действительно прогрессивные преобразования не должны предполагать дальнейшего сокращения численности научных работников или административного секвестра тематики исследований.

— Реформирование может свестись лишь к сокращению сектора науки и ее роли в жизни общества.

Повторяю, без массовой науки гении не рождаются. Мне кажется, что в Минобрнауки это не понимают. Видимо, чиновники думают, что наукой призваны заниматься только выдающиеся, сингулярные личности. Это не соответствует реальности. Нужна и массовая наука. Вместе с тем важно развивать центры науки и научного образования высшего мирового класса. В тех областях, где мы способны быстро воссоздать научные коллективы, где сохранились ведущие научные школы, очень остро стоит вопрос восстановления научной инфраструктуры, модернизации существующих и создания новых научных установок и комплексов. Не только квалификация ученого, но и качество инструментария влияет на уровень науки.

— У научного сообщества есть концептуальное видение того, что надо делать?

Естественно. Участники конференции предложили следующие неотложные меры по развитию российской науки.

Первое, поддержка «базового» финансирования фундаментальной науки, по крайней мере на уровне 2014 года, с проведением объективной и компетентной оценки результативности работы научных организаций. Мы за конкурсное финансирование, в том числе научными фондами, но не за счет базовых средств.

Второе, целевая поддержка лидирующих научных организаций и лабораторий, работающих на высшем мировом уровне, создание новых центров, поддержка конкурентоспособных на мировом уровне научных школ.

Третье, формирование программы воссоздания и развития научной инфраструктуры, всесторонняя ее экспертиза и ускоренная реализация, в частности, в рамках государственной инвестпрограммы.

Четвертое, реализация сформированных государством и научным сообществом приоритетов фундаментальной и прикладной науки путем создания соответствующих государственных программ, в том числе междисциплинарных или межведомственных, с открытыми и прозрачными процедурами принятия решений и финансирования, повышенной ответственностью участников за результаты.

Вот о чем должна идти речь. Иначе в ходе столь деятельного реформирования науку могут просто выплеснуть вместе с водой, как ребенка из поговорки. Или же, как образно сказал один мой коллега, она попадет в ситуацию старого Фирса из «Вишневого сада».

http://www.russia-today.ru/article.php?i=1491&priz_vozvr=1

41. Как набрать большой индекс цитирования, работая в России?

27 июля 2015

Сергей Стишов
Академик РАН
Газета.ru

Задача ученого — производить новое знание и сделать это знание достоянием человечества. Для этого мы работаем, хотя не многие из нас столь торжественно определяют свою миссию. Нам просто нравится узнавать новое, при этом не все, что мы производим является действительно новым и важным. Со временем все лишнее отсеивается, а истинно новое входит в учебники, монографии, энциклопедии и т.д. Однако все это может не случиться при жизни ученого. Текущий вклад ученого в науку сейчас принято оценивать с помощью простого, но не бесспорного критерия — индекса цитирования, то есть числом цитирований трудов ученого в литературе. Действительно, если вас не цитируют, значит никакого вклада в науку Вы не сделали.

На самом деле не все так просто. О Вашей работе могут вспомнить через несколько лет, как это нередко бывает. С другой стороны, кто-то с помощью коллег и самоцитирования может значительно нарастить свой индекс, но это не имеет ничего общего со вкладом в науку. Так или иначе, индекс цитирования приобрел неоправданно большое значение на Западе и сейчас принимается на вооружение в нашей стране. Это означает, что нужно публиковать как можно больше (publish or perish) и добиваться максимального цитирования, чтобы не потерять работу и получать средства (гранты), необходимые для проведения исследований.

Я только что вернулся из Барселоны, где участвовал в 20-й Международной конференции по магнетизму, и именно это обстоятельство послужило поводом для написания настоящей заметки.

Итак, о конференции. Более двух тысяч участников. Масса докладов. Среди них пленарные (1 час), полупленарные (45 мин) и приглашенные (30 мин). Ни одного из России. Устные доклады (15 мин), есть порядка десяти российских. Среди 93 членов International Advisory Committee нет ни одного россиянина, что собственно и объясняет ситуацию. Вопрос, в настоящих условиях ожесточенной борьбы за индексы цитирования: так ли уж важно числить в своем активе пленарные, приглашенные и устные доклады на международных конференциях? Само по себе это важно, поскольку устный доклад и последующая дискуссия может способствуют признанию работы и тем самым повысить ее цитируемость. Кроме того, участие в конференциях особенно в ранге устного докладчика повышает оценку эффективности работы ученого. С другой стороны, казалось бы, что упомянутая активность уже указывает на высокий международный статус ученого и соответственно высокую цитируемость.

Все это, однако, представляет собой задачу о курице и яйце. Действительно, например, Вы сделали хорошую работу и отправили ее для публикации в журнал с высоким импакт фактором, преодолели сопротивление рецензентов, и ура -работа напечатана. Означает ли это, что Ваша работа будет широко цитироваться? Вовсе нет. Дело в том, что научные территории, равно как и все другие, фигурально поделены между различными группами (кланами), в данном случае научными. Эти кланы могут быть расположены в различных странах, но они обмениваются между собой студентами, постдоками, проводят совместные исследования и пр. Фактически лидеры этих кланов определяют тематику конференций и ведущих докладчиков. Представители этих кланов также в значительной степени контролируют и редакции соответствующих журналов. В свое время мой хороший знакомый — канадец жаловался мне, что доступ в журнал Phys.Rev. Lett. находится под контролем научной «мафии» фирмы «Белл» и пробиться туда нет никакой возможности.

Существенно, что европейские и американские ученые могут свободно перемещаться практически по всему миру, что, увы, мы делать не можем. Более того, мы не можем приглашать к себе иностранных студентов и постдоков ввиду невозможности обеспечить им адекватное содержание. Уезжающие на Запад наши бывшие студенты быстро становятся «иностранными» учеными

и не могут помочь нам сформировать паритетные взаимоотношения с соответствующими группами. Таким образом, мы оказываемся чужими в этом сложном конкурирующем мире.

Итак, продолжим, Вы опубликовали приличную работу в приличном журнале. Здесь возможны десятки сценариев, начиная от полного игнорирования работы и ее упоминания сквозь зубы наряду с другими работами, часто не имеющими отношения к делу, до восторженных, может быть, не всегда искренних, откликов. Вы, наверное, удивитесь, что работа, опубликованная даже в весьма престижном журнале, не гарантирует Вам участие в той или иной конференции в качестве приглашенного докладчика. Я помню, как один мой американский коллега жаловался мне в надежде на мою помощь, что его доклад, отправленный на конференцию по высоким давлениям, не получил статуса доклада по приглашению, хотя в его активе были несколько публикаций в «Nature» и «Science». Все это совершенно понятно. Члены оргкомитета имеют своих сотрудников и учеников, и в конце концов, друзей и их учеников и пр., и поскольку каждый шаг может быть использован для получения грантов или продвижения по службе, то предпочтение отдается именно этим людям. И никакие сантименты, связанные с тем, что Вы, например, происходите из всем известного института, где работали великие ученые, здесь не помогут. Однако, если Вы сделали гениальную работу, то все эти мелкие соображения, как правило, теряют силу и Вы получите пленарный доклад и обширное цитирование. Но делать гениальные работы каждый день не получится. Более того, что делать тем, кто публикует доброкачественные работы, не содержащие особых откровений, но представляющие собой вполне определенный научный вклад. Сейчас Интернет заполнен рекомендациями как повысить свой индекс цитирования. Ниже я выборочно цитирую рекомендации сайта http://elibrary.pro/rinc-i-indeksy.html:

«ПУТИ ПОВЫШЕНИЯ ИНДЕКСА ЦИТИРУЕМОСТИ И ИНДЕКСА ХИРША

Многие ученые задаются вопросом, как повысить индекс Хирша и как повысить индекс цитируемости РИНЦ. Для этого необходимо:..

• Стремиться публиковать оригинальные статьи высокого научного и практического уровня, на которые охотно бы ссылались другие авторы.

• Публиковаться в соавторстве с коллегой, имеющим высокие наукометрические показатели.

• При направлении публикации в англоязычные издания, давать ссылки на собственные статьи, опубликованные в переводной литературе.

• Увеличить обмен ссылками с коллегами, а также самоцитируемость.»

Первый пункт совершенно бесспорен. Надо делать хорошие работы. Метод, указанный в пункте два, пользуется определенной популярностью, хотя и выглядит несколько сомнительно с этической точки зрения. Действительно, зачем коллеге с высоким индексом публиковаться с вами? Значит Вы предлагаете ему то, чего у него нет, или, по-другому, предлагаете ему себя. Однако бывает, что, если Ваши предложения или идеи представляют собой нечто ценное, эти идеи перехватываются этим высоко цитируемым коллегой и Вы остаетесь ни с чем. Пункт третий может немного помочь. Что же касается четвертого пункта, то это — уже какие-то махинации, и уважающий себя человек не будет этим заниматься. Итак, остается практически один путь — делать хорошие работы. Но один в поле не воин. Однако, если вокруг вас будет группа людей, систематически печатающих хорошие работы в хороших журналах, шансы на то, что вас заметят и будут цитировать, значительно увеличатся. Не следует упускать из виду рекламирование лучших работ на институтских англоязычных сайтах, участие в международных конференциях, и организацию международных конференций. Ну и затем, как это ни печально, не меняйте тематику исследований. В противном случае вас скоро забудут ваши прежние коллеги, и не скоро признают новые.

По-видимому, можно придумать много различных ухищрений, повышающих вашу цитируемость. Однако только полная интеграция России с демократическим мировым сообществом и последующее свободное общение с коллегами, безвизовые путешествия по миру, возможность трудоустройства иностранных ученых разного калибра в России, наличие современного оборудования и пр. дадут вам равные возможности для восхождения на вершины мировой научной элиты.

Apendix:

1) Я описал некоторые проблемы, с которыми сталкивается ученый, желающий получить большой индекс цитирования. Я пытался показать, что средний индекс цитирования даже хорошей

российской работы будет всегда ниже эквивалентной западной. Поэтому попытки наших агентств и деятелей правительства (вспомним речи Голодец) судить нас, ученых, пользуясь наукометрическими критериями не вполне адекватен.

2) Мне лично очень не нравиться фетишизация все этих индексов. Публикацию пространных списков российских ученых с индексами за все время, за последние 7 лет, или тех, у кого индекс больше тысячи, я рассматриваю как неавторизованную публикацию персональных данных и, следовательно, вторжение в частную жизнь. Здесь я вспоминаю, изречение печально известного капиталиста Полонского (сейчас находится в узилище), который сказал на какой-то там вечеринке: «У кого нет миллиарда, те могут идти в жопу». При развитии тенденции, связанной с увлечениями индексами, я боюсь, что мы скоро станем говорить: «У кого индекс цитирования меньше тысячи, те могут идти на …

http://www.gazeta.ru/science/2015/07/23_a_7653777.shtml

42. Образование стремительно деградирует

31 октября 2015

Михаил Садовский
Академик РАН
Уральский рабочий

На прошлой неделе два старейших вуза УрГУ и УПИ (ныне УрФУ) широко отмечали 95-летие. Празднование состоялось при отсутствии виновников торжества: теперь таких вузов нет. Они исчезли в результате реформирования системы высшего образования. Реформа российского образования усиленно продолжается. В настоящее время идет второй этап, в ходе которого исчезнет еще ряд высших школ. На первом этапе создали из нескольких высших учебных заведений федеральные университеты. Сейчас дошла очередь и до других вузов, которые планируется соединить в некие региональные университеты. Последствия первого объединения уже ощутили на себе сотрудники федеральных университетов. Каковы они и что ждать от нового этапа преобразования российской высшей школы? Своим мнением по этому поводу поделился заведующий лабораторией теоретической физики Института электрофизики УрО РАН, академик РАН Михаил САДОВСКИЙ, который около 20 лет проработал на физическом факультете УрГУ, как представитель Академии наук многие годы был членом совета ректоров.

Ученый был против объединения УрГУ и УГТУ-УПИ в один университет. Это несогласие стало одной из причин, по которым он покинул университет и сейчас работает только в Академии наук.

— Почему вы были против объединения двух университетов?

С самого начала было ясно, что эти два вуза сильно отличаются друг от друга. Они выполняли совершенно разные задачи: УПИ готовил инженеров для промышленности, а УрГУ — преподавателей для системы образования и работников науки. Оба вуза были ведущими в своей области. УрГУ, например, незадолго до объединения занимал третье место в российском рейтинге по количеству подготовленных членов Академии наук и ректоров вузов. В результате объединения бюрократическая машина УПИ, которая была более громоздкой, чем в УрГУ, разрослась еще больше, и по обоим бывшим университетам стоит вселенский стон преподавателей, которые вынуждены заполнять бесчисленное количество таблиц, планов, отчетов, вместо того чтобы заниматься образованием.

— Федеральные университеты теперь пытаются превратить в научные центры…

Началась бессмысленная борьба за вхождение федеральных университетов в международные рейтинги. Преподавателей вынуждают заниматься научными исследованиями, так как Минобрнауки считает, что это необходимо для продвижения в рейтингах. Но это мнение ошибочное. Вся научная деятельность не сосредоточена в университетах и в других странах. Даже в США есть огромная система национальных лабораторий, где ведутся наиболее дорогостоящие исследования, которые никакого отношения к университетам не имеют. Да и положение наших и западных

преподавателей совершенно разное. Учебные нагрузки наших педагогов составляют сотни часов в год, они должны несколько часов в день заниматься преподавательской работой. Когда же им заниматься исследованиями? Для нашей страны это мало приемлемо. У нас традиционно сложилась другая система: исследованиями в основном занимались академические институты, вузы главным образом готовили кадры. В результате наши университеты, в частности УрФУ, начали заниматься приписками и очковтирательством: в отчеты о научной деятельности стали включать работы, выполненные сотрудниками академических институтов, работающих по совместительству в вузах. Требовать поголовно от всех, чтобы они занимались научной работой,— глупость. Основная задача вузовского работника — преподавание. Нет ничего плохого в том, чтобы научные исследования развивались и в университетах, но не за счет снижения уровня подготовки специалистов.

— Похоже, что этот уровень у нас снижается…

Причем постоянно. Начало ему положила реформа общего образования, которая началась задолго до нынешних преобразований РАН и высшей школы. Учителей заставили заниматься формальной отчетностью, вместо того чтобы поднимать уровень обучения. В результате качество преподавания в школах у нас очень сильно упало. Работая в университете, я около 20 лет наблюдал, как происходило постепенное снижение уровня знаний студентов. Второй причиной того, что я ушел из университета, стало то, что преподавать стало совсем неинтересно, лекции читал для самого себя. Если до 2000 года были еще достаточно сильные группы, то в XXI веке уровень студентов упал так низко, что пришлось сильно упрощать материал, но даже этот упрощенный материал современные выпускники школ воспринимали плохо.

Снизился уровень преподавателей и, самое главное, руководства вузов. Сейчас у нас практикуется разделение труда: управляют образованием, наукой управленцы, считающие, что дело ученых — писать формулы. Результат такого подхода мы уже видим. Все, что происходит в объединенных университетах, в частности в УрФУ, я думаю, связано с управленческой деятельностью нынешнего ректора и той команды, которую он привлек.

— Кто по новым правилам может возглавлять вуз?

Ректором вуза может стать кандидат наук, а не доктор, причем из сферы, не свойственной данному университету. Раньше в вузах даже кафедры возглавляли, как правило, доктора наук. Боюсь, что такое же развитие ожидает и РАН. Директором теперь может быть лишь человек в возрасте до 65 лет. Большинство высококвалифицированных людей, особенно из числа руководителей, эту планку уже преодолели. Поэтому идет тотальная смена директоров. Но, к сожалению, у нас поколение 40–50-летних было выбито реформами. Таких людей просто очень мало, тем более с высоким уровнем квалификации.

— То есть ситуация ухудшилась по сравнению с дореформенной?

Да. Результаты печальны. В УрФУ ликвидирована система факультетов, которая существует во всем мире, их слили в некие институты. Кафедры остались, но кафедра теоретической физики, на которой я работал, перестала быть выпускающей. Если раньше на физфаке в УрГУ была группа теоретиков, сейчас есть только случайные студенты, которые по собственной инициативе получают подготовку в области теоретической физики. Их считанные единицы, и чаще это не самые сильные студенты. Это притом, что теоретическая физика — фундаментальная область. Заниматься физикой, не получив подготовки в области теоретической физики, просто невозможно. Возьмем, к примеру, курс статистической физики — это один из основных разделов теоретической физики, без которого физикой просто нельзя заниматься в принципе. Сейчас этот курс слушают от силы 30 студентов из 100, а с астрономами — из 150. У остальных он не входит в программу, хотя во всем мире этот предмет преподается всем студентам всех физических факультетов. Зато придумываются всякие новомодные названия специальностей. На бывшем физфаке теперь много студентов готовится по специальности «инноватика». Такой науки вообще нет, и специальности — тоже. И все это творят пресловутые управленцы. Ничего хорошего за этим не следует. Теперь этот печальный опыт перенесут и на другие вузы. Так, намереваются объединить в некий региональный университет Горный университет, УрГЭУ и другие вузы. Можно представить, чем это закончится: 3–4 хороших вуза превратятся в некое уродливое образование, которое будет учить студентов неизвестно чему.

— Вы полагаете, что нет смысла объединять горняков и экономистов под одной крышей?

Конечно. Что у них общего, кроме того, что они расположены рядом? Вся горная промышленность Урала жила и живет на выпускниках горного университета. Зачем к нему присоединять УрГЭУ, который занимается совершенно другими вещами? Это нелепость. Цели, которые преследуются при этом, отчасти понятны: сокращение расходов. Но перспективы кажутся очень мрачными. Аналогичные преобразования происходят и в науке: сейчас пытаются провести реструктуризацию научных институтов путем объединения совершенно разнородных структур. Не знаю ни одного разумного человека, который бы это приветствовал. Это спускается сверху. На директорский корпус оказывается сильное давление. Ничего хорошего от этого нам не светит.

— С чем это связано?

С порочной идеологией, с тем, что в ключевые министерства пришли эти самые управленцы, которые управляют зачастую тем, в чем они ничего не смыслят. Уровень компетенции этих людей низкий. Я не скрываю, что считаю неверной политику, которую проводит министр образования Дмитрий Ливанов. Он начал наводить порядок в системе образования и пытаться реформировать РАН исходя из глубоко неверных представлений о том, как все это должно быть устроено. Вот мы и имеем то, что имеем. Развалить все можно очень быстро, а восстанавливать придется очень долго. Наша образовательная и научная системы были если не лучшими, то вторыми в мире. Сейчас ситуация не такая. Уровень деградации усиливается. Мало надежд на то, что этот процесс будет приостановлен и дело пойдет в обратном направлении. Приведу исторический факт: сразу после Сталинградской битвы, когда до конца войны было еще далеко, правительство решило не призывать на фронт студентов технических специальностей вузов, так как задумалось о том, что после войны народное хозяйство нужно будет восстанавливать, а основная масса инженеров уже погибла. Вот пример прозорливой политики. Ничего похожего на это сейчас просто нет. Идет развал в системе образования, научных исследований. И никто не слушает предостережений специалистов.

http://xn——-6kcabbhjttpdjeip1d1agppy8h0e.xn — p1ai/society/16884/

43. Наука деградирует ежегодно, ежечасно

9 декабря 2015

Александр Кулешов
Академик РАН
Газета.ru

Александр Кулешов о том, нужна ли наука России: интервью на форуме Moscow Science Week

О нынешних и будущих проблемах российской науки отделу науки «Газеты.Ru» рассказал Александр Кулешов — российский ученый-математик, доктор технических наук, специалист в области информационных технологий и математического моделирования, академик РАН, директор Института проблем передачи информации им. А.А. Харкевича РАН.

— В аннотации заседания «Зачем нужна наука в России?», которое проходит в среду на Неделе науки в Москве с участием руководства РАН, ФАНО и Минобрнауки, Вы утверждаете следующее: «В настоящее время правительство РФ разрабатывает стратегию научно-технологического развития страны на долгосрочный период, в которой будут определены приоритеты государственной научно-технической политики. По всей видимости, это будет основополагающий для нас документ». Что вам уже известно про эту концепцию?

Я эту концепцию одним глазом видел — а может, даже читал. Любая концепция состоит из общей части, которую обычно пролистывают, и из набора конкретных действий, который читают внимательно. С набором конкретных действий в концепции научно-технологического развития пока не очень хорошо. Прошло два с половиной года с момента принятия реформы РАН, и что за это время произошло? Ничего. Хотя если точнее сказать — ничего плохого. Для нашего инсти-

тута, например, произошли хорошие изменения: мы здание наконец получили — а это для нас жизненно важное событие.

— Вот ученые жалуются, что кучу бумаг нужно заполнять…

Это отчасти неправда. Конечно, количество бумаг удвоилось. Но почему удвоилось? Академия наук продолжает присылать бумаги, и бумаги еще шлет ФАНО. ФАНО, как и любая новая организация, хочет сделать инвентаризацию. Это и понятно: начальный поток должен быть выше стационарного. Но я вот что скажу: если институт организован правильно, все эти бумаги ни до каких ученых не доходят. Вот спросите у нас любого сотрудника, знает ли он про эти бумаги. Любой сотрудник ответит, что ничего не знает. Поэтому должен быть нормальный бюрократический аппарат в каждом институте, который на это реагирует и не пускает это все вглубь. Да, наш административный аппарат стал более загруженным — но это вещь настолько мелкая, что не стоит даже обсуждать.

— А что вы думаете по поводу слияния институтов в рамках реформы?

Слияния, конечно, бывают чудные — иногда объединяют, например, три института, расположенных в разных городах. Но эти институты сами выступили с предложением о слиянии — насильно никого не объединяют. Что будет дальше, я не знаю. Пока нет общей идеи (чего мы хотим добиться), бессмысленно говорить об эффективности слияний. В общем, пока не видно очевидной пользы от объединения институтов — но не видно и очевидного вреда. Ну разделили один институт на два — вреда тут никакого нет.

— Но возмущенные налогоплательщики скажут: зачем два института занимаются одним и тем же, в то время как можно сделать один институт, но сильный?

Они не занимаются одним и тем же! Чем они занимались, тем и продолжают заниматься: это совершенно не зависит от слияний. В масштабах государства — это очень мелкий вопрос, не имеющий никакого значения. Проблема в ином: в стране наука деградирует ежегодно, ежечасно. И продолжается это уже 25 лет. Вот что нужно остановить, а вовсе не объединения институтов. Без науки великой державы существовать не может. Часто налогоплательщики даже не понимают, за что они отдают деньги. Они не понимают, что тот же вай-фай разрабатывался в течение многих лет огромной научной кооперацией. Эта научная кооперация собирается 12 раз в год, обсуждает свои разработки, голосует…Но люди думают, что все изобретают инженеры, хотя инженеры — это третье звено в создании любого продукта. В каждый новый промышленный продукт вкладывается огромное количество науки. Как сказал Саркози, электричество возникло не вследствие модернизации свечи.

— А еще возмущенные налогоплательщики могут сказать, что во многих институтах до сих пор есть огромное количество сотрудников практически пенсионного возраста, которые приходят на работу, ничего не делают (у них даже компьютера нет), читают газеты и пьют чай. Что с этим делать?

Скажу так: люди, которые не занимаются научной работой, не должны быть сотрудниками институтов.

— Но такие сотрудники есть! И в институтах РАН, и в вузах.

В вузах они хотя бы лекции должны читать. Но, кстати, в вузах таких сотрудников иметь гораздо хуже, потому что они занимаются воспитанием молодежи. Из-за этого у нас уже закончилась советская инженерная школа, а новая еще не началась. И самое скверное — нам ее не на чем начать. Инженерная школа, которая существовала, просто перестала жить как технология. Поэтому вопрос о том, что делать с теми, кто не работает, похож на вопрос, что делать с теми, кто ворует. С другой стороны, тут нельзя быть абсолютно линейным: ведь у каждого своя задача, свои функции. Молодые больше пишут статьи, пожилые больше пишут книги и занимаются воспитанием молодежи. Все происходит как в нормальной организованной семье: есть бабушка, которая вроде ничего не приносит, но без нее все развалится.

— Вы говорите про развал российской инженерной школы. А все ли технологии, изобретенные на Западе, еще могут воспроизвести российские ученые?

Да ладно воспроизвести. Намного страшнее, когда ты просто не можешь понять, как это сделано.

— И что с этой ситуацией можно делать?

Я не администратор, я не знаю, что делать. Но власть должна знать, как с этим справиться. Советское время не было идеальным, но тогда существовал мостик между потребностями государства и возможностями науки.

— Может, этим мостиком должна быть Академия наук? Тем более что Минобрнауки постоянно пеняет РАН, что она не пользуется своими функциями — управлять всей фундаментальной наукой в стране.

Я не люблю слова «академия», потому что оно включает в себя три совершенно разных смысла. Первый смысл — собрание людей (в основном очень пожилых), второй — 100 тыс. сотрудников, третий — так называемый президиум, который сейчас ничем не управляет.

— Кажется, в министерстве имели в виду руководство Академии наук.

Я не понимаю, что такое «руководство Академии наук» и что оно может сделать. Академия сегодня как институт бессильна. Это заведение, обладающее нулевой функциональностью.

— А ФАНО?

Лично у меня от ФАНО хорошие впечатления. Да, люди, которых туда взяли, работают не по специальности — но они стараются разобраться в силу своих возможностей. В плане финансовом, например, они все делают намного лучше, чем Академия наук. Смешно от ФАНО требовать, чтобы они предложили свою концепцию научно-технологического развития. Это как меня поставить заместителем министра финансов — от меня не будет прока.

— Возвращаясь к первому вопросу…А кто все же должен писать концепцию научно-технологического развития?

Нет такого человека, и организации такой нет. В СССР такой механизм и СМкто

с уровнем зарплат коллег на Западе. Особенно тяжко было в девяностые и в первой половине 2000-х годов. На ту зарплату жить было невозможно. У ученого, особенно молодого, оставались два пути. Первый — отъезд за границу на временную или на постоянную работу. Многие этот путь избрали. Некоторые жили на два дома. Временные стипендии и приглашения на временную работу позволяли за два-три месяца накопить достаточно денег для жизни в стране в остальную часть года, где цены еще были невысокими. Второй путь — это просто уход из профессии. Этим во многом объясняется та возрастная структура, которая сейчас существует в Академии наук. Довольно хорошо представлено старшее поколение, т.е. те, кто сложился как ученый еще в советское время. У этих людей, в силу возраста, по сути выбора не было. Вторая группа — молодежь. С середины 2000-х годов, когда зарплаты стали хоть немного повышаться и появились возможности получить грантовое финансирование, молодежь стала возвращаться в науку. Хуже всего представлен средний возраст. Это те люди, которые были молодыми в 90-х и первой половине 2000-х годов. Материальная проблема, на мой взгляд, главная. Это не только зарплаты. Это и возможности для проведения исследований, которые требуют денег. В большей степени это сказывается в естественных науках. Но и в гуманитарных науках нужно оборудование. Например, в археологии все большее значение приобретают междисциплинарные исследования, сотрудничество с естественными науками. А это требует средств, сопоставимых с теми, которые нужны в естественно-научных исследованиях. Необходимы средства и на закупку научной литературы, и доступ к платным ресурсам в интернете, на командировки, в том числе и для участия в конференциях, и т.д.

Многие другие проблемы Академии в значительной мере производны от этой проблемы недофинансирования, но есть и не связанные с ней. Сами принципы, на которых построена академическая система, мне кажутся правильными и полезными для развития науки. Академия — место, где занимаются чистыми исследованиями, в обязанности ее сотрудников преподавание не входит. Конечно, здесь есть опасность отрыва науки от образования, но в реальности его не было ни в советское время, ни особенно в последние десятилетия, поскольку практически все академические ученые преподавали в университетах, но в объеме, не мешающем основному занятию, исследованиям. Всегда существовала и академическая аспирантура. Второй принцип, на котором основывалась академическая система,

опубликовал данные о случаях плагиата в диссертациях в наиболее затронутых коррупцией сферах — экономических и юридических науках. Выяснилось, что в Академии наук случаев плагиата практически нет, а среди ректоров вузов число «клиентов» Диссернета составляет больше 20%, то есть находится на катастрофическом уровне. Эти данные свидетельствуют, что в среднем и уровень науки, и уровень научной честности в академии несравненно выше, чем в вузах. Тем не менее, в середине 2000-х годов появилось довольно сильное лобби, включающее высокопоставленных чиновников, в том числе и выходцев из научной сферы. У них свои представления о том, как должна быть устроена наука. В частности, они считают, что наука должна быть в университетах, а Академия наук и вообще учреждения, где занимаются чистой наукой, не нужны. Эти люди полагают, что таким образом воспроизводится западная модель. Но это превратное представление. Во всех научно развитых западных странах есть довольно крупные учреждения, которые занимаются чистой наукой вне университетов. Особенно это характерно для континентальной Европы. Во Франции и в Германии есть большие учреждения, подобные Академии наук, которые занимаются чистой наукой. И в Штатах есть крупные национальные лаборатории, которые по числу занятых в них вполне сравнимы с Академией, и там занимаются чистой наукой. Существование Академии наук, где не преподают, а занимаются только наукой, не является чемто исключительным, от чего нужно избавляться под предлогом, что нигде в мире этого нет. С середины 2000-х годов все настойчивее стали попытки уничтожить или максимально уменьшить значимость Академии наук в пользу университетской науки и других форм ее организации. А.А. Фурсенко, фактически определяющий всю научную политику в России в последние 15 лет — главный идеолог этого направления. Нынешний министр Д.В. Ливанов занимает сходные позиции. В результате в 2013 году произошла реформа Академии. Вначале она была задумана в гораздо более радикальной форме. Планировалось уничтожение Академии и создание на ее месте нового учреждения под тем же названием, лишенного всякой самостоятельности. Планировался также демонтаж системы научно-исследовательских институтов. Наши реформаторы следовали модели, реализованной в странах Прибалтики и в Грузии. В некоторых других восточноевропейских странах такого не было. В Польше, например, Академия наук сохранилась и продолжает играть большую роль. В результате сопротивления активной части академического сообщества была выбрана компромиссная модель. Сохранилась Академия наук (правда, к ней были присоединены Академии медицинских и сельскохозяйственных наук, что сильно понизило ее научный уровень). Но самое важное, что сохранилась система институтов. Правда, она была выведена из-под руководства Академии и переподчинена Федеральному агентству научных организаций (ФАНО). Сейчас появились некоторые признаки того, что возможно движение в обратную сторону. Стало понятно, что эта модель не действует.

— Следовательно, старых проблем академии ФАНО не устранило. А какие новые проблемы возникли в результате его бурной административной деятельности?

ФАНО — организация чиновническая, возглавляемая хорошим специалистом в управлении имуществом и финансистом М.М. Котюковым. Руководителям ФАНО удалось, на мой взгляд, достичь существенных успехов в том, что они хорошо умеют делать, т.е. в управлении имуществом РАН. Одной из проблем старой Академии была довольно-таки запущенная ситуация с имуществом. Были обвинения, что оно разворовывалось, однако доказательств этому приведено не было. По-видимому, дело здесь не столько в воровстве, хотя злоупотребления безусловно были, и имена людей, связанных с злоупотреблениями в прежнем Президиуме РАН, известны. Скорее проблемы с управлением имуществом были связаны с отсутствием компетенции и с отсутствием полномочий и финансирования. Управление имуществом требует денег, а на это денег не выделялось. Видимо, Президиум Академии наук не считал это важной проблемой. ФАНО за два года оформило имущество Академии так, как это должно было быть сделано. Его юристы выиграли ряд тяжб, в том числе по поводу некоторых институтов в Москве, здания которых уже были у них практически отняты. В этом направлении ФАНО оказалось эффективным. Но с управлением наукой, научными исследованиями, с тем, что является главной функцией научных учреждений, ФАНО не справляется. Это не их профессия. Они не знают как это делать, хотя вокруг Котюкова создана довольно динамичная команда, да и сам Котюков человек очень способный и легко обучающийся. Тем не менее, всего этого оказывается недостаточно. Выясняется, что Академия наук справлялась с этой задачей лучше, потому что лучше понимала нужды науки. Поскольку чиновники не очень хорошо понимают то, чем они руководят, то следуют обычному для любого чиновника в такой ситуации рефлексу: оградить и обезопасить себя большим числом бумаг,

чтобы потом было чем защищаться, если обвинят в каких-то проблемах, которые неизбежно возникнут. Все сотрудники администрации всех институтов жалуются на постоянно увеличивающийся вал бумаг, смысл которых часто непонятен. Их объем таков, что трудно представить, что эти бумаги кто-то читает. Некоторые директоры, у которых есть такие возможности, просто нанимают специальных сотрудников, которые заняты только формальными ответами на эти бессодержательные бумаги, отрывая средства от финансирования науки. В институтах, у которых таких возможностей нет, этим приходится заниматься директору или его заместителям. Они могли бы потратить это время с гораздо большей пользой на что-нибудь другое, в том числе и на собственные исследования. Я уверен, что институтом должен руководить действующий ученый, а не чистый администратор, и директору-ученому есть чем заняться, кроме бесконечного бумагопотока. Главная претензия к деятельности ФАНО состоит в том, что бюрократический пресс на науку очень сильно вырос. Время от времени рождаются инициативы, которые свидетельствуют о полном непонимании того, как действует наука. Например, требуют запланировать публикации на три года вперед, что абсолютно невозможно. Если ты начинаешь работать над какой-то темой или писать статью, то не знаешь какой будет результат, тем более не сможешь спрогнозировать, чем конкретно ты будешь заниматься через три года и каковы будут результаты. Сотрудники ФАНО этого не понимают совершенно. У них отсутствует представление о специфике научной работы. То вдруг предполагается вводить нормирование часов: сколько часов научный сотрудник должен думать над какой-то проблемой и как это должно быть выражено в рублях. Нормирование, допустим, труда рабочего, производящего какие-то детали — это понятно. А как нормировать труд ученых — это также непонятно, как нормирование труда художника или музыканта. Не исключена возможность того, что чиновники начнут требовать постоянного присутствия на рабочем месте, не учитывая, например, что ученый, если брать историка, должен работать в архивах и библиотеках, да и вообще любой ученый, когда обдумывает проблему, которой он занят, то делает это непрерывно, а не с девяти до пяти на рабочем месте. Специфика работы ученых часто чиновникам непонятна, и поскольку им приходится руководить этой непонятной сферой, они производят все больше бумаг. Ответы на эти бумаги в разы больше, чем исходные документы. Допустим, они пишут циркулярное письмо во все институты и получают тысячу ответов оттуда. Это нужно как-то обрабатывать, они не справляются и должны нанимать новых сотрудников. Армия чиновников растет. Это давно описанная Паркинсоном модель разрастания чиновнических структур. В ФАНО мы это прекрасно видим. Количество чиновников, занимающихся управлением наукой в президиуме РАН, было существенно меньше, чем сейчас в ФАНО.

— А во сколько раз?

Точно ответить на этот вопрос я не могу, нужно поискать цифры, если они опубликованы. Но разрастание аппарата ощущается. Зримое выражение этого, например, тот факт, что в здании РАН на Ленинском проспекте, 32 постоянно приходится освобождать новые площади для все прибывающих новых чиновников. Скоро здесь и институтов не останется: постоянно идет речь об их выселении. Но главная проблема, конечно, не в том, что чиновники занимают все больше места, вытесняя институты: это скорее яркий символ отношений между учеными и чиновниками в системе ФАНО. Важнее то, что чем больше этих чиновников становится, тем больший процент финансирования они поглощают. Зарплата чиновников ФАНО довольно высокая по сравнению с научными сотрудниками. Начальник среднего звена в ФАНО получает больше, чем директор академического института, не говоря уже о научных сотрудниках.

— А эти расходы тоже считаются бюджетом науки?

Конечно, это бюджет на фундаментальные исследования.

— Сейчас в вузах одна из серьезных проблем — сокращение количества преподавателей и увеличение нагрузки. В академии намечается что-нибудь подобное?

Намечается. Вузы просто раньше стали реагировать на указы президента о повышении средней зарплаты в науке до двухкратной по регионам. В зависимости зарплаты от региона есть, конечно, некоторые основания. Но прямая привязка — это довольно разрушительная вещь. Получается, что научный сотрудник, занимающийся одной и той же проблемой и работающий с той же

продуктивностью, если он живет в Москве, будет получать зарплату чуть ли не в два раза выше, чем его коллега, живущий даже в Подмосковье, не говоря уже о более удаленных регионах. Если эти указы действительно будут выполняться, что не факт, то Москва будет работать как пылесос: если вам в столице предлагают зарплату в два-три раза больше, чем за ту же работу платят в другом месте, то естественно те, кто сможет, будут устраиваться в Москве. Этот указ довольно легко выполнить в региональных центрах — в Нижнем Новгороде, в Новосибирске — где средняя зарплата не очень высока, и там он уже выполняется. Но для Москвы это большая проблема. Если средняя зарплата в Москве в прошлом году была примерно 56 тысяч, то в науке вам нужно иметь среднюю зарплату 112 тысяч. Не секрет, что в Москве средняя зарплата в институтах РАН 25–30 тысяч. Это означает более чем четырехкратное повышение зарплаты. За выполнение этого указа отвечают директоры институтов. Есть «дорожная карта», требования которой они должны выполнять. Чтобы выполнять эти указы, им нужно или массово сокращать сотрудников, повышая зарплату немногим оставшимся, или искать иные источники финансирования зарплаты, или придумать какие-нибудь хитрости, вроде перевода большей части сотрудников на неполную ставку. При сохранении той же фактической зарплаты, на бумаге она будет в два-четыре раза выше. Впрочем, скорее всего с этим методом «повышения» зарплаты будут бороться. Возможно, несколько улучшат статистику дополнительные источники финансирования, прежде всего,— гранты. Потому что учитывается общая зарплата, а не только базовая. Но средний грант РГНФ и РФФИ –400–500 тысяч на группу до десяти человек. Т.е. 50–100 тысяч рублей в год на одного человека. Это существенно ситуацию не меняет, даже если все деньги пустить на зарплату, а они должны идти не только на зарплату, но и на командировки, на покупку оборудования и так далее. Гранты РНФ другого порядка. Они позволяют назначать зарплаты уже более приличные, но и то не в таком объеме, чтобы вывести их на уровень, требуемый указом президента. Гранты РНФ это большие гранты, но их мало кто получает, в отличии от грантов РФФИ и РГНФ. Они маленькие, но их получает много людей. Можно полагать, что будут большие сокращение числа работников академической сфере. Даже если удастся обойтись переводом на неполные ставки, это будет означать, что людям, формально работающим на части ставки, придется выполнять прежний объем работы.

— Процесс сокращений еще не идет пока?

Уже идет. Просто он начался примерно года на полтора позже по сравнению с университетами, потому что после начала реформы РАН было не до того.

— А есть у гуманитариев какие-то специфические проблемы, которые возникли в связи с реорганизацией РАН?

Проблемы общие у всех ученых. Гуманитариям проще, потому что они меньше зависят от внешних условий, чем исследователи, которые нуждаются в дорогостоящем оборудовании. Это связано не только с невысоким уровнем финансирования. Процедура закупки оборудования стала сейчас гораздо более бюрократизированной, чем несколько лет назад; все обросло целым рядом бюрократических ограничений. У гуманитариев меньше шансов с этим столкнуться, хотя если речь идет об отраслях гуманитарной науки, которые связаны с закупками оборудования или экспедиционными работами, то здесь проблемы те же самые.

— Во второй половине 2000-х много говорили о проекте Сколково, как альтернативе РАН. Сейчас о Сколково почти ничего не слышно.

Сколково существует. Оно было одной из главных площадок недавней Недели науки в Москве. Мне о деятельности Сколково мало известно, потому что там гуманитарные науки не представлены. Там сделан упор на прикладные исследования в биологии, химии, информатике и т.д. Есть и университет. На Сколково возлагались очень большие надежды. Пока не видно, чтобы они реализовались. По крайней мере, отдачи, сравнимой с объемом финансирования, не видно. Хотя там зарплаты совершенно невиданные для российской науки. Профессор Сколтеха получает, по словам работающих там людей, 800 тысяч в месяц.

— А с точки зрения публикационного процесса появление Сколково привело к какому-то прорыву?

Мне об этом ничего не известно. Это не моя специальность. Я не слежу за публикациями в сфере, где работает Сколково.

— *Вы обрисовали негативные последствия деятельности ФАНО для науки. Как, по Вашему мнению, дальше будет изменяться положение Академии? Есть ли надежда, что чиновники поймут, что наносят вред науке и внесут коррективы в свою деятельность?*

В принципе ФАНО и Президиум Российской академии наук стараются налаживать сотрудничество. Первоначально реформой РАН предусматривалось, что Академия никакого отношения больше к институтам не имеет. Все решает ФАНО, которое является учредителем институтов. ФАНО не только распределяет деньги и занимается имущественными делами, но также занимается научной политикой, назначает директоров и т.д. Вскоре после начала реформы эта позиция была смягчена, и ФАНО вступило в переговорный процесс с Президиумом РАН. В результате Президиум вернул себе часть полномочий. Стали говорить о принципе «двух ключей», согласно которому руководство институтами будет осуществляться ФАНО и Президиумом совместно, будет такое двойное подчинение. В реальности, поскольку нормативная база осталась прежней и изменения в закон о реформе Академии не были внесены, единственным учредителям институтов остается ФАНО. Вся власть у ФАНО. У Президиума есть только консультативные функции. Правда, Президиум и вообще Академия получили довольно существенный рычаг влияния на выборы директора. Кандидаты в директоры институтов теперь должны проходить через утверждения сначала отделением, а потом Президиумом. Это хорошая новость. Был сформирован Научно-консультативный совет при ФАНО, в который вошли большое число представителей Академии. Но формально он с Академией не связан, это не учреждение Академии. Постоянно происходят консультации между Президиумом РАН и ФАНО, но пока это не очень институциализировано. Сейчас обсуждаются разные варианты взаимодействия. Есть вариант, который мне кажется достаточно реалистичным. Это изменение закона, согласно которому Президиум и ФАНО становятся соучредителями институтов. ФАНО занимается имуществом и вопросами финансов. Академия занимается руководством научной частью, координацией и так далее. Это был бы неплохой вариант. Сибирское отделение РАН предлагает подчинить ФАНО Академии. Это тоже был бы тоже неплохой вариант. Это, собственно, та система, которая действовала в советское время: тогда имуществом занималось Управление делами Академии, руководителя которого назначал не президент Академии наук, а правительство. Управление делами находилось в составе Академии, но у ее руководства было двойное подчинение. Это тоже была работающая модель. Мне кажется, что развитие, в конце концов, придет к тому, что станет понятно, что руководить институтами без участия Академии просто невозможно. На мой взгляд, реформа не удалась и чем скорее это будет осознано, тем с меньшими потерями из нее можно будет выйти.

— *Я знаю, что недавно была пресс-конференция нескольких академиков. На ней уважаемые ученые об этих проблемах говорили. Но это выглядело, как их частное мнение. А создаются ли в РАН инструменты, которые могут транслировать обществу информацию о проблемах российской науки? Осведомленность широкой публики, несомненно, будет способствовать решению проблемы.*

В Президиуме РАН, разумеется, есть пресс-служба; собственные средства массовой информации есть и у Президиума РАН, и у ФАНО, и у Министерства образования и науки, но на мой взгляд для отношений с обществом важнее структуры, созданные учеными в порядке самоорганизации. Есть постоянно действующая Конференция научных работников, которая собиралась трижды. Первая конференция была проведена в 2013, сразу после реформы. Тогда нам менее, чем за месяц, удалось собрать две тысячи человек из разных регионов России, из разных учреждений. Это было крупное достижение. Это успешный пример самоорганизации научного сообщества. На этой конференции было принято решение, что ее оргкомитет сохраняется как постоянно действующий орган. С тех пор конференция собиралась еще дважды. Кроме того, ученым удалось вызвать довольно большой резонанс в прессе. По крайней мере, в той, которая желала интересоваться научными проблемами. Внутри Академии есть «Клуб 1 июля», состоящий из членов РАН, объявивших об отказе войти в новую Академию наук, если РАН будет распущена, как это планировалось по первой версии реформы РАН. Есть общественный Комитет по контролю за реформами в сфере науки. В него входят представители и «неформальных» организаций, таких, как Общество науч-

ных работников, Оргкомитет Конференции научных работников, «Клуб 1 июля», и официальных. Я там представляю Совет по науке при Министерстве образования и науки. Президиум РАН тоже там представлен, как и профсоюз РАН. Там есть журналисты, постоянно с нами сотрудничающие. Т.е. через Комитет тоже ведется работа по коммуникации с обществом и доведению до его сознания информации о том, что происходит в науке в целом. Есть налаженные связи и с рядом изданий. Мы тесно сотрудничаем с «Троицким вариантом». «Троицкий вариант», на мой взгляд, вообще играет очень важную роль. Это независимое издание, созданное самими учеными и заслужившее в научной среде очень хорошую репутацию; оно распространяется также и через интернет. Я знаю, что его читают не только представители научного сообщества, но и научное начальство. Общественное телевидение России тоже делает очень хорошие научные передачи.

— Что бы Вы посоветовали ученым? Что они могут сделать, чтобы изменить ситуацию в Академии в лучшую сторону?

Ученым я бы рекомендовал проявлять больше общественной активности. Даже в критический момент, когда началась реформа Академии, которая затрагивала жизненные интересы всех ученых, работающих в этой системе, в протестных акциях участвовало не так много людей. В Москве на них удавалось собрать максимум две-три тысячи человек. Если подсчитать научных сотрудников и членов их семей, то это меньше 5 процентов. Многие не интересуются ничем, узнают о происходящем в Академии и даже в их собственных институтах с опозданием в месяцы. Я бы посоветовал научным сотрудникам следить за событиями и реагировать на них. Это даже не общегражданская позиция, а позиция по защите своих профессиональных интересов. Если бы против реформы РАН никто не протестовал, то был бы реализован первый вариант реформы, который был гораздо хуже нынешнего. Благодаря тому, что было некоторое количество протестов, довольно неожиданных для власти, удалось добиться уступок. Если бы эти протесты были мощнее, если бы позиция научного сообщества была бы более артикулирована, то этот компромисс был бы заключен на более выгодных для ученых условиях, а может быть реформа была бы вообще свернута.

Когда я говорю о слабой активности ученых, о том, что они практически не осознают себя как сообщество, то речь идет совсем не только о протестных акциях. Пожалуй, гораздо важнее — но и сложнее — повседневное участие в управлении наукой, что предполагает не только противостояние, но и сотрудничество с чиновниками, диалог и выработку вместе с ними таких решений, которые исходили бы из интересов науки. Во всем мире в управлении наукой участвуют две главных силы — сами ученые и чиновники; участие последних неизбежно хотя бы потому, что они в нормально организованной стране представляют общество, которое вправе понимать, каким образом расходуются средства налогоплательщиков. Между учеными и чиновниками существует определенный баланс сил, свой в каждой стране, но, естественным образом, каждая сторона стремится увеличить свой вес и роль в принятии решений. Так что наступление чиновников на интересы ученых — вещь обычная во всем мире, но обычно оно парируется организованным и осознающим свои интересы научным сообществом, или, если угодно, ученой корпорацией. В западных странах попытки чиновников или политиков покуситься на интересы ученых, или провести какие-нибудь непродуманные реформы (реформы — любимое занятие чиновников во всем мире), встречают немедленный и организованный отпор, в котором участвует все научное сообщество. Баланс интересов достигается прежде всего путем диалога и сотрудничества, и протестные акции — крайний метод, который применяется лишь тогда, когда чиновники пытаются продавить нужное им решение, игнорируя мнение ученых. У нас, к сожалению, научное сообщество оказалось не в состоянии защитить свои интересы, и сейчас практически полный контроль над организацией науки получили чиновники. И связано это с тем, что научное сообщество в значительной своей части готово передоверить решение своей судьбы каким-то внешним силам и не готово не только бороться за свои интересы, но даже и тратить время и силы на то, чтобы их сформулировать. Многие ли из научных сотрудников знают содержание хотя бы тех нормативных документов, которые регулируют их профессиональную жизнь, понимают, какие у них есть права и что от них имеет право требовать администрация даже их собственных институтов, не говоря уж о более высоких инстанциях? По моему опыту таких единицы, очень немногие интересуются и теми изменениями в законодательстве, которые уже очень скоро будут определять их повседневную жизнь.

Важно понимать, что реформы совсем не закончились. Их исход во многом связан с реакцией научного сообщества. Новое наступление на интересы ученых вполне возможно и даже вероятно. Каждый научный сотрудник должен заботиться о корпоративных, т.е. в конечном итоге, о собственных интересах. К сожалению, на практике мы массовой активности не наблюдаем.

— *Это удивительно. Если мы вспомним историю дореволюционной России, историю западных стран, то там студенты и профессора всегда были лидерами общественного движения по отстаиванию гражданских прав. Сейчас мы наблюдаем, что активно бастуют «дальнобойщики». А профессора молчат. Здесь важно, что речь идет не об абстрактных для многих политических свободах, а, в прямом смысле, материальном выживании. Наступление на права ученых не встречает никакого сопротивления. Это поразительный феномен. Почему образованные люди отстают в социальном развитии от тех же водителей грузовиков?*

Когда началась реформа Академии, раздавались и такие голоса: «С вузами гораздо раньше начали обращаться, как сейчас с Академией, и давили нас еще хуже. Но что-то вы, сотрудники РАН, не выступали в нашу поддержку. Почему мы должны сегодня вас поддерживать?». Извините, но вузовские сотрудники должны были сами выступать в свою защиту. Если вы сами себя не защищаете, то как же вас сможет защитить кто-то посторонний? Сейчас ситуация в вузах значительно хуже, чем в Академии. Их давят гораздо больше, но протестов там гораздо меньше. И это удивительно. Когда мы организовывали последнюю Конференцию научных работников, то я предлагал некоторым сотрудникам исторических факультетов из региональных университетов приехать и выступить. Они в частном порядке рассказывают совершенно жуткие вещи об уничтожении исторического образования, просто на корню, в хороших региональных вузах, где раньше дело было поставлено совсем неплохо. Но профессора боятся, видимо, чувствуют себя более зависимыми и уязвимыми, чем сотрудники РАН. Публично никто на эту тему не выступил.

— *Получается, что водители более смелые?*

Ученые надеются договориться с начальством в частном порядке, выгадать при общей гибели некоторую отсрочку. Зря надеются.

— *На этой «оптимистической» ноте можно завершить наше интервью. Спасибо огромное.*

http://istorex.ru/page/ivanchik_ai_uchenie_nadeyutsya_dogovoritsya_s_nachalstvom_v_chastnom_poryadke_vigadat_pri_obschey__gibeli_nekotoruyu_otsrochku_zrya_nadeyutsya